

**Демократическое торжество Всемирного Дня печати
завоевано и мастерством журналистов нашей Победы**

Литературно-публицистический альманах

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

На снимке: фронтовые журналисты у Бранденбургских ворот в Берлине 1945 года.

В номере:

- ★ Генералитет Мелекесса-Димитровграда
- ★ Наш Александр Матросов
- ★ Версии Виктора СЫСУЕВА
- ★ Поэзия В.ГОРДЕЕВА, В.МАНУХИНА, О.ГРИГОРЬЕВА, И.ГАЛИНЗОВСКОЙ, Н.ГЛАЗУНОВОЙ
- ★ Александр НАДЫКТОВ.
К юбилею русского писателя
- ★ Римма ДОЛОДАРЕНКО
в путешествии по Казахстану, Киргизии, Уралу. «Х-956-КТ»
- ★ Александр НИКОНОВ.
«Ковчег острова Альмендралехо». Приключенческий роман

СОВРЕМЕННОЕ ЧИТАТЕЛЬСТВО

Патриотический,
литературно-
публицистический
альманах

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ
февраль-март 2010

Ульяновский региональный
благотворительный общественный фонд
поддержки ветеранов и офицеров
запаса КГБ, ФСБ, МВД
«Эгидा»

Об авторах

Ирина ГАЛИНЗОВСКАЯ
Закончила школу №17, учились в Мелекесском агролицее.
С 2006г. пишет стихи и прозу.
Мечтает издать сборник рассказов. На вопрос, к какой субкультуре она себя относит, Ирина отвечает: «Я - поэт».

Валерий ГОРДЕЕВ
Член Союза писателей СССР, Союза писателей России. Автор многих книг и публикаций.
Лауреат нескольких литературных премий. Поэт, публицист, переводчик, издатель.

Наталья ГЛАЗУНОВА
Публиковалась в приложении «Слово», в альманахе «Соль на парусах», в местной газете поселка Первомайский, Тамбовской области, где прошли ее детство и юность.
В Москве - в независимом альманахе «Московский Парнас». Член ДПО.

Римма ДОЛОДАРЕНКО
Член ДПО.
Краевед, публицист, прозаик.
Экстрим-путешественник.
Человек большой эрудиции.
Автор путевых очерков.

Олег ГРИГОРЬЕВ
Член ДПО.
Поэт. Автор книги стихов «Я и Ты».
Живет в Димитровграде.
Работник НИИАРа.

Василий КОРОБКОВ
Член Союза писателей России.
Автор многих книг. Лауреат областного литеоконкурса. Поэт, прозаик.

Об авторах

**Валентин
МАНУХИН**
Член Союза
писателей России.
В прошлом -
офицер РВСН.
Автор трех
поэтических
сборников.
Работает в
Димитровграде.

**Елизавета
ПАРФЕНОВА**
Член ДПО. Автор
многих
публикаций и
произведений для
детей и
юношества.
Поэтесса,
прозаик.

**Александр
НАДЫКТОВ**
Учился в МГУ.
Независимый
публицист. Автор
литературно-
критических
работ.
Публиковался
в журналах и
газетах Украины
и Ульяновской
области. Член
ДПО, живет
и работает
в Димитровграде.

**Виктор
СЫСУЕВ**
Автор двух книг.
Член ДПО. Поэт,
прозаик,
переводчик,
краевед.
В настоящее время
работает
над книгой о
древнейшей
истории родного
края.
Автор нового
переложения на
современный язык
памятника
древнерусской
литературы
*«Слово о полку
Игореве»*.

**Александр
НИКОНОВ**
Член Союза
писателей
России. Автор
четырех книг
прозы. Прозаик,
сказочник,
сценарист.
Лауреат
областного
литконкурса.

С Днем писателя!

3 марта принято отмечать Всемирный день писателя. И, как всегда, к таким датам принято подводить некоторые предварительные итоги. Вот и в нашем Димитровградском писательском отделении Ульяновской областной писательской организации Союза писателей России сегодня есть события, которые нельзя не заметить.

Во-первых, численно увеличился состав нашего писательского отделения СП России. В него вошли талантливые литераторы, яркие творческие люди, такие, как поэт и воин-интернационалист Александр Челышев, известный в городе прозаик и литературовед Александр Надыктов, поэтесса, автор и исполнительница романсов Алевтина Зайцева, начинающий литератор Сергей Синяев, поэт-моринист Олег Григорьев, автор необыкновенной по эмоциональному накалу книги духовных стихов и стихотворных притч «Другая реальность или По ту сторону Времени» Наталья Глазунова.

Несомненным успехом можно считать участие Артема Горшенина, нашего молодого коллеги, лауреата нескольких премий литеаконкурса «Муза», ставшего в прошлом году лауреатом (1-е место) областного конкурса молодых литераторов «Первая роса», аналогичного отборочного тура Поволжского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2-е место) и Всероссийского фестиваля поэзии «Мцыри» (1-е место)!

Успехом всего коллектива ДПО стало «очленение» наших коллег Галины Беспаловой и Николая Семина, ставших полноправными членами Московской писательской организации Союза писателей России. Причем, Галина Беспалова входит в редсовет альманаха «Московский Парнас», издаваемый при содействии Академии российской литературы, а Н. Семин был награжден памятной медалью «За верное служение отечественной литературе».

Несомненным успехом в творческой работе последнего десятилетия стали: новая книга Василия Коробкова «Литераторы», посвященная развитию нашей организации в 70-е годы прошлого века, приключенческий роман Александра Никонова «Ковчег острова Альмендралехо», публикуемые в нашем альманахе.

Необходимо отметить, что за последнее десятилетие впервые в димитровградской литературе появились имена и произведения авторов, пишущих на военно-патриотические темы, авторов, не понаслышике знающих жизнь и боевые действия в «горячих точках» на территории России или иных государств, где принимали участие наши воины. Это – публикации Василия Стрючкова, Александра Челышева, Сергея Зайцева, Раиса Нуруллова, Дмитрия Мищенко, Виктора Щипанского.

Отмечая Всемирный день писателя, мы вправе сказать, что наша, очень местная литература и камерно текущий в ней литературный процесс, - все же по-прежнему занимают свое достойное место в развитии всего мирового прогрессивного литературного действия, в самоопределении Российского литературного процесса. Не умаляя их достоинств, продолжая и приумножая достижения последних лет, несмотря на очевидную профанацию этих процессов и явный непрофессионализм в действиях нынешнего руководства в областной писательской организации...

Димитровград более десяти лет назад на уровне Правления Союза писателей России был признан одним из эффективно развивающихся провинциальных центров в стране в области сохранения, упрочения и прогресса в русской литературе. С нашего примера началось прогрессивное развитие и поддержка «глубинной» русской литературы в Самаре, Ульяновске, Пензе, Отрадном, Новокуйбышевске, Сызрани, Тольятти...

Нас с нашими коллегами из других регионов связывают давние дружеские

и творческие начала. Нам верят. Нас уважают. Нам помогают. А это и есть самые настоящие ВСЕМИРНЫЕ итоги писательской деятельности.

Из статистики: В России считается, что в ее центральных городах на каждые три тысячи жителей приходится приблизительно - по одному писателю. В наших Мелекесском районе и городе Димитровграде, несмотря на наш технократический уклон в образе жизни, - один писатель представляет всего – 1000 жителей. Это прежде всего говорит о нашем интеллектуальном и культурном уровне...

К юбилею поэта

Русский писатель

Россия XXI века примечательна многими новомодными стремлениями. Бросается в глаза и ярко выраженная тенденция к получению признания лицами, учреждениями, ведомственными и корпоративными структурами. В последнее десятилетие, как грибы после тёплого дождя, появились новоиспечённые президенты, молодые полковники, генералы, академии, университеты, некогда бывшие самыми неприметными лицами и учебными заведениями. Выискали даже иноземное слово «бренд», определяющее якобы высокую политическую, социальную, культурную значимость того или иного субъекта. Не избежала этой участи и современная отечественная литература. Появилось множество молодых литераторов, публицистов, выпустивших несколько книг и ставших лауреатами модных премий. Разумеется, ничего плохого нет в том, что молодые люди идут во власть, начинают занимать видное место в культуре и литературе. Ведь через определённое время они будут определять главное направление в развитии в России.

Однако беспокоит, что в бурном потоке величавости имеется много наносного видимого и скрытного хлама. Поэтому, когда видишь истинно достойных людей, которые на протяжении значительного времени своей плодотворной деятельностью утвердили свою значимость, хочется выразить им от имени многих и публичную признательность. К их числу можно отнести без всяких натяжеек и Валерия Леонидовича Гордеева, димитровградского поэта, прозаика, публициста, краеведа, историка, переводчика. С его многолетним творчеством читатели знакомы по книгам, журналам, альманахам и газетам не только в его родном городе и в Ульяновской области. Журналистские и литературные работы Валерия Гордеева опубликованы в разных областях и республиках бывшего Советского Союза. Часть из этих работ переведена на татарский, башкирский, аварский, кумыкский, узбекский, казахский, туркменский, каракалпакский языки. Многие годы он возглавлял разные отделы газет и журналов, был редактором, работал ответственным секретарём республиканского издания. Этот опытный литератор и сейчас является литературным редактором нового литературно-публицистического, патриотического димитровградского альманаха «Совершенно не секретно».

Валерий Гордеев, являясь без малого уже 30 лет членом Союза писателей СССР и России, много лет возглавляет Димитровградское отделение Ульяновской областной писательской организации Союза писателей России. За эти годы 15 наших литераторов были приняты в члены СП России. И в этом большая заслуга и их руководителя В.Гордеева, который своими консультациями, советами, рекомендациями, организаторскими способностями ускорил их восхождение к литературному мастерству, за что они, разумеется, ему искренне

признательны. Многие ему обязаны за активную помощь в издании их книг, что в период рыночных отношений стало чрезвычайно трудным делом. По уровню литературного мастерства Димитровградское писательское отделение является одним из самых представительных в Поволжье.

Таков общий контур плодотворной жизнедеятельности Валерия Гордеева. Думается, что этого вполне достаточно, чтобы по достоинству оценить его творчество, в отличие от тех новоиспечённых выдвиженцев, которых талантливый Василий Шукшин иронично, с сарказмом именовал «энергичными людьми». Хотя, понятно, далеко не всех может устраивать образ этого колоритного художника слова и человека. У одних имеются свои литературные вкусы, иной взгляд на некоторые этапы истории, рассматриваемые в публицистических материалах историка Гордеева. Автор этих строк, например, далеко не всегда разделяет ряд социально-политических взглядов публициста Гордеева. У каждого свои представления на разные аспекты российской истории и действительности. Однако, это не даёт основания не замечать, а тем более принижать, высокое профессиональное мастерство русского писателя Валерия Гордеева, его весомый вклад в изучение, в исследование исторического, этнографического и культурного прошлого его родного города Мелекесса и Ульяновской области. Являясь большим патриотом родного края и всей России в целом, он своими стихами, прозой, публицистикой, краеведческими работами, за которыми стоит большой, колоссальный труд, прививает молодому российскому поколению уважительное, бережное, трогательное отношение к своей Отчизне. С болью в сердце поэт воспринимает безобразие, вакханалию, разгул, что захлестнули его Россию. Душераздирающий крик измученной души мы слышим в его горящих обжигающим пламенем строчках:

...Что же с Родиной случилось?

Иноверцы ополчились и,

Задрав подол – сношают!

Отвести беду стихами

Я не в силах.

Я не в силах!

Сердце, как

Горючий камень,

А под ним -

Моя Россия...

После этого жуткого стона души трудно продолжать что-то выражать. Необходимо длительное многоточие, что я и делаю...

И всё же думается, что если стихи не отводят беду то, зажигая искрой души своих сограждан, поэт не даёт им застыть в оцепенении перед трагедией. Разогретая душа - сочувствием, состраданием способна преодолеть любую беду. Так уж устроил Всевышний человека.

Долгие годы, не зная Валерия Гордеева лично, я следил за его литературной деятельностью. И, прежде всего, отмечал для себя его особую стилистику, основанную на богатом знании русского языка и высоком умении работать в использовании нужного, необходимого слова в тексте. Эта способность и придаёт его журналистским и литературным работам удивительную сочность и неповторимую колоритность. Его словесный русский орнамент, всё реже встречающийся, к сожалению, у современных литераторов, настолько привлекает,

что начинаешь не обращать внимания на какие-то спорные мысли и представления. Вот, что значит владеть волшебной силой языка! Познакомившись с ним в преддверии его шестидесятилетнего юбилея и имея продолжительные беседы, я попытался добраться до истоков его личности. Мне думается, что в первую очередь на его становление повлияла кровная связь, духовная преемственность с его родителями, со всеми его русскими предками. Он высоко ценит их трудолюбие, настойчивость, терпение, смекалку, человеческую порядочность, всё, что составляет ипостась русского человека. Стоит ознакомиться со стихотворением «Письмо», являющимся, на мой взгляд, одним из лучших поэтических творений В.Гордеева, чтобы это почувствовать.

*Далеко от дома
Пролегла дорога.
Далеко от дома
Пролегли года.
Время – недотрога,
Словно гор отроги,
На моей дороге
Видится всегда.
Нитью сквозь туманы,
Дали, горизонты,
Словно на экране,
Старом и немом,
Вижу домик старый,
В колокольном звоне,
Три окна, крылечко, –
Дедушка на нем...*

А отсюда и любовь к дорогой для него Руси. Одна из отличительных черт его натуры, как мне представляется, это упорство и непоколебимость в отстаивании своего мироощущения. Нужно иметь твёрдый характер, чтобы, несмотря на едкие усмешки и глупые обвинения в стремлении придать себе некое национальное превосходство, именовать себя русским писателем. Вот, оказывается, наступили такие времена, что должно быть неприличным, если указываешь на свою национальную принадлежность! А Валерий Гордеев же считает крайне непристойным, когда стирается память о национальном родстве, когда обезличивается национальная история и культура, к которой принадлежит каждый человек. Такая непристойность и есть настоящее предательство по отношению к своему народу. Слава Богу, что в России есть русские писатели, одним из которых является и Валерий Гордеев!

Русским писателям в России всегда жилось сложно и трудно. В наше время, когда всё делается, чтобы терялась вера русского народа в своё величие, быть русским писателем неимоверно тяжело. Ибо он обострённо носит в себе боль и страдания своего народа. Хочется верить, что, несмотря на солидный возраст, русский писатель Валерий Гордеев полон физических и творческих сил. Несомненно, что он и в дальнейшем также горячо будет продолжать любить свою Святую Русь и талантливо литературно представлять и выражать духовные чаяния и эстетические вкусы своих соотечественников. Всех благ тебе, русский писатель.

Александр Надыков, публицист

Валерий ГОРДЕЕВ

Слова, как муку, просею...

ОТСЧЕТ

Посмотрите!
Скорей посмотрите!
Прет на русских чухонистый Питер,
Как задиристый царственный клитор,
Словно гном.
Но – музейный смотритель!
Плоскомордые орды косящие,
В Белокаменной ставших «смотрящими», -
Всю Россию по трубам растащат
И в один упакуют нас «ящик»...
В тех просторах, что русскими звались,
Безземельными русские стали...
Отсчитали, чтоб не зазнавались
Эти орды нам - дальние дали.
Мы – медведи.
Но – модные - гризли...
Отпевают нас по телетризам.
А исконная наша Отчизна –
Зарастает чухонистой слизью.

Памяти поэта Лескина...

Он не поехал в эмиграцию.
Остался здесь и навсегда.
Настроив на Россию радио,
Как бы из тыла сострадал.
Не презирая нас за бегство,
Он тем лишь душу бередил,
Что мы-то были – по соседству, -
А он – ОДИН с НЕЙ на ОДИН!
В бою неравном погибая,
Он Родины не предавал.
И Русь, - от края и - до края, -
Стрекой и звуком ощущал.
Он сам с собою бился жутко.

В стихах себя не предавал.
Представь, Россия, на минутку,-
Что Лескин - твой «девятый вал»!
И мира все деръмо не стоит
Частицы той, что ОН создал!
Ты слышишь, Дима, - мы с тобою, -
Ты не погиб, не опоздал.
Ты с нами здесь всегда и присно,
Как в мире – точный русский выстрел!

* * *

Всю правду сказать не сумею.
Всю правду сказать – не смею.
Слова, как муку, просею,
И высажу под суховеем.
Взойдет на той пашне правда?
Вы будете трижды правы, -
Ни кривды собрав и не правды,
Меня, обозвав «легавым»!
Лишь только у них в застенках,
Где, правда, поставлена к стенке,
А кривда в суде ее тенью,
Сорным проникнув растением, -
На ниве моей прорастет.
А правды потухнет костер?
И ветер, что крылья простер,
Все скрообчит, как каптер?
Слова, как муку, просею, -
Тем самым продав Расею?

* * *

Извечен спор
Добра и Зла:
Чей верх
И чей мощнее
Полюс?
Чья, всех достойней
Борода –
У шкипера
Или козла, -
Идет извечный поиск.
И если вдруг
Случится так, -
Исчезнут и Добро, и Зло,
Вопрос останется,
И – страх:
Кому же повезло?!

Как жить на свете
С этих пор?

Нет ни Добра
Ни Зла...
И не решится
Вечный спор
Для шкипера,
И – для козла.
В борьбе такой
Законов нет.
Победы не познав,
Уравновесит тьму и свет
Борьба Добра и Зла.

БЕЛАЯ ПЕСНЯ О КРАСНОМ ВРЕМЕНИ

...и жил я тогда в столице,
в пригородах которой,
озорничали пески и ветра
трех величайших в мире пустынь...
«Нокис», - так говорили тюрки,
прицокивая и смягчая,
и я понимал в переводе,
что азиатский тот город –
столицей Любви называют.
И, сокрушая фонетику, -
европейцы: «Нукус», - на свой лад говорят,
турецкий звук огрубляя...
Но на фарси это имя
звучит и совсем непотребно –
как девять «расщелин» женских,
но можно еще и покрепче,
выразиться по-русски...
А я называл этот город
просто: Мраморной Сказкой,
ибо, любые постройки в нем,
от Сергилей – до сортиров,
отделаны в этом камне,
словно музейные залы...
...столица каракалпаков,
на берегу Великой,
пески рассекавшей реки, -
по древнему: «Окс» иль «Джейхун», -
а йынэ – Амудары, -
строилась на окраинах
Восточной сказки – Гурганджа,
минареты которого щебнем
стали уже сегодня, -
словно слепящее солнце,
в цветущем нынешнем небе,
все обратило в прах...

Но кто мог подумать,
что древние архитекторы,
предвидя землетрясения,
те минареты поставят,
по принципу «Ванек-встанек»,
и при любой раскачке –
они будут «плавать»
в зыбкой, словно болото земле...
Мраморный город «Нокис» -
столица каракалпаков,
будет столицей вечной,
если ее не смоют
воды Амударья...
Или – муйтены «красные»,
правящие в Нукусе,
не отpoonят прощальную
песню каракалпакскую,
и не заставят народ свой
все позабыть на свете...
Мне без тебя тоскливо –
город в песках голодных.
Мраморный мой Пантеон,
жизнь мою разделивший - на
«До» и «После».
...столица каракалпаков –
Любовь моя и Ненависть,
горе мое и ...
счастье.

ЭПИЛОГ

Нас ветры застудят постылые
И где-то на краю земли,
Как памятник застынем мы,
Льдом, что метели замели...

В песках горячих, опустыненных,
Ведя верблюдов в поводу,
Как памятник застынем мы,
Символизируя труд...

Исчезнув даже в ликах памятных,
Сердец биение сохраним.
Живет, как отраженье, - памятник,
И мы – живые вместе с ним...

Генералитет Мелекесса- Димитровграда

Краеведение

Мы начинаем новую рубрику, в которой пойдет рассказ о советских и российских генералах и военачальниках, чья деятельность, жизнь или учеба так или иначе связаны с историей нашего города. Чьими именами вправе гордиться сегодня наш Димитровград. К чьим подвигам мы имеем непосредственное отношение.

Открывая новый раздел в нашем альманахе, мы хотим рассказать землякам мелекессцам-димитровградцам о славных боевых традициях в истории нашего города. О воинской славе и доблести сынов мелекесских, избравших свою судьбу в деле служения Отечеству.

Наверное, будет правильным начать с мелекессца, героя Первой мировой войны, полного Георгиевского кавалера, а в гражданскую - прославленного комдива - В.И. Чапаева.

Чапай

Василий Иванович родился в деревне Будайка Чебоксарского уезда 9 февраля 1887 года. С детства отец и братья его плотничали по округе, к этому же ремеслу приобщили и Василия. В 1911 году Чапаев с семьей перебрался на жительство в наш Мелекесс. Снял избушку на краю посада в чувашской слободке (здесь теперь находится и улица его имени), где и поселился с соблазненной им дочерью балаковских мещан Метлиных - Пелагеей. В Симбирске, куда он мечтал переехать, работы не нашлось, потому в Мелекессе Василий работал сначала приказчиком на лесоторговом складе, но поскольку имел только трехклассное образование в церковно-приходской школе, взялся за привычный плотничий труд на мельничном дворе.

12 августа 1914 года в мелекесской семье Чапаевых родился сын Аркадий. Но почти сразу же Василия Ивановича призвали в армию, потому что началась война с Австро-Венгрией и Германией. Несмотря на то, что числился он ратником ополчения (это были почти части стройбатовские), воевать Чапаеву пришлось в боевых рядах

Юго-Западного фронта. За особые боевые отличия Василий был произведен в подпрапорщики. В сентябре 17-го неоднократно раненного подпрапорщика-фронтовика переводят на должность фельдфебеля 4-й роты 138-го запасного полка в тыловой город Николаевск. Здесь он сразу же включился в революционную работу на стороне большевиков. Вскоре был избран членом полкового комитета. А в октябре, когда власть захватили сторонники Ленина, Чапаев приказом ревкома был назначен командиром полка.

В январе 1918 года Чапаев уже назначен комиссаром внутренних дел Николаевского уезда, а затем - военным комиссаром.

Он отличается в карательных акциях против контрреволюционеров и кулачества, а в феврале, после решения Ленина организовать действующую Рабоче-Крестьянскую Красную армию, возглавляет её 1-й Николаевский батальон, затем полк.

После того, как части Уральского казачьего войска освободили от большевиков несколько районов Саратовщины, Оренбуржья, Гурьевщины, была сформирована Саратовская Особая армия, предполагалось создать на основе Чапаевского полка и Николаевскую армию РККА, но все закончилось созданием двухполковой 1-й Николаевской бригады. В августе 18-го Чапаев сформировал еще 2 полка и возглавил 1-ю Николаевскую дивизию.

Нужно отметить, что В.И. Чапаев был прирожденным полководцем. Он не только в сложнейших условиях мог формировать боеспособные части, проводить эффективную боевую учебу новобранцев, но и своим мужеством, примером воодушевляя своих бойцов и командиров. Недаром, именно тогда зародился известный девиз «Там, где Чапаев, - там всегда победа!» Самому ему приходилось отстаивать свое понимание боевой обстановки и решение стратегических и тактических вопросов перед наркомвоенмором Л.Троцким, который невзлюбил удачливого комдива и обвинил его в «партизанщине». По приказу Троцкого Николаевскую дивизию располовинили на 1-ю и 2-ю Николаевские дивизии, причем Чапаеву свою, вторую, которой назначили его командовать, пришлось формировать заново. Что он с успехом и сделал «на голом месте»...

Уже в ноябре строптивого и удачливого комдива «троцкисты» задвигают на учебу в Военную академию, отзав Чапаева с фронта. Но уже в марте 19-го Чапаев, обращаясь к командующему Восточным фронтом М.Фрунзе, пишет: «Преподавание в Академии мне не приносит никакой пользы. Что преподают, я это прошел на практике. Вы знаете, что я нуждаюсь в общеобразовательном цензге, которого я здесь не получаю...» Так Василий Иванович, возглавив Александров-Гайскую группу войск, снова оказался на фронте.

В апреле Чапаев за особые заслуги в командовании группой войск был назначен командиром 25-й стрелковой дивизии, которая успешно участвовала в обороне Самарской губернии от армий адмирала А.Колчака.

4-го сентября 1919 года под Либищенском штаб дивизии был внезапно атакован прорвавшимися в тыл красных частей казачими отрядами генерала Толстова. В этом неравном бою погиб легендарный комдив В.И. Чапаев.

Его имя, как и имя прославленной в советское время самой боеспособной в РККА дивизии - Чапаевской, - мы приводим в нашем обзоре потому, что и боевые заслуги, и должность комдива, - дают нам основание считать Чапаева одним из первых советских генералов, хотя таких званий в то время еще не было.

Следует отметить и то, что сын Василия Ивановича - Аркадий Васильевич Чапаев, родившийся в нашем Мелекессе, тоже был полноправным генерал-майором уже Советской Армии, чем мы также можем сегодня гордиться и относить его в портретную галерею Генералитета Мелекесса-Димитровграда.

Человек, приведший Гитлера в ярость!

Василий Михайлович Баданов родился в деревне Верхняя Якушка Ставропольского уезда Самарской губернии в семье фельдшера. Закончив учительскую семинарию, готовился стать сельским педагогом. Но с началом Первой мировой войны был призван в Русскую армию. Воевал бесстрашно, за отличия в боях был направлен в Чугуевскую школу прапорщиков и к 1917-му успешно ее закончил. Повоевать на передовой опять пришлось немножко, в России был совершен Октябрьский переворот...

Баданов возвращается в Мелекесс. Здесь сходится с земляками-большевиками. А когда армии Комуча и чехословаков освобождают посад от советской власти, Василий Михайлович по рекомендации руководства губкома компартии остается с секретным заданием в Мелекессе. Учебная рота, которую ему поручают возглавить в рядах Народной армии Комуча, распропагандированная самим командиром, вместо выдвижения на фронт, - переходит на сторону красных...

С этого времени ротный Баданов сражается в частях РККА на фронтах гражданской войны. Затем он возглавил штаб стрелковой бригады. В 30-е годы переучивался на командира танковых войск, командовал танковым полком, дивизией, возглавлял Сызранское военное училище. Есть воспоминания его родственников, что в 1938 году Баданов попал в опалу и, якобы был даже исключен из партии... Хорошо, что как сотни военачальников той поры не был репрессирован!

Только в апреле 1942-го, вырвавшись из опалы, попал в действующую армию: под Луганском, а потом под Тамбовом формировал 24-й танковый корпус, на основе выведенной из боев 4-й танковой бригады, (бывшая кавбригада под командованием Г.Котовского, где в разведке воевал и будущий советский писатель Н.Островский). В составе войск командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина корпус готовился к удару по армиям фельдмаршала Манштейна, пытавшимся разблокировать армию фельдмаршала Паулюса, попавшую в «Сталинградский котел»...

В результате операции «Малый Сатурн» танковый корпус нашего земляка не только сорвал наступление войск Минштейна, но выйдя в тылы этой немецкой группировки, освободил станицу Тацинскую, захватив крупнейшую немецкую авиабазу, которая снабжала окруженные войска Паулюса и была «подсоком» для фашистских бомбардировщиков и истребителей, уничтожив на земле более 60 самолетов!

11292 немецких солдат и офицеров было убито, 4769 взято в плен, уничтожено 84 танка, 106 орудий, 431 самолет Люфтваффе в результате рейда корпуса Баданова.

За беспримерный подвиг, конечно, опальный генерал не стал Героем Советского Союза, но Сталин особо отметил Василия Михайловича: он стал ПЕРВЫМ в стране награжденным только что учрежденным орденом Суворова II степени, а уж потом первый орден Суворова I степени получил маршал Жуков...

Узнав о катастрофе на фронте, которую ему организовал генерал В.Баданов, Гитлер пришел в ярость. Он отдал приказ танкистов-«бадановцев» не выпускать живыми из окружения, уничтожить весь корпус! Но гвардейцы Баданова, словно надсмеясь над такими приказами бесноватого фюрера Германии, не только вышли без ощутимых потерь из окружения, но напоследок разгромили тех, кто не должен был выпустить их из боев живыми! А наш земляк-полководец стал за это личным врагом Гитлера.

Затем В.Баданов командовал 4-й танковой армией на 1-м Украинском фронте, был ранен, а после излечения в госпитале, назначен начальником Управления бронетанковых учебных заведений Советской Армии. После войны был главнокомандующим Советскими оккупационными войсками в Австрии, служил в Министерстве обороны СССР. Его не стало в 1971 году...

Сегодня в Димитровграде именем прославленного генерала Баданова названа одна из центральных улиц города, в школе № 17 создан музей героя Великой Отечественной войны.

Прославленный танководец

Дмитрий Иванович Рябышев родился 11 февраля (23 февраля) 1894 года, а не стало одного из советских танковых военачальников Великой Отечественной Войны - 18 ноября 1985-го...

Родился он на хуторе Колотовка, ныне Цимлянского района Ростовской области в семье донского казака. На военной службе с 1915 года. В Первую мировую войну воевал рядовым на Северо-Западном фронте. С октября 1917-го в Красной Армии. В гражданскую войну был командиром взвода, помощником командира 2-й бригады 4-й кавдивизии, командиром эскадрона, полка и 2-й бригады 14-й кавдивизии в составе 1-й Конной Армии.

В 1922-1929 годах командовал кавалерийской бригадой в Северо-Кавказском военном округе. Параллельно окончил подготовительные курсы при военной Академии РККА имени М.В.Фрунзе в 1923 году. Окончил курсы усовершенствования высшего комсостава в 1925 году. С 1930 по 1933 годы командир 8-й отдельной кавалерийской бригады, участник борьбы с басмачами. В 1935 году окончил военную Академию РККА имени М. В. Фрунзе. С 1936г. командир 13-й Донской казачьей дивизии. С сентября 1937 года командир 1-го кавалерийского корпуса. До начала лета 1940 года командовал 4-м кавалерийским корпусом, дислоцировавшимся в Киевском Особом военном округе. С 4 июня 1940 был назначен командиром 8-го механизированного корпуса, созданного из частей 4-го кавалерийского корпуса, 7-й стрелковой дивизии, 14-й тяжелой и 23-й легкой танковых бригад.

В период приграничного сражения начале войны участвовал в контрударе 8-го механизированного корпуса под Луцком, Дубно и Бродами. С 22 июля 1941-го по 15 августа - командующий 38-й армией, с 30 августа по 5 октября - Южным фронтом. С 22 октября командующий 57-й, с 8 мая по 4 июля 1942-го - 28-й армиями. С июля 1942 года по март 1943-го выполнял задания Ставки ВГК. С марта по май 1943-го командующий 3-й резервной армией. С мая 1943-го заместитель командующего 3-й гвардейской армией, с 28 января 1944-го - командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса. С 16 февраля по 29 марта 1944-го - командующий 3-й гвардейской армией. С 12 апреля по 27 мая 1944-го командир 3-го гвардейского стрелкового корпуса. С 18 июля 1944-го и до конца войны командир 114-го стрелкового корпуса.

Войска под его руководством участвовали в освобождении Донбасса, Украины, в Восточно-Прусской и Берлинской операциях.

После войны командовал корпусом в Группе советских войск в Германии, с сентября 1946-го - заместитель, затем помощник командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа. С сентября 1950-го в запасе.

Жил в Ростове-на-Дону, где возглавлял Совет ветеранов войны. Писал работы, опубликованные в «Военно-историческом журнале», журнале «Дон», отдельных сбор-

никах, а также статьи, использовавшиеся в качестве учебных пособий в высших военно-учебных заведениях.

Награждён: именным оружием, тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 5-ю орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого 1-й степени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, медалями, а также иностранными орденами.

Под командованием Дмитрия Ивановича служил его брат, майор Илья Иванович Рябышев - командир сводного мотострелкового полка 38-й армии.

Нам генерал-лейтенант Рябышев интересен тем, что в годы войны он несколько раз бывал в Мелекессе, куда в 1941-м была эвакуирована его семья. Жили Рябышевы на улице Третьего Интернационала в доме № 92. Сегодня - здание бывшего Госбанка (Казначейство). Во дворе этого здания стоял флигелек, где и приютили мелекесцы жену и детей прославленного генерала, где он проводил с ними редкие встречи в нашем городке, пользуясь передышками на фронте...

Рассказывая о советском удачливом полководце Д.И.Рябышеве, мы прежде всего, имеем ввиду тот факт, что одна из центральных улиц Мелекесса-Димитровграда, превратившаяся из - СКТОПРОГОННОЙ в ЦЕНТРАЛЬНУЮ, имеет сегодня в демократическом государстве - Российской Федерации - имя тоталитарного «монстра» - коммунистического преобразования всего мира и оплота МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ - III-го Интернационала - организации террористического толка, - не совсем верно? Не пора ли переименовать эту старинную улицу Мелекесса в более нейтральную, но более именитую и приемлемую для всех слоев населения, например, - «соседствующую» с именем Баданова - на улицу имени генерала Рябышева?

Я - истребитель!

В кинофильме «Нормандия-Неман» - классике советского кинематографа - многим запомнился образ комдива авиаторов Г.Захарова. Его прототип - это один из асов советских летчиков дооценной и военной поры - наш земляк - генерал авиации Георгий Нефёдович ЗАХАРОВ! Человек-легенда. Нам стоит гордиться тем, что генерал авиации Захаров имеет к Мелекессу самое непосредственное отношение.

Родился Георгий Нефёдович в 1908 году в селе Старое Семёнино бывшей Баниуганской волости Самарской губернии (ныне - Клявлинский район). В голодоморе Поволжья (1920-й год) - умерли отец и мать...

Беспрizорника и сироту забрали в Самарский детдом. Вернулся оттуда домой, когда с гражданской пришел старший брат Андрей, буденновец-краском. Вместе создавали уездную комсомольскую ячейку, комитет бедноты «Сельскрестьянком»...

Георгию шел 17-й год, когда он - глава комбеда - был послан на учебу в Рязановский сельхозтехникум. По его окончании работал в совхозе имени Н.Крупской Мелекесского района.

В 1930 году добровольцем ушел в РККА. Как образованный человек - направлен на учебу в Сталинградскую летную школу, откуда вышел профессиональным летчиком-истребителем. А уже в 1936-1937 годах он, один из лучших советских летчиков,

послан на «боевую работу» в народную армию Испании. Где на его счету было сбито около 20 фашистско-франкистских самолетов.

По возвращении в СССР, герой испанского неба направили в Китай, помочь войскам китайской народной армии в боях с японскими захватчиками...

Великую Отечественную войну 33-х летний Г.Захаров, как и многие боевые авиаторы BBC РККА, имевшие опыт военных действий, встретил уже в должности командира 43-й авиадивизией на Западном фронте. Несмотря на то, что многие авиаединения этого фронта были уничтожены фашистами в первые недели боев, дивизия Захарова с честью вышла из сложного положения. Его полки успешно сражались с немцами под Смоленском, под Москвой...

После зимнего наступления советских войск под Москвой авиадивизия генерала Захарова была выведена в тыл для переучивания его летчиков на новые модели самолетов. И только в 1943-м они вновь вернулись на фронт. Уже - 303-й авиадивизией, в составе которой и был сформированный полк из французских летчиков, носивший название - «Нормандия». «Захаровцы» воевали в небе над Белоруссией, Литвой, Восточной Пруссией, Берлином. Французский полк, за особые боевые заслуги перед своим и советскими народами, стал именоваться уже как - «Нормандия-Неман»!

153 раза генерал Захаров лично водил в эти месяцы своих истребителей в бой. Лично сбил тогда 18 самолетов врага!

Французский летчик, ветеран «Нормандии-Немана» Пьер Пуйяд говорил: « Мы занимались там, ребята, настоящим мужским делом»...

А сам Георгий Нефёдович в своей книге «Я - истребитель» пишет: «Разные ветры надували паруса мировой политики в послевоенные десятилетия. Разные ветры до сих пор веют над странами Западной Европы. Однако боевая дружба советских и французских летчиков выдержала все испытания»...

В 1945-м генералу Захарову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был и ЕДИНСТВЕННЫМ в стране человеком, удостоенным двух самых высоких наград Франции. Лично президент Франции, генерал Шарль де Голль вручал нашему земляку орден Почетного Легиона и Боевой Крест (что равно и званию Героя Советского Союза) Г.Н.Захарову. Один из таких орденов имел только маршал Г.Жуков...

Генерал Захаров был удостоен еще одной редкой чести: он был признан Почетным мэром города Парижа. А вот почетным гражданином Мелекесса он так и не стал...

Заместитель сталинского Наркома вооружения

Иван Антонович Барсуков - коренной мелекесец (1898-1957 г.г.) Родился в с. Бригадировке. Он - выпускник мелекесской низшей ремесленной школы 1915 года, работал токарем на мельнице Таратиных. Естественно, как представитель пролетарского происхождения, с юных лет был связан с социал-демократами. После революции ему удалось закончить столичный рабфак при советском высшем техническом учебном заведении. Затем - работа на московском автозаводе механиком, главным механиком. Но к началу Великой Отечественной войны Иван Барсуков уже занимался особо секретной работой в Народном комиссариате обороны промышленности. С началом войны это с его подачи из Москвы в Ульяновск был эвакуирован автозавод ЗИЛ. С его же подачи в Мелекесс на родину генерала эвакуировали не только особые механические предприятия, выпускавшие вооружение, но и фабрику

легкой промышленности, театр, ленинградскую библиотеку, - определившие послевоенное культурно-экономическое развитие города.

Иван Антонович был к началу войны заместителем самого молодого сталинского наркома вооружений, курировал все вопросы производства противотанковых средств и артсистем. Через его группы КБ и специалистов проходили разработки не только ПТР, но и вооружение легендарных Т-34, САУ, «Катюш», «Андрюш» и т.д. Только при его личном участии на Восток СССР в первые месяцы войны было эвакуировано 2593 оборонных предприятия, 18 миллионов рабочих и специалистов, их семей...

Бывший нарком вооружений в сталинском правительстве, бывший член Политбюро ЦК КПСС и министр обороны СССР Д.Ф.Устинов в своих воспоминаниях пишет: «Главные вопросы деятельности отрасли решались коллегией наркомата, которая аккумулировала в себе коллективный опыт и знания его руководящих работников... И.А.Барсукова, В.М.Рябикова, И.А.Мирзаханова...».

Характеризуя нашего земляка, Устинов добавляет: «Иван Антонович Барсуков... человек исключительной скромности, он, когда того требовала обстановка, был и настойчив». Следует признать, что генерал-майора Барсукова почти всю войну использовали в качестве «затычки» в любых недоработках и прорывах. Под его руководством конструкторы, технологи и механики исправляли недоработки в создании новых образцов снайперских винтовок, перестраивали металлургические производства, исправляли недостатки в производстве пушек для танков и САУ, даже... добивались сверхплановых показателей по выпуску вооружений от изнуренных голodom и круглосуточным циклом работ людей на заводах.

И.А.Барсуков один из немногих генералов-инженеров сталинской эпохи в годы ВОВ был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Продолжение следует.

Наш Матросов

67 лет назад совершил свой воинский подвиг солдат Великой Отечественной – Александр Матросов. Согласно официальной версии, он, чтобы спасти свою роту, залегшую под плотным пулеметным огнем немцев, оборудовавших на высотке дзот, пополз к этой огневой точке с целью ее уничтожения. Бросок связки гранат не дал ожидаемого эффекта. Пулемет продолжал «косить» матросовских однополчан. Тогда Александр, подобравшись вплотную к дзоту, кинулся на амбразуру, закрыв ее своим искромсаненным телом, погиб. Так он стал Героем Советского Союза и легендой в истории этой войны.

Под Ульяновском в селе Ивановка находится детский дом, в котором воспитывался герой. Он носит имя Матросова. И это тоже есть официально заученные страницы истории. Но, говоря сегодня не о самом даже подвиге солдата, а только о его биографии, мы вправе сослаться и на воспоминания его товарищей и современников, утверждающих, что Александр Матросов имеет непосредственное отношение к нашему городу.

Работники Димитровградского краеведческого музея и журналисты газеты «Местное время. Димитровград» (статья И.Егорычевой в №40 за 07.06.02г.) заставляют нас по иному рассмотреть биографию одного из самых видных героев Второй мировой войны и советского периода истории.

Один из бывших воспитанников Мелекесского детского дома с 1937 года Нурмухамет Валеевич Динмухаметов помнит, как он в эти годы жил в нашем городе вместе с Сашей Матросовым. При этом он ссылается не только на собственные воспоминания, но и на рассказ бывших воспитательниц из нашего детского дома Анфисы Минаковой, и Елены Сатышевой, на книгу-расследование уфимского журналиста Рауфа Насырова «Откуда ты родом, Матросов». Все эти систематизированные материалы позволяют утверждать, что Александр Матросов, а в действительности – Шакирян Юнусович Мухамедьянов – родом из деревни Кунакбаево Учалинского района Башкирии. Наши воспитательницы помнят, что «Саша был очень смышленый, развитый мальчик. Активный. Бренчал на балалайке. На гитаре учился играть. Любил плясать».

Сашу характеризуют как боевого самостоятельного подростка, называют даже хулиганистым воспитанником. Однажды он на спор забрался на крышу детдома (даже на шпиль, который сегодня украшает краеведческий музей). И сверху вниз по шпилю черной краской начертал свою фамилию! Он сменил в детстве много детдомов, всегда любил носить тельняшку, оправдывающую его новую фамилию, а на груди тоже была у него татуировка в виде полосок, как на тельняшке...

Прозвища, прилепившиеся ему в Мелекессе были звучные: Шурик-Шакирян, Шурик-Матрогон, Шурка-Машинист. Он классно дрался, отстаивая справедливость, хорошо исполнял на сцене матросский танец, по-русски говорил без акцента...

Вскоре Шурика перевели в Ульяновск, а потом призвали в армию, где он и совершил свой подвиг на столетие обессмертивший его имя. Имя нашего земляка.

Версии

Москва, Москов и мерь

Не секрет, что Москва окружена фино-угорскими топонимами, среди которых имеются из мери, мордвы и руси, это: Руза, Воробьёвы горы, Лianозово, Бородино, Коломна и другие. По-видимому, и основной контингент населения являлся в прошлом фино-угорским. Интересными для этнографа являются древние фамилии как, например, Москов. Кстати, эту фамилию называет и этнограф Мельников-Печёрский. Но, что означает эта фамилия? По-видимому, слово - моск, моска - означало в старом языке мери известных всем мелких насекомых, которые в изобилии водятся я в лесах, болотах, у рек. В современном русском языке это слово трансформировалось в - «мошку», а фамилия превратилась в: Мошков, Мошкин, Мошковский.

Справедливости ради нужно отметить, что фамилия Москов и в Димитровграде встречается. Значит, название насекомых мошек в фамилии сохранилось, а в языке уже не используется как анахронизм.

Таким образом, слово «Москва» состоит из двух частей: моск и ва – здесь как суффикс, означающий маленькую речку. Короче говоря, слово «Москва» означает реку, где на ее берегах в изобилии водится мошка. По-видимому, в далёком прошлом на реке-Москве было много мошек или мошками. Ну, а слово «Москва» получилось от названия реки. Таким же образом и фамилия жителей села Москвы произошла от названия реки-Москвы. Так что, в Москве в прошлом многие проживали под фамилией Московых, от которых и пошло современное название Москвы.

Но нельзя исключать и тот вариант, что мерь реки называла и связывала с именем моска, но только это не сохранилось в названиях. А русское слово – река, расшифровывается, как «ра» или «ре» - (вода) или «ка» или «га» -(путь), а также - водный путь у руси.

Слово - тайга, возможно, происходит от хазарского - «тагай» (лесной Та), т.е. – лес, где живут лесные люди.

В России имеется бесчисленное количество речек под названиями: Берёзевка или Куликовка. Это топонимы мери. Берёзевка (берёза-ва) - означает реку, вдоль которой растут берёзы, а Куликовка (кулик- ва) – реку, где обитают кулики. Сюда же относятся топонимы мери в Московской области - это Протва, Домодедова (Домодедово) и другие. Топоним Орехово-Зуево расшифровывается как – орехо - ва - река, заросшая орешником, и зуе -ва - река, где водятся зуйки...

Этнографический анализ фамилий

Итак, - кто же была по национальности Индира Ганди? Попробуем проникнуть к истокам этого имени. Индира-инд на одной разновидности скифского языка означает реку, воду. Ра - на языке фино-угорской руси означает - большую реку, воду. Ганди - на языке Руси следует так: «га»- это вода, река,

водный и ледяной путь. «Инд» - на языке скифов - тоже вода или река. В имени Индира Ганди - два раза встречается слово «река» на русском языке и два раза на скифском...

Слово «болгары» у историка В. Татищева считается «испорченным» от слова «Бооград». Был когда-то норвежский князь, который служил в Греции и на Руси, а у него был сын Бое, т.е. – вероятно, означало – «старший». Град – город, т.е. – Бооград не что иное, как старший, главный город или столица.

Писатель И. Гончаров описывая Симбирск, указывает, что здесь жили предсчитавители фамилии Волоховых (Марк Волохов). Мамка царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, тоже была Василисой Волоховой. На Руси такие фамилии происходили от слова «волох» или «валахи» - современные румыны и молдаване...

Приарх Никон в миру был Никитой Миновым, значит, отец его был Мина (финно-угорская Русь). У Степана Разина был сподвижник Фрол Минаев, чей отец, несомненно, был Мина или Минай...

В списки хазарских фамилий и топонимов следует добавить такие, как Версаль, Ларошель, Бастилия, Эйфель, Дизель... В Нижнем Новгороде есть топоним – Канавино. Это из серебряных болгар, где «ка» - сестра. В Димитровграде, как и по всей России есть фамилия – Дубровский. Это говорит о том, что ее носители имеют польские корни от – Домбровских. «Неуклюжую» фамилию русские переделали на свой лад в Дубровских, хотя она к дубу никакого отношения не имеет, как и к дубраве. Обруссевшие потомки серебряных болгар живут не только на Нижегородчине, есть они в Чувашии (Русская Сорма), - болгарский топоним.

В книге «Очерки мордвы» этнограф Мельников-Печорский приводит мордовские имена и фамилии: Пургас, Пуреш, Тёш, Шелайко, Акшайко, Кусилко, Арса, Маса, Шугуров, Москов, Бокардин...

А вот имена и фамилии у руси звучат иначе: Тит, Козьма, Демид, Никита, Анкудин, Псой, Анфим и другие. Можно считать, что часть русских, которые имеют «птичий» фамилии: Уткин, Воробьев, Воронин и т.д., - являются представителями обруссевшей мордвы. А часть мордвы, имеющие фамилии: Ершов, Флегонтов, Фролов, - являются представителями из руси.

Названия рек: Днепр, Двина, Дон, Днестр, Дунай, или индийские – Инд, Гиндукуш, Синд – это все разновидности скифского языка. Но топоним «Арбат» - говорит о том, что в Индии живут и тюрки, типа хазар. Даже топоним «Мохенджо» - говорит о проживании скифов в хараппской цивилизации в III – II тысячелетии до нашей эры.

Что такое «Арбат»?

(Этнографический анализ топонимов и фамилий)

Топоним «Арбат» имеется не только в Москве, но и в далёкой Индии. Само слово это означает повозку, в Средней Азии - двухколёсную и высокую, на Кавказе и Украине - четырёхколёсную и длинную. По-видимому, это и есть Арбат (большая телега), на которых хазары ездили в древнюю Московию и в Индию.

Кто был по национальности писатель Максим Горький? Отец его - Пешков был русским, а вот мать, дедушка и бабушка его имели фамилию – Каширины.

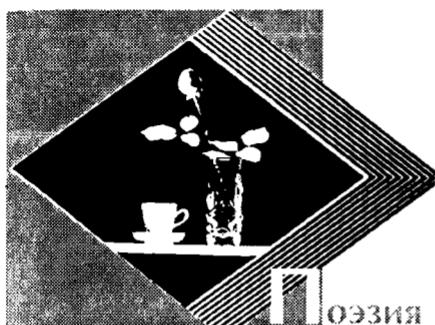
Кашира, Шатура, Печёра - это фино-угорские этнические группировки, которые были ассимилированы мордвой. У Сергея Есенина мать, по-видимому, была из фино-угорской руси или мордвой, разница между ними всегда была размытой и неопределенной. Как утверждал Даль: «Русы народ русый»... Сюда надо бы отнести и фамилию Минаков (от слова - Мина или Минак), здесь же расшифровка имени – Паротя (такое имя называет сказочник Бажов и оноозвучно имени Лабутя), возможно, и некрасовский дед Мазай относится к руси, отсюда и возникла фамилия Мазаев.

Река Ведроша переводится с мордовского-мокшанского, как маленькая Речка (ведро воды).

Около Владивостока в Карском море в архипелаге Норденшельда имеются Русские острова. Это доказывает, что раньше в Сибири имелась древнерусская цивилизация, где жили представители племен руси, искусственных мореходов. Такой же Русь-остров есть недалеко от полуострова Гангут (Русь-сора), где рюриковые и дорюриковые времена проживали «варяги, зовомые - русь»... Возможно отсюда и произошло название – Русь. Скорее всего, что территория рюриковской и дорюриковской Руси была обширной, а кроме части современной Финляндии, - есть и территория теперешней Ленинградской области (Ладога), Новгородская, Псковская области и Эстония.

Но и в Америке имеется большое количество фино-угорских топонимов из «Руси». Берингов пролив соединяет два материка, здесь имеется теплое Аляскинское течение. Поэтому с доисторических времен шел процесс проникновения народов в обе стороны. Топоним - Анкоридж на Аляске недвусмысленно говорит, что здесь тоже жили представители фино-угорской Руси. Анкоридж – Анкарода – это же - Ангара, т.е. мать-река. Вполне возможно, что часть населения Америки - это фино-угорская русь в прошлом своем. Также возможно, что город Анкара (Ангара) в Турции является тоже топонимом из фино-угорской руси...

Валентин
МАНУХИН

Не кричите журавли...

* * *

У нас то кризис, то война,
То траурные будни.
В сплошных авариях страна –
Всё гибнут, гибнут люди.

Вперёд, кричали, в коммунизм –
Нет правильней дороги!–
Пришли... с сумой в капитализм,
Недосчитавшись многих.

Теперь коррупция, как спрут.
Чиновник – вор в законе.
Стал не престижен честный ТРУД,
А СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ – в загоне.

Мы что совсем другой народ?
Жить лучше не умеем?
Иль ждём, когда страна падёт
В борьбе с зелёным змеем?

ЧУЖАЯ СТРАНА

Говорят, страна не наша,
Та, в которой мы живём:
Хлеб, всех тех,
 кто честно пашет,
Поедается жульём.

И чиновник, и кто в шахте -
На бумаге все равны:
У одних дворцы и яхты,
У других – одни штаны.

Чтобы доброй быть и правой,
Власть привыкла шельмовать:
Грош одной рукой прибавит,
А другой - отнимет пять.

Вроде наши:
 лес и поле,
А в стране чужой живём,
И дорогу к лучшей доле
Ищем с водкой и вином.

* * *

Одни уверены:
 потоп
ждёт нас от потепленья,
Другие – всё наоборот –
Грядёт оледененье.

Безумством полон шар земной:
Уносят войны жизни,
Цунами, засухи, разбой,
Всё чаще катаклизмы...

Стал злым и алчным человек –
Насилует природу,
Всё жжёт, меняет русла рек,-
И сам винит погоду.

Мы что, глупеем от наук
И стали дураками? –
Сидим и рубим свой же сук,
Своими же руками!

* * *

Ещё мечтаю,
радуюсь, люблю!
Спешу
душой
с природой пообщаться!
Мне с моря жизни,
словно кораблю,
К покою в гавань
рано возвращаться.

И пусть, порой,
неиствуют ветра -
Ещё упруг
потрёпанный мой парус! -
Держу свой курс
на добрые дела,
И хоть шторма
бьют больно,
я не каюсь.

В пути
в себе я открываю вновь,
Ещё неведомые
сердцу
грани.

Пока со мной
НАДЕЖДА и ЛЮБОВЬ,
Я жив, пишу стихи
с восходом ранним.

ОСЕННИЙ МОНОЛОГ

*Памяти поэта Д. Лескина,
на его: «Журавли летят, кричат.
Вся в крови рябина...»*

Вновь леса костры зажгли –
Осени картина.
Смотрят с неба журавли
Как горит рябина.
Кружат, вьются надо мной –
Всё зовут с собою.
Пусть я мёртв, но и живой
Был с родной землёю
Неделим, не улетел
За кричащей стаей.
Был бы стих на высоте,
А печаль растает
Я стремился честным быть
В слове и на деле.
Потому и был убит
Подло, без дуэли.
Зло живуче на Руси,
Но возьмёт верх РАЗУМ.
Честь и ПРАВДУ в жизнь нести
Всяк поэт обязан.
Не кричите журавли,
Не зовите, братцы, -
Лишь стихом из-под земли
Я могу подняться...

ОСЕНЬ

Плачет осень средь берёз:
Опадают листья,
Ночью был в лугах мороз,
В дверь зима стучится...
Кроны всех рябин в огне –
Греют ветви грозди.
Крик тревожный в вышине –
Птичьеи стаи поздней.
Люди в лес с утра спешат –
Ищут меж деревьев
Заблудившихся опят,
И несут в деревню.

Я аукаю друзей
В синеве разлитой:
Семьи беленьких груздей
Спрятались под липой.
- Не расстраивайся зря,-
Утешаю осень,-
Лес красив твой, как заря
Среди елей, сосен...
Жизнь проходит чередой:
Утро, день и вечер.
Главное – не пасть душой,
Время все излечит.

ОСЕННИЙ СТРИПТИЗ

До гола раздел
осенний ветер клён.
Вся листва с него
за ночь слетела.
Утром сам он
наготе был удивлён,
а рябина рядом покраснела...

ЗА КЛЮКВОЙ

Рассыпаны
горошины
по кочкам.
Издревле глухариные места.
В лесу желна чеканит музе строчки
На первый бал осеннего листа!

Играет солнце в золоте деревьев,
А над болотом стелется туман...
Чуть слышен звук со стороны деревни.
В небесной сини – птичий караван.

Ну, где ещё, в какой стране на свете
Ты окунёшься в первозданный мир:
Седой камыш, и лес, и кочки эти,
И спящий холм – былинный богатырь?!

Идём тропой, дыша грибною прелью,
За спинами под клюкву короба.
Любуемся осенней акварелью!
В двадцатый век вернула нас судьба.

Здесь также всё, как в молодые годы,
И просека не изменила вид...
Хмельна душа от северной природы,
От чуда, что костром на мху горит!

Рассыпанные
ягоды
на кочках.
В лесной тиши разлита красота!
С желной слагаем вместе
музе строчки
На первый бал осенnego листа!

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Л.Б.Фёдоровой

На лугу
пылают росы!
Ягод спелых
полон лес!
Солнце в речке
моет косы
Из лазоревых небес.

Над лощиной
из тумана
Утро выткало платок.
По тропинке
мальчик с мамой
С туеском прошли в лесок.

На воде
букет из лилий,
Рядом
дремят поплавки.
А у берега из ила
Смотрят в небо родники...

Я сижу с зарёй,
жду клёва,
Притаившись в камышах.
- Для красоты такой –
нет слова!-
Шепчет мне моя душа...

Где-то в городе:
смог, жарко,
Ищут сальдо, суета...
Горожане,
мне вас жалко,
Приезжайте к нам
сюда!

* * *

Ты у нас в деревне не был?
Там с зари и до зари,
Как подсолнух рыжий,
с неба
Солнце речку золотит!

А какое, ах какое
Летом поле золотое!
Ветерок, резвясь, бежит –
Волны гонят изо ржи!

Деревенский воздух лечит,
Сердце радует зарёй:
Соловью весной у речки
Подпевает трактор мой!

А какая, ах какая
У нас радуга цветная! –
Озаряет весь окрест:
Речку, поле, луг и лес!

Ты не раз воскликнешь:
«Чудо!» -
Выпив наш бальзам земной:
Аромат медовый луга
С родниковою водой!

А какие, ах какие
У нас ягоды лесные!
Земляникой лес пропах!
Пламень ягод в туесках!

Приезжай,
с семьёй, с друзьями –
Будем вместе сеять, жать,
Иходить в лес за грибами,
Да с реки лещей таскать!

А какое, ах какое
Летом поле золотое –
Колос к колосу ряды
В ожидании страды!

* * *

Гнёзда грачей на деревьях.
В росах трава и лопух.
Будит с зарёю деревню
Криком хозяйствским петух.

Всё здесь до боли знакомо:
Речка, луга и поля,
Сад с огородом у дома –
Милого детства земля.

Греет любовь – обоюдность.
Речка без суши – вода.
Всё что впитала здесь юность
В сердце со мною всегда.

Край мой! -
Началу основа,
Стрежень всему что люблю!
В жизненном море суровом
Ты как маяк кораблю.

Время так быстро промчалось.
Стал горожанином я.
Только всё чаще мне в старость
Снится деревня моя...

О, ЖЕНЩИНЫ!

Мужчины не стареют
рядом с вами,
Вы – чувств родник,
живая красота,
Которую до дрожи пьём губами!
Без женщины – мужчина сирота.

Нет ничего прекраснее на свете,
Чем песнь любви
токующих сердец:
В ней страстный зов
взаимен, нежен, светел
Рождает музу
свадебных колец...

МАМА

Смотрю,
не могу наглядеться –
Былое вернулось
во сне:
Домишко бревенчатый детства
И мама в открытом окне.
На столике
хлебушек с солью
Да старенький с квасом горшок.
И голос родной мне до боли:
«Пойдёшь скоро в школу,
сынок...»
Подскажет, поможет, согреет
И дело с тобой довершит.
Да нету на свете добрее,
Теплей материнской души.
И радость, и слёзы, всё вместе
С годами прошли чередой.
Вон мама с мою невестой
И я, лейтенант молодой...
Ах, годы –
седые туманы,
Да времени краткость полынь.
Старушкой седой стала мама
И белым, как лунь, её сын...

А вот и оградка могилы
И фото родного окрас.
Покинули матушку силы,
Но смотрит с улыбкой на нас.

.....
Ах, мама,
как жаль, всё не вечно...
Так радостно было с тобой.
Ужель никогда я не встречу
Тебя, как и раньше, живой?

КОНЕЦ ГОДА

Ясно ясеню и мне -
Осень жгёт все кроны:
Сад в рябиновом огне,
Польхают клёны.

Где ж ты мой зелёный сад -
Парус яблонь белых?!
Листья осенью горят -
Ничего не сделать.

Жар стихии огневой
Не зальёшь, не скинешь.
Время крутит шар земной -
Приближает финиш.

Вместо колоса - стерня.
Лес без птиц стал глуше.
Вихрь осеннего огня
Обжигает души.

Утром в лужах плёнка льда,
Жизнь стихает следом.
Скоро грянут холода -
Заметёт всё снегом...

* * *

Внучке Маше

Бывают в жизни дни,
часы, минуты:
Отчаянье берёт тебя в полон,
И кажется, что всё –
нет сил, согнут ты,
Опустошён,
как выжатый лимон.

Не паникуй, ищи свои ошибки -
Сторонний промах
выход не найдёт.
Иди туда, где светятся улыбки,
Где путь тернист,
но к ИСТИНЕ ведёт.

Спеши, пока горит костёр надежды:
Гордыню, хлам обид -
всё в нём сожги.
Надень другие, чистые одежды,
И вновь за дело!
Жалости не жди.

* * *

Счастье – это жизнь, любовь,
Быть самим собою,
Помогать другим без слов
Справиться с бедою.

* * *

Друг богат стал,
с ВЛАСТЬЮ дружен,
С остальными – глух и нем.
А зачем ему ты нужен –
С бедным тысяча проблем.

* * *

Ломает буря ветхие деревья -
Нестойкое, отжившее в лесу.
Слетают крыши у домов деревни,
Попав вдруг в грозовую полосу.

* * *

Коль ветр рецессии крепчает,
Растёт инфляции волна:
Плыви к надёжному причалу -
Грядут тяжёлые шторма...

ГЛУБИНА КРИЗИСА

Эпиграмма

*«В.В.Путин обследовал дно Байкала...» -
из сообщений СМИ*

Чтоб знать размер рецессии,
сначала
В МИНФИНЕ строят график
спада В.В.П.,
Где низшей точкой
служит дно Байкала,
Которое изучено
премьером П.

* * *

Путь к ИСТИНЕ почётен,
но тернист, -
Ловушки КРИВДА маскирует
классно –
Она ведь многолика,
как корысть,
И рядится
в одежды ПРАВДЫ
часто...

ГОД ТИГРА

У тигра достаточно
тёмных полос,
Но также немало и белых,
А значит, по ветру держать надо нос –
Иначе загубишь всё дело.

Олег ГРИГОРЬЕВ

Мелодии осени

Скоро будет осень,
Снова лист накроет
Желтизною свежей
Пасмурные дни.
Затрещат морозы,
Запоют метели,
Превратив в снежинки
Скучные дожди.
Только мне не спится,
Почему?
Не знаю.
От того ль, что осень
Быстро так пройдет?
Мне не надо снега,
Не нужны метели,
Только грустный дождик
Пусть почаше льет.

Кто я?
Кто?
Листок осенний,
Пожелтевший, и упавший?
Или тусклый огонек,
В темноте ночной пропащий?
Понесет ли меня ветер,
Иль прибьет меня к углу?
И пробьется ль огонек
Сквозь ночную темноту?
Может мне летать по свету,
Может гнить к земле прижатым?
Может в пламя разгореться,
Иль угаснуть навсегда?

Что ждет меня этой осенью,
Бед каких мне судьба наготовила?
Может, ждет меня небо с проседью,
Или - облако ждет бирюзовое?
Может быть, мне упасть на небо,
И разбиться об это облако,
Оказаться в стране, где я не был,
Где не стану твоим я любовником?
И где в поисках лучшей доли,
Я навеки смогу потеряться...
Мне с тобою проститься что ли,
Чтобы больше нам не встречаться?
Мы в сердцах сохраним наше лето,
Наши чувства – далекие, нежные,
Никогда не вернется к нам это, -
Мы с тобою не будем прежними.
Что же ждет меня этой осенью,
От нее я дождусь ли ответа?
Может быть, – это небо с проседью,
Может быть, – это облачко лета?

Ах, уж эта осень,
Снова наступила,
Красками осенними
Лес позолотила.
Прошептала тихо
Скучными дождями,
Появилась проседь
На висках у мамы.
Снова мне в окошко
Дождь забарабанил,
Каплями холодными
Больно душу ранил.
Ах, уж эта осень,
Рыжая подруга!
Сегодня дождь и темнота,
А завтра будет выюга...

Осень дышит желтою, падшою листвой,
Вечер наступает ржавою тоской.
Лишь луна качает ветви на ветру,
Может, в этот вечер, где-то я умру...
Силуэты улиц тают в тишине,
Ничего не надо в этот вечер мне:
Мне не надо осени, с желтою листвой,
На душе тревога, в голове покой.
Отчего сомнения, отчего тоска?
Сединою ляжет, осень у виска,
Шорох листьев палых, веток на ветру,
Осень запоздалая, я тебя люблю!

Все предельно ясно,
И не надо слов,
Все слова напрасны,-
Кончились любовь.
Осень наступила,
Дождик за окном,
Люди под зонтами
Растворились в нем.
Ласковое солнце,
Твой влюбленный взгляд,-
Не вернуть нам лето,
Не вернуть назад.

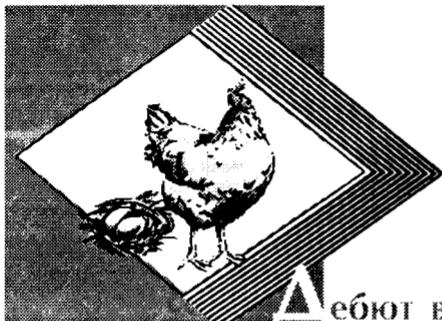
Любим, не любим – не все ли равно?
Забыто то чувство мною давно.
Один, не один – не все ли равно?
Судьбой одиночество в дар мне дано.
Счастья искать? Зачем, для чего?
Жить, иль не жить – не все ли равно?

Стало по утрам темнее,
И длиннее стали вечера,
Мы с тобою постарели
На еще одно – Вчера.
Пожелтела под ногами,
Кем-то смятая трава,
Где остались между нами
Не досказано слова...
Улетели птицы стаей
В те далекие края,
Где нам неба было мало,
Где равнялось: Ты + Я.
Пробежал по луже звонко
Холод хрусталиями льда,
Жаль, что НАС с тобой не стало,
И не будет никогда.

На прощание скажу тебе: «Люблю»,
Под осенний шелест листопада,
Это слово трижды повторю,
И мне больше ничего не надо.
Я тебе под тихий шум дождя,
Твои руки нежно согревая,
Расскажу, как я хотел тебя,
В пролетевших днях любви и мая.
А потом, в осенней кутерьме,
Растворюсь, судьбой своей играя,
Устремлюсь к лазурной вышине,
В небо одиноко улетая.

Осень вновь раскрасила
Листья в желтый цвет,
У любви о счастье
Не найти ответ.
Шорох листьев палых
Веток на ветру,
В одиноком городе
Я тебя люблю...

Ирина
ГАЛИНЗОВСКАЯ

debют в альманахе

«...а умру - поэтом»...

Зачем винить Богов,
Когда виновны сами?
И для чего клеймить рабов,
Когда рабы те с вами?
О Боже!
За что мне это все?
Кричите в небеса, но лежа на кровати...
Запомни,- все в руках твоих,
И ключ твоей судьбы в твоем кармане.
Тебе решать стать королем иль вором;
Жить богачем или подобно дервишам;
Любить, а может быть и ненавидеть...
Запомни!
Ты - Бог себе и Бог для всех,
Кто РЯДОМ!

В «ящике» похоронили свою жизнь:
Смотрим с вожделением и страстью,
Завидуя марионеткам шоу-бизнеса;
Переживаем за вымыщленных киномэнов,
как за родных...
Хотя, стоит перед тобой реальный человек,
Которому нужны любовь и состраданье, -
Но нет!
Жалеть его не станем, -
Ведь это так не актуально...
Любовь находим в мире, но... в виртуальном

И говорим:
«О, это так реально»!
Потом выходит ОН - не ОН,
И вовсе уж ЕМУ не двадцать, а далеко
За тридцать пять -
Мечта разбилась в сумерках опять...
А кто-то скажет - это, мол, прогресс!
Я отвечаю всем: «Это РЕГРЕСС»...

Посвящение А.П Чехову

Сижу в комнате, где четыре стены,
Уколы три раза в день внутривенно,
Мысли мои сбиваются в том пути...
Я думаю лишь о смерти.
И снова приходит Черный монах,
Садится в кресло напротив,
И тихо, спокойно мне говорит
О жизни, о смерти, о смысле...

Губим жизнь в бутылке с пивом.
За ночь любви приходится расплачиваться
СПИДом...
Куда мы катимся? Когда мы сгинем?
Да гореть всем в огненной геенне!
Еле-еле дышим, кое как живем.
Культурно говорить - так не умеем.
Не знаем значенье слов, как:
ПРАВДА, СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ, ЛЮБОВЬ...
Зачем? Ведь деньги и сейчас решают все!
Коль есть зеленые бумажки иль «деревянные» рубли,
А лучше - евро, фунты, сомы, песо -
Будет все, как пожелаешь ТЫ!

Посвящение Н.Кузнецovу...

Звон колоколов, шум проезжающих машин-
Однажды все это так надоело...
Губы кусаю в кровь, сигаретный дым
Мне согревает душу.
Ранила сердце стрела,
К несчастью... не Амура...
Не везет мне сегодня...
Завтра будет нам новый день,
Солнце взойдет, освещая весь небосвод.

И пойду я к тебе навстречу,
Улыбаясь взглядом только и,
Мысленно тебя целуя...
Но ты поймешь, что это ложь,
Целуя меня так же лживо.
И я не могу разобраться в том,
Почему же люблю другого!
Как ты - мечтаешь совсем о другой...
Почему ж мы опять друг с другом?
Отчего ж не познали любовь?..

И ПАДАЕТ СНЕГ

Хмурое небо.
Озябшее тело идет в никуда,
Идет не спеша.
А вокруг суета.
Машины и люди мчатся параллельно,
Не замечая друг друга,
И только ОНО идет потихоньку
Изредка вглядываясь в незнакомые лица,
Ища лишь одно...
А впрочем, ЕМУ безразлично,
И все таки ищет ОНО лишь ЕГО,
Но где же прикажешь искать?
Не думая, не размышляя логично
Тело садится в холодную электричку.
Станция за станцией проносятся мимо;
Рядом садятся очередные истеричные лица-
Потенциальные маньяки и просто убийцы,
Конечно, - не обойтись и без тех,
Кто заканчивает жизнь самоубийством...
Очередная станция, остановка:
Сошел психопат, его заменила идиотка, -
Вот так и прошел час.
Пора выходить.
И снова бродить среди лиц незнакомых...
Серое небо и падает снег.
И, словно, как будто случилось вдруг чудо.
Глядя сквозь проходящих мимо людей
Он встретил ЕЁ,
Поприветствовав фразой:
- Вот, падает снег, дорогая...

Вот бы разбиться о камни,
И обратиться в морскую пену,
Став частью мирового океана...
Играть с брызгами в твоей руке,
И целовать их невидимо солеными губами.
Ласкать тебя при людях и - не бояться!
Пусть видят, что есть и такая любовь!
Что разной бывает она,
Избранника не выбирая...

Я ухожу туда, где ангелы поют,
Читают дивные стихи мне о
ЛЮБВИ...
Я расскажу им о Тебе,
О нас с тобой - историю любви,
Которая перевернула мир мой...
Пой, пой мне ангел о любви,
О вечной жизни так же пой.
О ней так славно помечтать,
Когда мертва.
Когда не слышен сердца стук,
Не ощущается дыханье.
Ты пой мне песню о любви
За упокой души моей бессмертной.

Родилась ребенком,
А умру - поэтом.
Точно знаю,
Потому что нет покоя
Для души с крылами за спиной...

В ее глазах тонуть
Готова вечность,
И, как сомнамбула бродить за ней
По миру...
Готова кляться Стиксом,
Как Боги ранее клялись, -
Лишь бы взглянуть хоть на мгновенье
В глаза бездонные Твои.

Наталия ГЛАЗУНОВА

«И растворяться в небесах...»

МНЕ ПОЗВОЛЕНО!

Мне позволено. Я знаю.
Застрял свет зеленый.
Мне пора. Я открываю
Для стихов дверь в мир огромный!

Ветра легким дуновеньем
Разлетаются неслышно.
Зависают на мгновенье,
Разрастаясь в книгах пышно.

Поток горный пригласила
Разметать проход в реальность
Ученицей уходила.
Вестником я возвращаюсь.

СУДЬБА

Мне судьба подарила на счастье
Самых лучших на свете людей.
С каждым днем, каждым часом богаче
Становлюсь от родных и друзей.
Мне судьба подарила на скачках
Крупный куш. Мечту жизни моей.
Мне везет! Я смеюсь от удачи.
И со смехом улыбки шлю ей.
Мне судьба...она, милая, знала,
Как о счастье молилась я ей.
Я судьбу на троих не украла.
Я ее заняла у своей.

ЗАСНЕЖЕННЫЙ СОНЕТ

Присяду у дороги,
Потом скажусь в кювет.
(Холодный недотрога,
Заснеженный Сонет.)
Сорвусь в пушистых хлопьях
И наряжу страну.
Садись и ты напротив
Послушать тишину.

ЛЮБЛЮ!

Люблю мгновенья этой жизни
И слезы счастья на глазах,
Когда тебя твоя Отчизна
Волнует зеленью в лесах
Люблю смотреть на звезды ночью
И растворяться в небесах
И чувствовать себя непрочно
На стрелках в скоростных часах

ПОЭЗИЯ

С нею, как с ребенком
Очень нежно надо
Говорить негромко,
Чуть лаская взглядом.
Чередуя будни,
Так гулять приятно
По дорогам чудным
Мыслей необъятных.
Образы – виденья
Возникают всюду,
Где стихотворенья
Я, как Дар, добуду....

МУЗА

Когда стихи струятся,
Ты явно не одна.
С поэзией венчаться
Зовет меня она.

ХОЧУ!

Хочу развернуться навстречу ветрам!
Да так, чтобы сердце звенело от счастья!
Пусть солнце щекочет лицо по утрам
Мое - через окна, раскрытые настежь.

От радости я задыхаться хочу!
Немой становиться всегда от восторга!
Смешной и нелепой, как в детстве. Хочу
Сейчас пребывать я в том времени долго!

Я СЛЫШУ...

Я слышу голоса.
Я всматриваюсь в лица
И шлю на небеса
Страницу за страницей.

НАСТРОЕНИЕ ПОДНИМАЯ

Я по лучику решила
Прогуляться к солнцу в гости
На него я наступила,
Но сказала солнце: « Брось ты
Эту глупую затею,
На земле мной наслаждайся.
Воду в речке я согрею,
Вон, пойди-ка, искупайся».
Я играть с водою стала,
Доплыла до середины,
Потом, чувствуя, устала
И легла скорей на спину.
Солнце надо мной смеется:
«А еще ко мне собралась,
Что же быстро устаешь так?»
Я в ответ лишь улыбалась.
По воде пройтись решила,
По чешуйкам золотистым.
Душа только попросила,
Чтобы удалила мысли.

«Когда тело легким станет,
Можно по воде свободно
Погулять, как по поляне»....
Испугалась я народа.
Смотреть будут, не стесняясь,
Как я по воде шагаю.
Нет, не выйдет, помешают!
Все, так думать прекращаю....
Настроенье поднимая,
По земле пройтись решила.
В траву ноги опуская,
Обо всем плохом забыла!

ПОЭТОМ ОЧЕНЬ ПРОСТО СТАТЬ...

Поэтом очень просто стать.
Нам надо только осознать,
Что в шести днях творения
Есть все стихотворения,
Чтоб их оттуда извлекать,
Поэтом надо только стать
В ТОМ, ЧТО ГЛУБОКО СОКРЫЛА.

НЕ СЛУЧАЙНО

Я хранила в себе эту тайну.
Открываю ее первый раз.
Мы живем на Земле не случайно.
Было б скучно на Небе без нас.

ГОВОРЯТ (шуточное)

Говорят, мы изменились сильно
И в глазах огни уж не горят.
Нет стихов красиво - изобильных.
А я знаю, кто в том виноват.
Виноват, конечно же, не ветер,
Не дожди, не чей-то строгий взгляд.
Виновато Время, мне поверьте,
Этот хитрый и бесстыжий plagiat.

НАШИ ПРЕДКИ НЕ ЗНАЛИ ГРЕХА

В очень далекие, давние дни
К Русам пришли с новой верой одни
И стали они веру ту предлагать.
«А как бы получше про веру узнать?»

«Вера о сыне Христосе гласит.
На заповедях наша вера стоит:
Не мсти, не воруй, не обмани»
«А что это значит?» – спросили они....

МНЕ СТЫДНО

Мне стыдно за страну, в которой нету чести.
И стыдно за «народ», который для «людей».
И стыдно за те органы, которые на месте
Ведут так недостойно себя Родины своей.

ПРИГЛАСИЛА ЗВЕЗДЫ В ГОСТИ

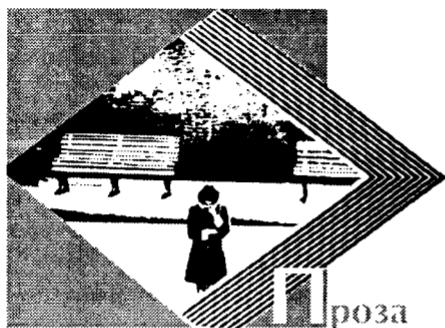
Посадила звезды на качели,
Заглянула с ними в поднебесье,
Весело промчала в карусели,
Русское раздолье вплела песней.
Провезла по родникам в долинах,
Озаренных вольностью преданий.
В рощах с белоснежною калиной
Опьяняла древностью сказаний....
Распрягала лошадей крылатых –
По траве алмазной их водила.
На прощание торжественно и свято
Колокольным светом одарила.
Звезды мне улыбкою сияли.
Этот праздник был для них впервые.
С удивленьем головы склоняли
Перед Родиной моей - РОССИЕЙ!

ЖИТЬ В РАДОСТИ...

Жить в радости вовсе не грех,
Увядшему вместе с ненастьем.
Здесь, даже, по времени бег
Замедлен, колеблемый счастьем.
Здесь каждый роскошства день
Пьет воду святынь у колодца
И лаской обласкана тень,
И сердце целуется с солнцем!

«Дети солнца»

Александр
НАДЫКТОВ

Очаровательная необыкновенность

Память – это удивительнейшее явление! Она может навечно запечатлеть, казалось бы, самое заурядное событие, незначительную сценку или деталь, образ какого-то человека, которые существенно никак не повлияли на твою дальнейшую жизнь. На первый взгляд это кажется несколько странным, непонятным. Задаёшься вопросом, а почему она зафиксировала, казалось бы, не столь важные моменты в жизни? Но со временем начинаешь понимать, что в некоторой обыкновенности есть некоторая необыкновенность. И чем дальше, тем сильнее оцениваешь это трансформированное восприятие. И память даёт возможность наслаждаться далёкой обыкновенностью, перешедшую в близкую необыкновенность.

Галю Позднякову, девчонку, с которой я учился в младших классах, я не видел лет 50. Уйма времени прошло, почти вся жизнь! Недавно, просматривая старый фотоальбом, я увидел пожелтевший от времени снимок, где я и двенадцатилетние сверстники мои, усевшись на ступеньках школы вместе с первой своей учительницей, смотрим в объектив фотоаппарата навстречу своему далёкому будущему. В самом верхнем ряду, справа от учительницы сидит славная, всегда одетая в безукоризненно чистую, белоснежную форму, с аккуратной прической, украшенной белым батистовым бантиком девочка. Это - Галия Позднякова. Она отличалась от своих одноклассников не только отличной учёбой и постоянной аккуратностью. От её поведения, манеры говорить веяло какой-то неподдельной внутренней чистотой и свежестью. Она напоминала белоснежного ангела, прилетевшего к нам из неведомого мира. Это не означало, что я был по-мальчишески влюблён в неё. Помню, я не сторонился её, но в тоже время сохранял и некую дистанцию. Видимо, это происходило из-за того, что её воспитан-

ность предполагала соответствующие требования к тем, кто её окружал. Я, пожалуй, понимал это на подсознательном уровне. А потому, дабы не контрастировать с её небесным образом, не входил с ней в дружеские отношения. Галя Позднякова выглядела, думается, для многих мальчишек и девчонок неким эталоном. Никто об этом, разумеется, вслух не говорил. А эталон - не всегда притягивает. Может быть, чаще он как раз и отпугивает людей. Ведь, следует признать, классика, совершенство признаются в обществе далеко не всеми. Более того, большинство людей к совершенству относятся с опаской. Ибо, как некоторым из них кажется, отмечая и признавая его, выставляется напоказ собственная никчемность. К сожалению, такое уродливое представление о грациозности бытует среди многих.

Глядя на фото, всматриваясь в открытое лицо неординарной одноклассницы, любяясь чистым взором её глаз, я с удивлением отмечаю, что эта девчушка не затерялась среди множества людей, с которыми мне пришлось видеться в жизни. Она не только не затерялась, но и осталась на переднем плане в моей памяти. Почему? Я часто задаю себе этот вопрос, пытаясь найти точный ответ. Наверно, это потому, что она оказалась одной из первых людей в моей жизни, кто был весьма нестандартным человеком с сильной позитивной энергетикой. Я не знаю, как сложилась её жизнь. Но недавно я увидел в средствах массовой информации фотографию Галины Поздняковой, своей ровесницы. Она ли это?! Но даже, если нет, значимость моей одноклассницы ещё больше возрастает. Ибо в каждой Галине Поздняковой незримо присутствует та, с которой я рос в детские годы. Хотел бы я увидеть её? Что за вопрос? Конечно! Хотя, о чём бы я говорил с девчонкой, которая, как и я, повзрослела на 50 лет? Не знаю. Но знаю, что смотрел бы на неё неотрывным взглядом, пытаясь в чертах взрослой женщины увидеть ту, которая врезалась в мою память на всю жизнь. И почему-то мне кажется, что она осталась с теми же чистыми, ангельскими глазами, как и прежде. И если так, то и нет прожитых пятидесяти лет. То есть, конечно, они никуда не исчезли, но эти несколько десятилетий не стёрли в памяти драгоценные ощущения необыкновенности, которые дарят нам природа и замечательные окружающие нас люди.

Я вновь всматриваюсь в школьную фотографию. Как же мне дороги эти детские лица на ней! И они как бы оживают в памяти.

Мы, весёлые, задорные, упоённые радостью жизни, ребятишки, и Люба Антипова, и Вовка Берлизов, и Галка Дьяченко, и Алик Любарский, и Клава Мельникова, и Коля Молчанов, и Галя Позднякова, и Витька Филатов, и я, и многие другие однокашники, шумно вскакиваем со ступенек школы, где только что сфотографировались, радуясь, что закончились школьные занятия, и исчезаем со школьного двора, не понимая происшедшего чудесного события: в одну минуту нас всех вместе запечатлели на всю жизнь. Не понимая, что пройдёт большая жизнь и мы, надев очки, с чувством непередаваемого волнения, затаив дыхание, будем внимательно всматриваться в дорогие для нас детские лица. Они для меня все примечательны!

Скорее всего, мы никогда уже не встретимся. Но в моей памяти они останутся до конца моей жизни. И особое место в ней занимает Галя Позднякова, которая была во многом более совершенна, чем мы. И это,

думается, не принижало нас. Наоборот, своим присутствием она невольно помогала нам становиться лучше, что в будущем, несомненно, повлияло на наше успешное восхождение по крутым склонам жизни.

Как не странно, я не испытываю острого желания увидеть своих одноклассников через пятьдесят лет прожитой жизни. Почему?! Я боюсь узнать, что некоторых из них, возможно, нет уже в живых, что кто-то очень болен, либо находится в страшной нищете. А может быть, что ещё страшнее, кому-то, с кем я мог бы встретиться, вообще безразлично далёкое детство...

Я не хочу испытывать грусть, печаль и душевную боль за милые детские лица, которые я вижу со старой фотографии. Единственno, в чём я глубоко уверен, что Галя Позднякова и во взрослой жизни осталась человеком очаровательной необыкновенности. Вот уж её мне непременно хотелось бы увидеть и во взрослой жизни. Время таких людей не изменяет, не портит и не старит. И все объясняется их волшебной необыкновенностью. Но даже если и допустить, что время изменило её в далеко не лучшую сторону, то это нисколько не стирает, не умаляет её удивительно неподдельный школьный образ.

Недавно я побывал в местечке, где меня не было сорок лет. Там прошло мое детство. Всё заросло и опустело в моём святилище. Никто из моих ровесников там уже не живет. Подойдя к месту, где находилась школа, я увидел одни развалины. Непередаваемая тоска охватила меня. Я присел на одну из рассыпавшихся ступенек, на которой, возможно, сидел полвека назад, взглянувшись в объектив фотоаппарата, над которым колдовал один из учителей школы. Достав из кармана фотоснимок, результат давнего волшебства школьного мага, я снова вернулся в мир детства из окружающей глупи, из раздирающих душу развалин и одиночества. Я вернулся из взрослого мира лиц, многие из которых живут по законам стереотипного мышления и поведения. Я оказался среди тех обыкновенных ребятишек с их живым характером, с их поразительной непосредственностью и обвораживающей искренностью и простотой. Я вернулся в дорогое для себя время. И вся прожитая жизньдалась мне, помимо всего прочего, и для того, чтобы по-настоящему оценить эту пору, в которой видное место заняла Галя Позднякова!

А если кто-то заметит, что это идеализация детства, то тому можно лишь посочувствовать. Глубокая память хранит в наших сердцах всё сокровенное в нашей жизни. И, совершенно прав талантливый мексиканский писатель Карлос Фузнtes, писавший, что: «Память – единственная подлинность, и потому память и есть наш очаг, и становится она единственным подлинным прибежищем наших сердец, страстным желанием отыскать наши крохотные и неясные кусочки счастья, зарытые глубоко в наших сердцах, которые перестаёт трогать бедность или богатство, доброта или жестокость».

Елизавета
ПАРФЕНОВА

Месть

В начале Великой Отечественной войны недалеко от городка Инзы была размещена учебная дивизия, где формировались части из призывников, готовившихся отправиться на фронт. Пять или шесть полков входили в состав этой дивизии. Они располагались в густом сосновом лесу, где были выкопаны землянки для проживания солдат.

Километров в трех от места расположения воинских лагерей были оборудованы полковые санчасти, пекарни, столовая и почтовое отделение. Здесь же располагался артдивизион, городок которого был отделен высоким забором. Когда-то это был поселок лесничества, названный «Зеленым кордоном», поскольку располагался он в густом лесу. Воздух здесь был необыкновенным: пахло сосновой смолкой, дышалось легко и сытно.

Почтовое отделение (с номером полевой почты) открыли сразу же после решения о расположении здесь запасной дивизии. А поскольку все формировалось быстро и наспех, то оборудовано отделение было очень бедно: на почте не было даже настенных часов...

Заведовала почтой женщина лет сорока, эвакуированная с Украины – Зинаида Ивановна Яковенко. Вместе с ней работали еще две девушки: Таня и Саша. Вот они по очереди и ходили пешком в Инзу, где в районном почтовом отделении получали письма и посылки для частей дивизии. Их всегда набиралось не один мешок, и этот груз нужно было доставлять за восемь километров.

Часто почтовики просили помочи в доставке груза в хозвзводах полков: выделить лошадь с подводой или хотя бы пару солдатиков. Но такая помощь оказывалась почтальонам не всегда, то – солдаты на полигоне, то – лошади в разъездах... Вот и приходилось шестнадцатилетним девчонкам носить мешки с почтой «на своем горбу». Зимы в тот год стояли суровые, одежда почтальонок была ветхонькая, а поскольку приходилось носить еще и большие суммы денег, для безопасности выдали девчонкам пистолет...

Да и лошади, которых выделяли для доставки почты, были какие то неказистые, низкорослые, приспособленные только для верховой езды. Однажды почтальон Танюшка поехала в Инзу за грузом. Лошадка эта шла-шла, да – встала. Ну, не хочет дальше идти по заснеженной дорожке, – и только! Солдатик-кучер стал «бодрить» скотину: лупил хлыстом по бокам измученного животного! От боли лошадка взбрекнула задними ногами и копытом рассекла солдату бровь.

Танюшка, увидев, как хлестнула кровь из раны, испугалась до смерти. Тем более, что ее напарник побледнел, сполз в сугроб и обмяк там. Таня побежала что было сил до ближайшего жилья. Добравшись до первой же избы, стала тарабанить в окна. Вышедшая на этот стук хозяйка дома, послушала сбивчивый рассказ девчонки, ни слова не говоря, отправилась с ней в лес. Там она

перевязала солдату голову, погрузила того на сани и отправила с Танюшкой в санчасть.

После того случая обе почтальонки не раз заходили в «больничку» поприведывать солдатика. А время, хоть и было трудное и жестокое, но молодость брала свое! Хотелось не только счастливо жить, но и любить...

Почтальонка Саша была из многодетной семьи, где росли еще три ее брата. Отец был на фронте. Мать одна «колотилась» с малыми детьми. Саша, как старшая среди них, пыталась хоть чем-то облегчить маме ее участь. Жили они в небольшом поселке. Мать «горбатилась» в колхозе, а ребятня помогала ей по хозяйству, на огороде, в уходе за коровкой-кормилицей. Больше всего доставалось братикам. Они в домашних заботах быстро взрослели...

Саша росла симпатичной стройной девушкой. Потому многие солдатики на нее заглядывались, хотя она их сторонилась. Но во в почтовое отделение зачастил один старшина. Высокий, подтянутый, общительный весельчак. Видимо, ему тоже приглянулась Саша. Он стал уговаривать девушку посидеть-поболтать на лавочке возле почты. Принес гитару, играл на ней, а поскольку Саша сама хорошо пела, - у них вместе получалось ладно. Саше парень явно был симпатичен, она заметно волновалась. Ждала встречи с ним. Поняла, что влюблена...

Но мать не одобряла ее дружбы со старшиной. Однажды тот напросился в гости в Сашин дом, пытался понравиться хозяйке. После его ухода мать сказала дочке:

- Прекрати встречи с ним. Он – недобрый человек. Боюсь, обидит тебя. Потому он тебе не нужен. Тем более, что время нынче тревожное – война. А как навоюется твой «герой» - уедет к себе домой, тебя бросит, забудет...

Но Саша не захотела расставаться со старшиной. Его внимание, ласки были ей приятны.

Однако, после материнских наставлений какая то тревога поселилась в девичьей душе...

В свободное время она старалась теперь уходить в лес, бродить меж сосновыми, тихонечко напевать любимые напевы. Как-то подруга заметила Саше, что старшина реже стал появляться на почте. А однажды, когда девушка возвращалась из города с почтой, вдруг заметила недалеко от своего отделения солдата и девушку, гулявших в ельнике. В военном она чуть позже признала своего ухажера, который обнял девушку, стал ее целовать...

Саша не могла поверить в происходившее – не так давно старшина вот также обнимал и целовал ее, шептал ласковые горячие слова!

Ноги у нее подкосились, она уронила из рук почтовый мешок, была в оцепенении. Как добралась до своего рабочего места уж и не помнила.

Татьяна, увидев подругу в таком состоянии, испугалась не на шутку, кинулась с расспросами. Саша, не скрывая, все, что видела в лесу, рассказала Тане. Та восхликала:

- Ах, он, подлец этакий! Не стоит он слез твоих, Сашенька! Не думай о нем и не расстраивайся, еще встретишь своего любимого, доброго парня, а об этом – забудь!

Старшина на почте более не появлялся. Саша резко изменилась. На нее было смотреть, девушка замкнулась в себе. А однажды призналась подруге, что беременна:

- Что делать теперь, Таня? Как я маме про это расскажу!

Татьяна сразу поняла, отчего старшина не стал приходить к ним на почту, Соблазнил девушку и бросил!

Однажды Саша попросила подругу:

- Ты меня подменишь на часок? Хочу сходить прогуляться по лесу, воздухом подышать. Справишься здесь одна?

- Ну, конечно! – ответила та. - Иди, иди...

За работой Татьяна забыла про время. Спохватилась, когда Саши уже не было несколько часов. Она пошла к заведующей и попросила Зинаиду Николаевну:

- Можно мне пойти Сашу поискать? Что-то долго ее нет уже.

Начальница разрешила, и Таня побежала по тропке в лес. Громко звала подругу по имени, но та не отзывалась. Прошла дальше в лес и вдруг заметила знакомое платье. Подошла ближе, а там, на одной из сосен, безжизненно висело тело Александры...

Таня, громко и испуганно крича, побежала к почте. Вскоре прибежали люди, сняли Сашу из петли, понесли в санчасть. Женщины плакали: почтальонку многие знали и любили, жалели ее такую еще молоденькую. Не могли поверить в такую ее трагическую кончину. Вскоре сообщили и Сашиной матери. Она с криком упала на тело дочери, забилась в истерику...

Почти все жители поселка пришли хоронить Сашу. Были и военные из части. Говорили напоследок много добрых слов о девушки. Мать принимала соболезнования черная от горя. Братья, как настоящие мужчины, старались сдерживать слезы, крепко сжимали кулаки. А после похорон Ванятка решил про себя: старшине этому нужно отомстить за сестру!

В лесу нашел он подходящую палку с утолщением на конце, как у настоящей дубины, и с ней все свободное время прохаживался возле забора артдивизиона, в котором старшина и служил. Но проходил день за днем, а старшина так ни разу не появился за расположением части. В один из выходных дней Ваня узнал, что в артдивизионе будет проходить демонстрация вооружения на летней площадке за городком. Мальчик пробрался туда. Долго и внимательно всматривался он в лица военных, но старшины среди них не увидел. А тот появился позже. Сел на последнюю в рядах скамью. Душа мальчишки заполнилась яростью. Теперь он больше всего на свете хотел наказать виновника в смерти сестры, что еще больше придало ему решимости. Выждав, когда на натянутом полотнище побежали кадры их кинофильма, Ваня медленно подкрался к старшине, взмахнул дубиной и стал ожесточенно бить старшину по непокрытой голове!

- Это тебе за Сашу! – приговаривал он.

Солдаты, сидевшие в этом ряду, вскочили, схватили мальчика за руки, но было уже поздно. Старшина рухнул на землю весь окровавленный...

Ванятку увели и заперли в каком-то помещении. Мать всю ночь прождала его, так и не ложившись спать. Рано утром прибежал к ней Ванин дружок и все рассказал. Они пошли в артдивизион, но мальчика оттуда уже увезли в город, в милицию. Там мать к ребенку не допустили, хотя она плача умоляла милиционера, чтобы повидаться с сыном.

- Не велено мне никого к нему пускать, – отбивался тот.

Но все же сжался и на несколько минут пустил ее к Ванятке. Когда сына вновь увели в камеру, мать чуть не упала в обморок, вспоминая, как Ваня шептал ей, обнимая:

- Прости меня, мама, прости, но я не мог поступить иначе... Я ему за все отомстил!

Через несколько дней Ваню отправили в детскую колонию. Хотя детство его давно уж закончилось...

Василий
КОРОБКОВ

Литераторы

(Роман. Журнальный вариант)

Продолжение. Начало в №№1, 2, 3, 5, 6 альманаха за 2009 год.

Глава одиннадцатая

Елова, работала на ДААЗе инженером и недавно они с мужем получили квартиру в новом доме. Квартира была на девятом этаже с прекрасным видом на приволжские леса. Ксандра в то время была уже зрелой поэтессой и её охотно печатали в городской газете. Женщина она была гордая и считала себя совершенно независимой. Муж у неё был тоже инженером, но она работала под его началом. И, если на работе ей всё-таки приходилось подчиняться, то дома она ставила себя намного выше мужа. «Звёздная болезнь», которой она заразилась ещё в ранней юности, уже успела пустить свои метастазы, и она купалась в лучах славы местного пошиба. Мужу, естественно, не нравился строптивый характер супруги, и на этой почве у них часто происходили скоры. Ксандра в Димитровград приехала из Восточной Сибири, и в её внешности хорошо просматривалось азиатское начало. Лоб у неё широкий, глаза узкие, подбородок маленький, но, не смотря на это, лицом она была недурна и даже привлекательна. Краем уха я от кого-то слышал, что у неё с Лесковым завязался тайный роман, о котором почему-то знали почти все - и литераторы, и на ее работе...

Поднимаясь на лифте на девятый этаж, мне стало интересно, как поведёт

себя Лесков в присутствии своей пассии. По его словам, он был однолюб, и мне казалось, что он не способен на измену жене. Наблюдая за ним со стороны, я видел, какие глубокие чувства он питает к своей супруге. Я несколько раз предлагал ему покутить с чужими девчонками, у меня были такие возможности, но он всё время, когда дело начинало доходить до постели, резко прощался с «дамами» и уходил прочь. Пытаясь остановить его, я спрашивал:

- Ты чего на самом интересном месте оставляешь меня одного, так поступать некрасиво. Я же с двумя не справлюсь!

- Вася, извини, - шептал мне Лесков, прощаясь в дверях, - меня Маняша дома ждёт, не могу я оставаться здесь на всю ночь, как я потом ей в глаза смотреть буду?

И вдруг он сам направляется к женщине на свидание, но вот почему он меня с собой тащит, - для меня это было загадкой.

...Дверь нам открыла Ксандра. Увидев Митьку, она обрадовалась и, прикрывая левый глаз ладошкой, весело проговорила:

- Ой, как хорошо, что ты пришёл, а то я с утра ругаюсь с мужем, - он так надоел со своей ревностью, просто ужас. Он думает, что я должна принадлежать только ему и не имею никакого права на личную жизнь. Проходи, я сейчас кофе поставлю, у меня есть бутылочка красного вина, проходи, не стесняйся.

Митька нерешительно топтался в дверях, не зная, что предпринять и, воспользовавшись паузой, тихо проговорил:

- Ксандра, извини меня, но я сегодня не один, - с другом, - и он показал рукой на меня.

Мы вошли в прихожую, хозяйка включила свет, а мы начали раздеваться. Ксандра приняла наши куртки и повесила их на вешалку. И тут мы увидели у неё под глазом синяк. Увидели и остолбенели, как бы спрашивая, а что бы это значило? Угадав наши мысли, она махнула рукой и весело ответила:

- А, на мой синяк не обращайте внимания, это мы с мужем вчера вечером отношения выясняли. Кстати, он сейчас дома и я вас с ним познакомлю.

Из комнаты не здороваюсь с нами, стремительно вышел молодой мужчина лет тридцати. Он метнулся к вешалке и, торопливо одевшись, вышел на лестничную клетку, демонстративно хлопнул входной дверью. Мы с удивлением смотрели на этот демарш, не зная, что делать дальше.

- Ну, чего вы смотрите на меня испуганными глазами. Не бойтесь, это был мой муж. Ему, видно, стыдно стало перед вами, и он убежал. Ну, и Бог с ним! Без него нам даже лучше будет, а то он такой капризный... Уж о поэзии он не дал бы нам поговорить, он стихи, почему-то ненавидит, а я без них жить не могу. Из-за этого у нас скандалы!

Ксандра метнулась к серванту и, достав из него общую тетрадку, продолжала лепетать без умолку:

-Чего вы столбами стоите? Садитесь на диван, я вам сейчас отрывок из поэмы прочту, а потом будем пить кофе.

Мы сели на диван, а хозяйка на стул и, раскрыв тетрадь, начала:

Во дворе, за горой, за лесом

Тускло, серо и одиноко, -

Ни движенья, ни птичьих песен,

И тоска...

До какого срока?

*Вдруг средь туч показалось солнце,
Разыгралось рыжим светом -
(Так вот мысль иногда даётся
На вопросы - одним ответом).*

*Обнажённые ветви плыли
В рыжем радостном ореоле,
Травы жухлые золотились
Вдоль дороги, по краю поля.
Стая птиц над горою рыжей
Зашумела и вдруг умолкла.
Пронеслась над моёю крышей...
Я решила: помою окна.*

Она читала стихи восторженно, в такт стихотворной музыки махала рукой, иногда закрывала глаза, и мне казалось, что она вот-вот задохнётся от нахлынувшей на нее радости.

Митька сидел на диване как мраморная статуя. Он смотрел на Елову, как на диковинное чудо, и мне казалось, что он схватит её сейчас на руки и будет кружить по комнате, нашептывая на ухо: «Ксандра, вы просто чудо! И стихи у вас не стихи, а песня души!»

Прочитав ещё несколько строф, женщина захлопнула тетрадь и, пристально разглядывая нас, спросила:

- Ну как, вам нравится?

- Здорово... - пролепетал я.

- Отлично! - поддержал меня Лесков, и добавил, - это у тебя самое лучшее, что я слышал за последнее время.

- Я так же думаю, - подхватила Елова, - чувствую в своей душе стремительный взлёт вдохновения. И только теперь начинаю ощущать в себе настоящую поэтессу. Ребята, мне от радости сегодня летать хочется! - воскликнула Ксандра и неожиданно закружила по комнате, прижав общую тетрадку к своей груди.

- Мальчики! Я очень рада, что вы пришли меня проводить. Вчера, когда разругалась с мужем, мне хотелось умереть, а сегодня я хочу жить долго и счастливо! Жить и сочинять стихи. Мальчики, если бы вы знали, как звучит во мне сейчас музыка высокой поэзии. Всё это я хочу выплеснуть на бумагу и донести это чудо до сознания людей. Мне кажется, что Бог услышал мои молитвы и посыпает мне это удивительное чувство вдохновения. А синяк под глазом - это ерунда! Если муж думает, что этим самым он выбьет из моей головы поэтический зуд, то он глубоко ошибается. Вчера я ему так и сказала, что мой удел не посуду на кухне мыть, а заниматься творчеством. А он, как последнее ничтожество, поднял руку на женщину, я ему никогда этого не прощу. Ничего, я баба битая, крепкая, - всё равно добьюсь того, чего мне хочется. Всю жизнь я буду писать стихи, и никому не позволю изменить этого решения!

Ксандра сутилась возле газовой плиты, а я, увидев беспорядок на кухне,

передёрнул плечами. Мне почему-то стало жалко её мужа.

Выпив три чашки кофе, я заскучал в обществе молодой поэтессы. Она же всё своё внимание уделяла Лескову, считала его лучшим поэтом в городе, а это меня немного коробило, я чувствовал, себя здесь совершенно лишним, но как уйти - пока не знал. Начал придумывать причину и вскоре, стукнув себя по коленям, воскликнул:

- О, Господи! Я совсем забыл! Сегодня из деревни моя жена возвращается, я должен её на вокзале встречать! Митя! Ксандрочка! Вы извините, но мне пора бежать на вокзал.

Удерживать меня не стали и, когда я прощался уже у дверей, Елова смотрела на меня даже очень благодарно, - радовалась, что я исчезаю и оставляю её с Лесковым наедине.

...Настоящая зима в том году овладеть просторами Поволжья особо не торопилась. Ноябрь уже подходил к концу, а снега на полях почти не было. Моя новая работа на льнокомбинате мне не нравилась. Ползать по трубам и дышать мелкой ядовитой пылью было унижительно. Женщины-ткачики, которым уже было лет под сорок, частенько выговаривали мне:

- Такой молодой и по трубам лазаешь, ты чего - не можешь себе работу почище найти. Да в твои годы ещё учиться надо бы, а ты вместе с алкашами пыль глотаешь!

Эти реплики для меня были горячее оплеухи, и, не зная, что им ответить, я старался отшучиваться:

- Не волнуйтесь, дорогие женщины, я литератор и хочу написать хороший роман о рядовом рабочем, а чтобы роман получился правдивым, я должен знать, чем дышит простой рабочий.

Женщины смотрели на меня удивлёнными глазами и вскоре по всему комбинату поползли слухи, что у них на фабрике работает молодой писатель, который хочет написать роман о жизни рядовой ткачики...

А я удовлетворённый, натягивал на своё лицо респиратор и по деревянной лестнице забирался к потолку, где исчезал в люке трубы. Но вскоре на льнокомбинате произошли такие события, о которых мне до сих пор вспоминать совестно.

Вентиляцию льнокомбината обслуживала бригада из пяти человек. Троє из них были уже люди пожилого возраста и не сегодня, так завтра они готовились уходить на пенсию, и два человека молодых, это был я и ещё один парень, которого звали Владимиром. Без пяти минут пенсионеры по трубам не лазили, они страховали лестницу, выключали вентиляцию и вообще они почти ничего не делали, а всю основную работу приходилось выполнять нам, молодым. Но зато в день получки или аванса они угождали нас за свой счёт. И вот наступил день моей первой зарплаты. В тот день с самого утра мои товарищи по работе намекали мне, что первую получку полагается обмыть по всем правилам. Я понимающие кивал головой и, когда в моих руках появилась первая зарплата, пересчитав деньги, решил потратить на это дело четверть от них.

За водкой в магазин нам пришлось бежать с Владимиром, потому что пожилым мужикам лазить через высокий забор было уже тяжело. И когда я задал в магазине вопрос Владимиру, а что нам взять на закуску, он усмехнулся и ответил:

- Как чего, возьми пять сырков плавленых и всё. Ты же не банкет устраиваешь, а просто угощаешь. А деньги на закуску в таких случаях тратить - это кощунство.

Мне как виновнику торжества пришлось выпивать первому, и потому налили полный стакан.

Зажав в кулаке гранёный стакан, я внимательно посмотрел на мужиков и понял, что они специально хотят проверить меня на крепость и, совершенно забыв, что я пьяный бываю иногда очень буйным, почти залпом осушил стакан до дна. Увидев этот подвиг, мужики захлопали в ладоши, а один из них весело проговорил:

- Ну, вот это по-нашему! Владимир, банкуй дальше!

Но тут в нашу раздевалку начали заглядывать и другие слесаря. Они приходили со своим вином и, присоединяясь к нашей компании, слушали мои пьяные бравады и смеялись. Смех посторонних людей мне казался оскорбительным, и я предлагал им побороться со мной. Один из пришедших, как я потом узнал, был из «авторитетов» на комбинате, предложил мне побороться на руках.

- Поэт! - неласковым голосом воскликнул он, - давай на руках поборемся. Если повалишь мою руку, я тебе пузырь поставлю, а если нет, то пузырь с тебя!

Я посмотрел на парня, который был немного постарше меня, но ростом он не удался, и мне на первый взгляд показался совсем маленьким. Я смерил его глазами, как бы прикидывая, а на что способен этот коротышка и, не увидев в нём серьёзного соперника, тут же согласился. Мы сели на деревянные лавки по обе стороны небольшого стола и, всматриваясь, друг другу в глаза, стукнули локтями о стол, сомкнув ладони в крепком рукопожатии, по счету на раз, два, три, - начали напрягать мускулы.

Я стиснул зубы, мне хотелось заскрипеть ими, чтобы навести на соперника ужас, но парень удерживал мою руку с олимпийским спокойствием, и это бесило меня ещё больше. Я смотрел сопернику в глаза, а душа моя почему-то наливалась ненавистью к этому человеку. Мне неожиданно захотелось вырвать свою руку из его капкана и наградить его зуботычиной. Мне не хотелось проигрывать эту дузель у всех на виду.

- О! Господи! - подумал я. - И надо же так опозориться перед мужиками! Напросился на свою голову, а теперь хлопай глазами.

Собрав все силы и заскрипев-таки зубами, попытался ещё раз взять реванш, но парень, излучая из своих глаз неистовый восторг, пошёл в атаку, и я услышал его гневный возглас:

- Чего зубами скрипишь? Мы и не таких заваливали! Знай наших! Мы мелекесские, с нами такие номера не проходят!

И он без особого усилия прижал мою руку к столу. В раздевалке раздались радостные вопли. Это поражение для меня было слишком унизительным и мне не хотелось мириться с этим. Я начал предлагать ему побороться по-настоящему, но парень уклонялся от моего предложения.

- Ты сначала расплатись, - проговорил он, улыбаясь всем лицом, а там видно будет.

- А пить мы будем вдвоём? - спросил я.

- Можно и вдвоём, - ответил тот, - лично я не жадный на это дело.

Я достал из шкафа бутылку водки и, поставив на стол, скомандовал:

- Ну, тогда разливай, раз спор выиграл!

Мужики, увидев с какой поспешностью я выпил второй стакан, радостно загалдели:

- Василий, вот тебе в чём соревноваться-то надо, а третий стакан можешь одолеть?

- Могу! - твёрдо сказал я. - Наливайте!

Выпив, я начал искать на столе закуску, но сырки уже кончились, и я очень пожалел, что в магазине не купил на закуску, что-нибудь посущественнее. Не найдя закуску я вытер губы рукавом и сел на скамейку. Во рту у меня бушевал пожар, из глаз покатились непрошеные слёзы. Немного отышавшись, я почувствовал, как в моей голове началось твориться чёрт знает что! Поллитра водки, выпитые мной почти без закуски, тут же подействовали на меня. Я с удивлением смотрел на людей, и мне казалось, что они ждут, - а что же со мной произойдёт дальше? Стараясь не подавать вида, что мне плохо, громко говорил, обращаясь к своему победителю:

- Конечно, руки у тебя сильные, но если драться по-настоящему, то я уделю тебя, как шведа под Полтавой...

Очнулся я в раздевалке, за шкафом. Где-то за стеной громыхали ткацкие станки и я понял, что нахожусь ещё на работе. В раздевалке никого не было, я начал усиленно вспоминать, что со мной произошло, и первое, что я вспомнил, это то, что я сегодня получил первую получку. Я машинально вывернул карман, куда положил деньги, но денег в кармане не обнаружил. И тут я вспомнил, как начали обмывать мою получку, и перетяжки на руках, и как я намеревался потом побить своего победителя, и мне почему-то показалось, что это он вытащил у меня из кармана деньги. Осенённый этой мыслью я выбежал из раздевалки и направился в комнату электриков. Когда я ворвался в помещение электриков, мужики сидели за столом и играли в домино.

- Козлы! - закричал я, обращаясь ко всем сразу. - Вы зачем поступаете по-скотски? Зачем вы у меня деньги из кармана вытащили?

Мужики уставились на меня, как на инопланетянина.

- Ну, ты, землячок, - грозно предупредил мой победитель, - базар-то надо подбирать, а то можешь и по тыкве получить. Деньги у тебя никто не вытаскивал, ты их сам своему бригадиру на хранение отдал, ты чего, не помнишь?

- Нет, деньги я никому не отдавал, - возразил я, - это вы у меня, их вытащили!

Закричал и бросился на своего победителя с кулаками.

Конечно, если бы я был трезв, всего этого не произошло бы, но, одурев от вина, я совершенно не соображал, что предпринимаю. И мужики, естественно, сбив меня с ног, повалили на холодный пол и несколько минут колотили по моему телу ногами. А потом, схватив меня за шиворот, выкинули в коридор. Сообразив, что я с ними не справлюсь, и, задыхаясь от негодования, я помчался в комнату мастера, выкрикивая на ходу угрозы:

- Ну, погодите, твари поганые! Я сейчас вызову милицию, и вы у меня попляшите!

Ворвавшись к начальнику смены в кабинет, я схватил телефонную трубку

и начал поспешно набирать «02».

- Коробков! Что случилось? - испуганно спросил начальник смены.

- У вас на работе людей избивают, а вы по кабинетам сидите и чай распиваете! - прокричал я.

- Кого избивают и где?

- Меня только что ваши электрики ногами колотили, что я им футбольный мячик что ли?

- А куда ты звонить собрался?

- В милицию, куда же ещё! Я им этого не прощу, они будут знать, как людей на рабочем месте сапогами отдельывать.

Начальник смены отключил телефон и взволновано залепетал:

- А зачем же милицию вызывать? Мы и без милиции сейчас разберёмся!

Ты что, с ума сошёл, разве можно милицию на производство вызывать, начальство нас за это по головке не погладят и всю смену премиальных лишат.

- А мне наплевать на ваши премии, меня сапогами избили, и, может быть, все почки мне отбили, а я должен молчать и в две дырочки сопеть. Отойди!

Я оттолкнул начальника от телефона, да так сильно, что он, споткнувшись об лавку, грохнулся на пол:

- Будешь мешать мне звонить, могут и к уголовной ответственности привлечь, - пригрозил я, снова набирая номер милиции.

- Алло, дежурный по отделению милиции капитан Ершов, слушает! - услышал я в трубке голос милиционера.

- Товарищ Ершов, у нас на лынокомбинате людей избивают. Сегодня у нас день получки, и почти все мужики пьяные. Приезжайте скорее, а то могут быть и жертвы.

- А кто говорит?

- Начальник смены, Григорьев.

- Хорошо, сейчас вышлем наряд милиции.

Ощущая в душе прилив необычной радости, я побежал к электрикам, чтобы доложить им, что сейчас приедет милиция, которая, и начнёт им мозги вправлять. Я забежал к ним в комнату и, чтобы наверняка подвести их под монастырь, начал блефовать, чтобы они ещё меня поколотили:

- Ну, всё! Блатата вшивая! - закричал я. - Семеро одного не боимся, а вот сейчас милиция прикатит и я посмотрю, как вы перед ними блатовать станете!

Но вслед за мной в комнату электриков забежал мастер смены и закричал:

- Ребята! Исчезайте с глаз долой, этот пьяный урод милицию вызвал.

Обзываю меня нехорошими словами и, пообещав разобраться со мной, электрики выскочили из комнаты, а я сел за стол и стал ждать, когда появится наряд милиции. Голова моя была в нескольких местах разбита, немного тошило, я положил руки на стол, а голову на руки и закрыл глаза, мне стало намного легче, я незаметно уснул.

Разбудил меня сержант, перепоясанный широким ремнём с кобурой.

- Ваша фамилия? - спросил он.

- Коробков.

- Это вы звонили в милицию?

- Да.

- Следуйте за мной!

- А куда?

- В отделение....

- А вы меня разве одного хотите увезти? А где остальные? Я же потерпевший, меня избили и меня же забирают! Где же справедливость?

- Садитесь в машину!

Дежурный офицер около часа допрашивал меня и пытался узнать, кто меня избил, но я ссыпался на то, что был без сознания и временно потерял память. В конце концов он меня отпустил, но велел прийти на следующий день к десяти часам утра.

Выйдя из отделения милиции, я не знал, что делать. Возвращаться на работу - это значит, опять под «молотки» попаду, а домой шагать - вдруг братва надумает разобраться со мной по всем правилам. Где я живу, мужики знают. Может быть, приду я сейчас домой, а возле крыльца меня уже ждут...

Да и милиция всю душу наизнанку вывернет, и на работе житья не дадут. Потому, опасаясь дальнейшего наказания, я решил отправиться к тёще в деревню.

Глава двенадцатая

Деревня, в которой проживала моя тёща, находилась в двенадцати километрах от города, и ночью попутного транспорта ждать было бесполезно, поэтому я пошёл пешком по шпалам. Железная дорога проходила через лес, и если шагать по шпалам, расстояние сокращалось километра на четыре. Шагать по шпалам было не совсем удобно и мне приходилось прыгать через одну шпалу. Каждый мой шаг отзывался в моей разбитой голове гулкими ударами. Мне иногда казалось, что кто-то специально ударяет деревянным молотом по моей голове.

«Нето с похмелья голова у меня гудит, не то настучали по ней от души», - думал я, стараясь ступать на шпалы как можно мягче.

Но, по всей видимости, было и то и другое. А после своих чудачеств на работе оставаться в городе было смерти подобно. Я знал, что мужики на льнокомбинате не простят мне мои выкрутасы. И деньги я, по всей видимости, потерял, пока кувыркался в раздевалке. Бригадир так и сказал мне, что сначала я действительно отдал ему деньги на сохранность, а потом забрал и убежал якобы в магазин за вином. Но я этого уже не помнил и, шагая по шпалам среди ночи, в заснеженном лесу, старался припомнить все последние события, произошедшие со мной. Но лошадиная доза выпитой водки так одурманила мои мозги, что я некоторые фрагменты своего поведения вспомнить совершенно не мог. Но, прекрасно зная свой пьяный характер, я был уверен, что во всём виноват только я, и от этого на душе у меня было совсем муторно.

- Господи! - кричал я на весь лес, - ну, ты же знаешь мой пьяный характер! Зачем ты в очередной раз позволил мне напиться до такой степени? Как я теперь буду людям в глаза-то смотреть? Стыд-то какой!

Над зимним лесом висела молчаливая луна, в тёмном небе мерцали далёкие звёзды. Тишина вокруг меня была неистовая. Где-то впереди меня стучал своими многочисленными колёсами железнодорожный состав, а я бежал по шпалам вприпрыжку, ежась от холода и мечтая скорее добраться до тёщиной

избы, чтобы спрятаться в ней от милиции, от мужиков, от своего стыда и позора. Я ещё не придумал, что сказать жене и тёще в связи со своим ночным визитом, но в том, что я для них сочиню очень ужасную историю, не сомневался и, прыгая по шпалам, прокручивал в своей разбитой голове разные варианты.

В маленькое окошко тёщины избушки я постучался далеко за полночь.

— Кто там? — услышал я испуганный голос своей жены.

— Рая это я, откройте!

Узнав меня скорее по голосу, чем по силуэту, супруга громко начала разговаривать со своей мамой, в избушке вспыхнул свет, дверь терраски распахнулась, и заспанный голос моей тёщи пригласил меня в избу:

— Ты пошто так поздно шляешься? Все нормальные люди давно спят!

Но, увидев меня при свете тусклой лампочки, которая зажглась в сенях, она испугано ахнула и запричитала:

— О! Господи! Что с тобой случилось? Кто твою голову до крови расколотил?

— Не знаю, — ответил я, заходя в натопленную избу.

Вид у меня был, конечно, ужасный, и это я понял по реакции своей жены, которая, увидев меня, заголосила громче своей матери:

— Василий! Что случилось? Почему ты весь в крови?

Я глянул в зеркало и увидел на правой щеке засохшую кровь. Кровь была и на куртке, и на рубашке, и, волосы, засохшие в крови, торчали дыбом.

— Тёплая вода есть? — спросил я, не зная, с чего начинать свой рассказ.

— Может, скорый помочь надо звать? — залепетала испуганная тёща.

— Не надо! Если бы мне было совсем плохо, я и в городе обратился бы в больницу.

— А на чём ты приехал? — снова спросила тёща.

— На своих двоих, по шпалам пешком.

— О! Господи! — опять воскликнула тёща. — В такую ночь, в такой мороз, да ещё лесом и с разбитой головой! Ты сумасшедший.

— Василий, что случилось? — помогая мне раздеваться, всполошилась жена.

— Что, что! — огрызнулся я. — Шел со второй смены, сегодня нам получку на работе выдавали, а возле самого дома меня встретили трое неизвестных, и вот результат — голова вся в крови и денег нет.

— А в милицию не ходил? — спросила тёща.

— А что милиция! — огрызнулся я. — Меня предупредили, если я буду жаловаться, то вообще зарежут, ибо они знают, где я живу.

— А-а-а! Вай, вай! — заголосила тёща. — В городе одни жулики, да бандиты живут! Сколько я вам говорила, в городе плохо жить, переезжайте в деревню. В деревне бандитов нет и деньги у людей не отбирают. Хорошо, что ещё до смерти не убили! У меня в печке ведро с водой стоит, моя, как чуяла, воду согреть. Сейчас я достану воду, и мы тебя умывать будем и голову твою бинтовать.

Тёща моя по национальности была чувашкой, по-русски говорила плохо, с акцентом, и это меня иногда смешило до слёз, но сегодня мне было не до

смеха. Вымыв голову, я позволил тёще перебинтовать ее марлей и, выпив свежей сметаны, завалился спать к жене подбочок. Засыпая в тёплой постели, я мысленно ругал себя: и чего я в городе мотаюсь, когда и в деревне жить можно. А не перебраться ли мне в деревню, пока в городе я не нашёл на свою голову крутых приключений. С этими мыслями я обнял жену и, ощущая её горячее тело, начал шептать ей на ушко что-то о возвышенной любви и, потихоньку насладившись этой сладкой любовью, я уснул сном праведника.

...Утром, когда я проснулся и открыл глаза, жена и тёща уже не спали. В дальнем углу избы в печи потрескивали дрова, на столе стоял небольшой чугунок, из которого шёл белый пар. Я втянул в себя воздух и почувствовал вкусный запах. Жена стояла возле стола и заваривала чай.

— Это чем у вас так вкусно пахнет, — спросил я.

— О-о-о! Наконец-то ты проснулся! — воскликнула Рая. — Ну, ты и спать! Время уже девять часов, а ты всё ещё в постели находишься. Давай вставай, умывайся и за стол садись, у нас сегодня пюре с гусиной.

Я стал подниматься с постели и тут же почувствовал боль во всём теле, у меня болели и бока, и грудь. Правая кисть руки была опухшей, левая нога прихрамывала. В это время с улицы с подойником в руках вошла тёща и, увидев меня, воскликнула:

— О! Боже мой! Совсем как раненый солдат с фронта вернулся. Ты погляди в зеркало, на кого похож-то. Вот так вот в чужом городе по ночам-то прогуливаться, убьют и фамилию не спросят.

Я подошёл к умывальнику, заглянул в зеркало и обомлел. Голова моя была перебинтована марлей, под левым глазом красовался фиолетовый синяк, правая щека была оцарапана, а глаза наполнены непонятной мутью. Я осторожно промыл глаза водой, ополоснул щёки, подбородок и снова посмотрел в зеркало, но водные процедуры ничего на моём лице не изменили.

— Свежее парное молоко будешь пить? — спросила меня Зоя Степановна, процеживая молоко через марлю.

— А настоечка у тебя есть? — поинтересовался я.

— А что? — переспросила она.

— Да у меня голова болит, я вчера немного выпил, вот меня, наверное, поэтому подкараулили возле дома и деньги забрали, и поколотили за милую душу, — не зная, что говорить сорвал я.

Тёща с явным сожалением посмотрела на меня и, покопавшись в чулане за печкой, вытащила небольшой графин с самодельным вином, поставила его на стол.

Выпив немного вина и позавтракав, я снова улёгся на постель. Я лежал на мягкой перине и на пуховой подушке и, молча взглядываясь в замороженные окна, начал думать о своей жизни. «Ну надо же, — стал я мысленно разговаривать сам с собой, — и зачем я из Москвы уехал? Романтики мне захотелось!»

Я начал вспоминать Подмосковье, своих друзей детства. У себя в Виноградове я слыл большим авторитетом и там вряд ли кто осмелился бы поколотить меня, а здесь я человек чужой, пришлый, и при первом же конфликте мне накостыляли за милую душу. Я прекрасно понимал, что теперь на льнокомбинате мне жить не будет. Надо же так впросак попасть! Мне стало стыдно

думать о последствиях, как теперь мужикам в глаза-то смотреть. Да ещё эту милицию я за каким-то чёртом вызвал. И жена уже на шестом месяце беременная, а я опять по сути дела без работы остался - вот как обо всём этом жене рассказать? У меня на глаза навернулись слёзы, и, чтобы скрыть их, я отвернулся лицом к стене, закрыл глаза и начал дремать.

Убрав со стола, жена и тёща занялись домашней работой о чём-то разговаривали на своём языке. Я прислушивался к незнакомой речи и думал, как теперь объяснить им, что мне в городе житья не будет, и временно надо устраиваться в деревне. Но в деревне по своей профессии работу не найдёшь, а в колхозе нужны только скотники да разнорабочие. И с этими тяжёлыми мыслями, которые не давали мне покоя, я незаметно уснул.

...Выходные дни пролетели мгновенно, в субботу и в воскресение я почти не вставал с постели и мне, как раненому, старались всё подавать в постель. Эта забота о больном человеке нравилась. За мной ещё никто так не ухаживал. И кашу в постель подают, и чай. В понедельник утром у меня были пополнования отправиться в город, но тёща залопотала на ломанном русском языке:

— Да куда ты такой размалёванный поедешь? На тебе и лица-то не видать. Что люди в городе подумают, а твои начальники всё равно тебя в больница направлять станут. Так что лежи спокойно и отлёживайся, а выздоровишь, у нас в медпункте справку у Надежды Петровне возьмём. А в таком виде в город ехать - только позорить себя.

Я заглянул в зеркало, увидел свою покарябанную физиономию и, недолго думая, согласился с ней, проворно забрался обратно в постель. Дня через два я начал чувствовать себя гораздо лучше. Боль в боках уже сильно меня не беспокоила, я лежал на мягкой пуховой перине, и жизнь в эти дни мне казалась совершенным раем. На работу в эти морозные дни бежать не надо было. Обед мне подавали в постель и только по нужде приходилось выходить из тёплой избы. Я каждый день разглядывал свою физиономию в зеркале, молил Бога, чтобы болячки на лице оставались бы как можно дольше. От чего делать я читал книги, пробовал писать стихи, но со стихами дело обстояло гораздо сложнее. Посторонние мысли, которые всё время будоражили моё сознание, мешали настроиться на лирический лад. Я думал о том, как мне жить дальше и куда устраиваться на работу. Не будешь же всё время сидеть на шее у тёщи, так глаза от стыда могут лопнуть. А тут тёща сама начала утваривать остаться в деревне.

— Чего твоя душа в городе одна будет мотаться? Живи у меня. Твоя жена скоро рожать будет, а с маленьким ребёнком в деревне ей будет легче, а ты на ферму пойдёшь работать.

— А кем на ферму устроиться-то можно? —поинтересовался я.

— Как кем? Скотником!

— Это навоз из под коров убирать?

— И навоз чистить, и коров кормить, — весело лопотала тёща. — А чего, у нас все мужики скотниками работают и деньги хорошие зарабатывают, и лошадь у скотника постоянно в руках. Чего надо домой привезти, всегда, пожалуйста. А весной шабашки полно, огороды пахать, картошку сажать. Скотники в деревне живут припеваючи.

— Мама! — начинала возражать ей Рая. — Да чего ты чепуху-то мелешь? Работа скотником тяжёлая, а он человек сугубо городской, он не потянет этот воз. А людей в деревне смешить - со стыда горишь! Ну какой он скотник, посмотря на него, разве он согласится в такие годы в навозе ковыряться.

— А чего! — весело восклицаю я. — Правильно тёща глаголет. Чего нам врозь-то жить. Ты в деревне, а я в городе - лично я в этом не вижу ничего хорошего. А у нас в Союзе все профессии в почёте. Лично я согласен.

— Вот и хорошо! — обрадовано восклицает Зоя Степановна и, загадочно улыбаясь, ставит на стол графинчик с домашним вином.

— Ну, смотрите, как знаете! — недовольно ворчит моя жен. — Лично я особо не возражаю, но только я скажу тебе: в деревне жить - ой, как тяжело и физически, и морально. И я не уверена, что ты сможешь вынести все невзгоды деревенской жизни. Лично я всю жизнь мечтала жить в городе, но раз так складываются обстоятельства, давайте попробуем свою жизнь и в деревне благоустроить.

— Вот и хорошо! — воскликнул я. — Попытка - не пытка, а если ничего не получится, обратно в город лыжи навострим.

На этом и порешили. Я был рад, что в ближайшее время мне не придётся ехать в город и хлопать глазами перед мужиками. И в милиции про меня, может быть, позабудут, а там видно будет. Я лежал на перине, рассматривал деревянный потолок и старался представить себе свою новую профессию скотника. И время от времени расспрашивал тёщу о колхозной ферме.

— Зимой скотникам на ферме хорошо, — говорила она.

— Это почему же?

— Зимой скотники работают через день. День работают, день отдыхают.

— Это интересно! — радостно восклицаю я. — А почему так?

— Зимой скотину в лес на пастище не выгоняют, вот мужики и работают по очереди.

— Значит, на один скотный двор - четыре мужика?

— Правильно! — отвечает тёща. — Двое работают, двое отдыхают, а потом наоборот.

— А заработки какие?

— Сто рублей всё время мужики в карман кладут.

— Но сто рублей - это мало!

— Для города это мало, а для деревни это деньги хорошие, в деревне больше ста рублей только начальники получают, да и то не все.

Лёжа на перине, я начинал мечтать о сельской жизни, а зимние дни короткие - не успеешь рассвет встретить, а за окнами уже вечернеет. Через неделю мои синяки и царапины на лице исчезли, и мы с тёщей направились на ферму узнавать на счёт работы. Заведующий фермой Мажанов Николай был дальний родственник Зои Степановны и, выслушав нас по поводу работы, почесав лоб, потом загривок, задумчиво проговорил:

— Зоя Степановна, в данное время у меня на ферме свободных мест нет, а вот в марте механизаторы уйдут от меня, вот тогда добро пожаловать, а пока все места заняты. Подождите три месяца, а потом - с распёртыми руками.

Тёща немного огорчилась, а я обрадовался. Всю зиму просидеть возле печки на тёщинах харчах меня устраивало.

— Ну, хорошо, — сказала мне тёща, когда мы возвращались домой. — Три месяца быстро пролетят, я разрешаю тебе три месяца лодыря гонять, но с одним условием.

— С каким?

— Будешь мне по дому помогать. Будешь помогать?

— А чего делать-то надо?

— О-о-о! В деревне дел всегда много. Корове сена будешь давать, навоз убирать. Потом надо будет дрова пилить. Осенью я дрова привезла, а пилить некогда было.

— Ну, это не проблемы! — воскликнул я. — Дрова мы мигом распилим.

— Вот и хорошо, — закончила разговор Зоя Степановна.

А через несколько дней мне уже пришлось откапывать из снега не очень толстые брёвна, поднимать их на козлы, впервые в жизни пилить дрова вручную.

В первый день мы распилили с ней несколько брёвен, но этого было уже достаточно, чтобы тёща отругала меня за милую душу:

— Ах! Мужик-лентяй! Распилил три бревна и устал. Я женщина, мне уже пятьдесят лет, и то не устала, а ну давай ещё одно бревно пилить!

Мы кладём на козлы ещё одно бревно и без всякого настроения я начинаю дёргать пилу на себя.

— Ты зачем так резко пилу дёргаешь?! — возмущаясь кричит Зоя Степановна. — Пилу надо медленно тянуть, плавно, тогда она и пилить будет. И прямее, прямее полотно держи, тогда она и звенеть, как положено, станет. А то ты не пилиши бревно, а кромсаешь, а так нельзя работать: и пилу сломаешь, и руки с тобой все оборвёшь от такого дёрганья.

Я стараюсь выполнять все требования тёщи, но с первого раза у меня, естественно, ничего не получается.

— Тяни! Тяни пилу-то! — весело кричит тёща. — Пельмени кушать хорошо умеешь, а дрова пилить спина болит, да-а-а?

А вечером, после рюмки домашнего вина, и пельмени мне показались в два раза вкуснее. Вот что значит физический труд на свежем воздухе!

...Недели две я наслаждался тишиной и покоем деревенской жизни. Когда я приезжал в деревню только на выходные дни, мне всё время казалось, что в деревне ведут только праздный образ жизни. Как правило, на выходные дни из города приезжает молодёжь, и по всей деревне начинается гулянье. Родственники ходят друг к другу в гости и каждый хозяин пытается так угостить, чтобы они потом всю жизнь вспоминали об этом. А в воскресенье вечером молодёжь уезжает в город, в деревне становится скучно и однообразно. Первое время я особо не замечал этого однообразия, мне нравилось, что улицы деревни почти безлюдные. Сидишь у окна, смотришь на улицу - и такое блаженство на душе. А если соседка неожиданно выйдет с ведром и направится к колонке за водой, так это целое событие.

— Смотрите, Нинка Минюк за водой пошла! — восклицает тёща и начинает пристально наблюдать за своей соседкой.

Тёща сидит за столом и лузгает тыквенные семечки. Я выглядываю в окно и вижу молодую женщину, которая с ведром направляется к колонке. Женщина одета в поношенную телогрейку, на голове у неё пуховый платок, а на ногах

белые валенки.

— А что это за персонаж? — не скрывая иронии, спрашиваю я у тёщи.

— Это не персонаж, — серьёзно заявляет мне Зоя Степановна, — это Нинка Минюк.

— А чем же она у вас знаменитая?

— Как чем? Мужиков разных любит. А мужики, дураки, зальют глаза и бегут к ней наперегонки, кто быстрее.

— Значит хорошая девка! — восклицаю я и пристальное взглядаюсь в её фигуру.

— Дрянь, а не девка! — возражает тёща. — Моя душа не любит таких. Порядочная женщина должна одного мужчину любить и всё, а эта всех подряд любит. Тыфу! Глаза бы на неё не глядели.

Я смотрю в окно, на это единственное развлечение за весь сегодняшний день, и мне хочется так же, взяв ведро, бежать за водой, чтобы поближе разглядеть свободно любящую женщину. А чем чёрт не шутит: может быть, мне что-нибудь перепадет от её широкой и ненасытной души.

— Может, и мне за водой сбегать? — спрашиваю я тёщу. — Вода-то в доме есть?

— Спохватился! — незлобно ворчит Зоя Степановна. — Пока ты утром спал, я уже натаскала воды-то и корову напоила, и кадка за печкой полная стоит.

— Ну, ладно, в следующий раз моя очередь воду таскать, — лукаво улыбаясь, говорю я и снова раскрываю книгу.

А мать с дочкой ещё около часа перемывают косточки своей непутёвой соседке.

Зима начала вступать в свои права: и снегу под окнами навалило, и лёгкий морозец раскрасил яблони в саду. Приближался Новый год, и тёща решила зарезать несколько гусей, отвезти их в город на базар.

— А зачем их в город чужим людям отвозить? — спросил я. — Не лучше ли их самим скушать.

— Самим-то, конечно, хорошо, — ответила Зоя Степановна, — а на Новый год без денег сидеть плохо. Надо и вина хорошего купить, и подарки родственникам, и немножко колбаски приобрести. На новый год праздников много: и Рождество, и потом старый Новый год. Денег много надо. Так что гусей шесть надо в город на продажу везти.

— Шесть гусей это много, — пробую я возразить. — Ты разве дотащишь их, они же тяжёлые.

— А ты на што! — спрашивает тёща. — И ты со мной в город поедешь, будешь у меня вместо носильщика.

— А пива мне в городе купишь?

— Конечно, куплю.

— Тогда я согласен быть носильщиком.

И в пятницу с утра мы начали готовить гусей к продаже. Тёща дала мне топор и весело залопотала:

— Ты мужик у нас в доме единственный, тебе и головы гусям отрубать, это работа мужская, а я с Раей перья щипать буду и опаливать птицу.

Я взял в руки топор, повертел его, нерешительно вышел во двор. Отрубать

головы гусям или ещё какой-то живности мне ещё ни разу не приходилось, я с недоумением смотрел на гусей, которые мирно гоготали, разгуливая по двору. Вслед за мной вышла и тёща. Увидев мою нерешительность, она начала ворчать:

— Ну, чего твоя стоит и гусей не ловит?

— А каких ловить-то?

— Какие под руку попадут.

Я начал гоняться за самым большим гусаком. Гусь, почувствовав неладное, начал неистово махать крыльями, громко гоготать и щипеть. Испугавшись, я немножко отпрянул от него, а тёща, увидев мою растерянность, засмеялась:

— Э-э-э! А ещё мужик называется! Гуся напугался.

Она проворно схватила гусака за крылья, потом за лапы и ловко положила шипящую голову на круглое полено:

— Давай, руби скорее! — приказала.

Подавляя в себе чувство жалости, я взмахнул топором и неуверенно опустил его на красивую голову гусака. Но удар у меня получился не очень сильный, шею гуся я разрубил только наполовину. Гусак ещё неистовее замахал крыльями, задергал лапами. Тёща, с трудом удерживая его обеими руками, злобно закричала:

— Ну, чего ты стоишь, как истукан? Голову гусю отрубить не может! Ещё раз ударяй, не видишь разве, как он мучается? Изверг!

Я снова ударил топором, и голова гуся отлетела в снег.

— Вот так с первого раза надо ударять, — заворчала на меня Зоя Степановна, с трудом удерживая бьющееся в руках тело обезглавленного гуся.

— А чего он дёргается? — спросил я, почувствовав в горле удушье.

— Как чего! Жить хочет, вот и дёргается.

Минуты через две гусь трепыхаться перестал, тёща положила его на крыльце и, снова обращаясь ко мне, приказала:

— А ты чего топор в снег бросил, нам ещё пять гусей обезглавить надо. Давай я буду их ловить и держать, а ты руби да посильнее, чтобы зря не мучить птицу-то!

Тёща проворно забежала в стаю гогочущих гусей, и снова в её руках затрепетала очередная жертва.

— Давай, рот не разевай! — закричала она. — Руби аккуратнее!

Жалко мне было гусей, они мне казались такими красивыми, изящными, а я должен им головы отрубать! Я смотрел на очередного гуся, на тёщу, и слёзы на глаза наворачивались. Я и думать никогда не думал, что мне придётся в этой жизни так живодёрничать. После каждого удара топором у меня начинали дрожать руки, и ноги. Мне казалось, что я лишаю жизни благородные создания, которые смотрят на меня удивлёнными глазами и диким гоготом просят о пощаде. Но каждый раз, когда я замешкивался, слышал грозный голос своей тёщи:

— Ну, что ты опять стоишь, как столб, ещё три головы отрубить надо.

Отрубив шесть голов и бросив топор в дальний угол двора, я вошёл в дом совершенно другим человеком. Увидев на моём лице бледность, Рая испуганно воскликнула:

— Василий, что случилось? Почему ты такой бледный?

Я стоял посередине избы и не мог вымолвить даже слова - перед моими глазами трепыхались обезглавленные тушки гусей, разбрзгивая по снегу смачные капли крови.

— Что случилось? — переспросила Рая.

— Да ничего особенного, — тихо ответил я. — Просто мне впервые в жизни пришлось отрубать головы живым существам.

— О! Господи! — всплеснула руками супруга. — А я-то грешным делом подумала, что ты мою маму топором поранил, — и она весело засмеялась.

— Чего ты смеёшься, — оборвал я её. — Плакать надо, а не смеяться.

— Да мне просто смешно: мужик собирается жить в деревне, а сам боится гусю голову отрубить. А как же ты поросёнка будешь резать?

Я пожал плечами и совершенно расстроенный сел за стол. В это время в дом вошла тёща, в руках она держала по гусю и, увидев меня за столом, удивилась:

— Ты чего, сидишь? Почему гусей в дом не занёс, я одна должна всё делать, да-а-а?

— Мама, не тронь его, ему плохо, он первый раз в жизни сегодня головы гусям отрубал, видишь какой он бледный.

Тёща бросила гусей в корыто, которое стояло возле растопленной печи, и, посмотрев на меня, заулыбалась:

— Ничего, я сейчас налью ему самогоночки, он выпьет, и всё у него пройдёт. Когда я первый раз петуху голову отрубала, мне тоже страшно было, а потом ничего, привыкла. Но это хорошо, что тебе гусей жалко, значит, душа у тебя не злая, а добрая. Сейчас я гусей в дом занесу, чтобы собаки не утащили, и тебя вылечу.

Затащив оставшихся гусей в дом, тёща достала из-за печки заветный графинчик и налила мне полный стакан первача:

— На выпей! — сказала она. — Сразу на душе полегчает, — кивнув головой в сторону гусей, добавила: — это же гуси, а не люди. Чего ты так разволнился-то?

Я выпил почти полстакана, закусил солёным огурчиком и, сидя за столом, начал наблюдать, как женщины взялись за обработку гусей. Они проворно выдергивали перья, пух, и всё это хозяйство складывали в наволочку.

— Вот ещё на одну подушку пуха наберётся, — весело проговорила тёща. — Приедет свекровь к нам в гости, я ей обязательно пуховую подушку подарю. Вася-я, когда твоя мама к нам в гости пожалует?

Я пожал плечами и ничего не ответил. Но вскоре крепкая самогонка начала согревать меня изнутри, и чувство жалости у меня немного притупилось и мне стало даже смешно, что я так близко к сердцу воспринял суровую казнь домашних гусей.

На другой день, в субботу, в пять утра, навьюченный, как верблюд, я вышел из тёплой избы в сопровождении тёщи, и мы направились на железнодорожный разъезд. До разъезда, где в шесть утра останавливался пригородный поезд из трёх вагонов, было два километра. Сначала мы шли полем, с трудом угадывая узкую тропинку, а когда вошли в лес, тропа местами была переметена снегом и шагать по ней с грузом стало совсем тяжело. В каждом

гусе было килограммов по семь. Гуси были связаны по двое, а две связки висели на моих плечах, одну несла тёща. У меня от головы шёл обильный пар, я то и дело утирал со лба пот, мне казалось, что с каждым шагом гуси на моих плечах почему-то становятся тяжелее. Тёща шла впереди, а я семенил вслед за ней и ругал себя на чём свет стоит: «Не жилось мне, дураку, в городе. В деревню захотелось на свежий воздух. А здесь даже транспорта никакого нет. Без груза налегке и то устанешь до этого разъезда добираться, а здесь ещё тридцать килограммов мяса на плечах висят. Да ладно бы для себя нёс, а то для чужого дяди. Кто-то их съест за милую душу, а ты здесь потом обливайся!»

Иногда мне хотелось бросить гусей в снег и, сев под дерево, передохнуть, но тёща, иногда оглядываясь, поторапливалась меня:

— Вася-я! Ты чего отстаешь? Поторапливайся! Опоздаем на паровоз — придётся пешком шагать, а до города десять километров.

Я начинал скрипеть зубами. Поправлял на плечах ношу и пытался ускорить шаги, но тропинка была слишком узкая, мои сапоги проваливались в снег и я с трудом вытаскивал их из глубоких сугробов. На разъезд мы пришли, как говорится, тютелька в тютельку. Не успел я отдохнуть от марш-броска, как перед нами неожиданно появился небольшой тепловоз с тремя пассажирскими вагонами. Он выплыл из темноты, высвечивая перед собой чёрные шпалы. Пассажиров в этот ранний час было много. И все сразу устремились к дверям вагонов. Поезд, скрипя тормозами, ещё не совсем остановился, а люди уже карабкались в тамбур, цепляясь мёртвой хваткой за поручни. Тёща в таких штурмах была, по всей видимости, не новичок и, быстро проникнув в тамбур, громко заголосила:

— Вася-я-я! Ты чего стоишь с раскрытым ртом? Давай, гусей подавай и сам забирайся, а то поезд нас дожидаться не станет.

Я начал через головы лезущих в тамбур людей подавать тёще гусей, она их складывала возле своих ног и поторапливалась меня. Поезд не успел ещё остановиться, а уже прозвучал свисток к отправлению. Вагон и тамбур были переполнены. Передав тёще последнего гуся, я понял, что в тамбур мне не забраться, а висеть на подножке в такой мороз - продрогнешь до костей, да ненароком и свалиться можно. Не долго думая, пока поезд не набрал скорость, я заскочил на буфер, который скрежетал между вагонами, и, крепко ухватившись руками за железные балки, закричал тёще, которая выглядывала из вагона:

— Зоя Степановна! За меня не волнуйтесь! Я здесь между вагонами пристроился!

— А ты не свалишься оттуда?

— Да нет! Здесь есть за что держаться! А ты смотри, чтобы у тебя гусей не уволокли, а то в такой толкучке и не увидишь, как их умыкнут.

— Ладно-о-о! — ответила Зоя Степановна и её голова исчезла в тамбуру.

Расстояние в десять километров поезд преодолел минут за двадцать. Но этого времени вполне хватило, чтобы я продрог с головы до ног. Я пританцовывал на шатком буфере вагона, где-то внизу неистово стучали колёса, время от времени поезд притормаживал, и я видел, как из под колёс вылетали яркие искры, раздавался неприятный визг металла. Вагоны качались из

стороны в сторону, мне иногда казалось, что они сейчас выскочат из колёсных пар и кувыркнутся под откос.

— Балбес! — ругал я сам себя. — Не мог в тамбур забраться! Вот скрипи теперь зубами и дрожи от страха...

Но вскоре колёса маленького поезда прогремели по железнодорожному мосту и передо мной невдалеке засверкали огни города: «Ну, слава Богу, кажется подъезжаем» - успокоился я, переминаясь с ноги на ногу.

Городской рынок в Черемшанске не очень большой, он находится в старом городе, и от железнодорожного вокзала до него надо добираться на автобусе. Не смотря на такой ранний час, автобусы были переполнены, и нам удалось забраться только в третий. На рынке утром я был впервые и очень удивился, когда увидел много народа. Мне казалось, что в такое время городские люди ещё спят, и кроме торгащей никого не увижу, но когда мы появились там, ротозеев вдоль торговых лотков ходило уже предостаточно. Мы с трудом нашли свободное местечко под навесом и тёща, разложив гусей, радостно сообщила мне:

— Ну, слава Богу, кажется, добрались благополучно, теперь моли Бога, чтобы он нам поскорее послал покупателей.

Сначала я стоял рядом с тёщей и наблюдал, как она торгуется с людьми, которые иногда разглядывали наших гусей. Покупать не спешили, внимательно разглядывали гусей, переворачивая их с боку на бок, потом интересовались ценой и негромко переговаривались:

— Подумать надо и в других местах посмотреть, может, где и подешевле гуси имеются.

— Ходите, думайте! — тараторила, Зоя Степановна. — Всё равно дешевле, чем у меня, нигде не найдёте.

Я был удивлён её ответами - откуда она знает, какие цены у других торгаших? И, чтобы убедиться в её правоте, побрёл вдоль прилавков отыскивать людей, которые так же торгуют гусями. И действительно, другие за своих гусей просили гораздо больше. Я вернулся к тёще и спросил:

— А почему ты по заниженной цене торгуешь?

— А чтобы быстрее продать и нос не морозить. А то скоро начальники на рынке появятся, и придётся за место ещё платить.

Три гуся у нас купили почти сразу. Обрадованная успехом, Зоя Степановна накинула цену и люди, узнав почём продают гусятину, уходили прочь. Прошло около часа, мне уже надоело плясать на морозе рядом с тёщей. Я ругал себя за то, что посоветовал ей поднять цену. А небо над городом вскоре просветлело, рынок наполнился дневным светом. Я приплясывал на морозе, с любопытством разглядывал людей, толпившихся у прилавков.

Народ на рынке в утренние часы крутился самый что ни на есть разнообразный. Сельскими продуктами в основном торговали люди деревенские. Но возле мясных прилавков крутились и спекулянты, которые держали в руках кто модные джинсы, кто зимнее пальто с шикарным воротником, кто валенки предлагал, а кто-то - вязанные перчатки. Вся эта масса двигалась, шевелилась, громко разговаривала. Я стоял возле прилавка и вертел головой во все стороны. Мне, как литератору, было интересно наблюдать за людьми, которые тусуются по базарной площади в поисках чего-то необыкновенного.

Но тут я обратил внимание на мужчину лет сорока, который стоял возле тёщи и что-то резко выговаривал ей. Тёща смотрела на него испуганными глазами и была в растерянности. Не успел я подойти поближе, прислушаться к их разговору, как незнакомый мужчина взял одного гуся за шею и неторопливо направился вдоль прилавка. Я сообразил, что здесь, что-то неладное - деньги-то мужик за гуся тёще не отдал.

— Что случилось? — спросил я Зою Степановну. — Что это за мужик?

— Контролёр, — тихим голосом ответила тёща.

— А зачем он гуся-то забрал?

— Мы же за место не заплатили, вот он и забрал гуся.

— А не жирно ли ему будет за одно место гуся-то забирать?

— Он сказал, пока квитанцию я не принесу, он гуся не отдаст. И зачем я только цену прибавила, может, уже продали бы и ушли.

— Ничего! — злобно проговорил я. — Ты давай, оставшихся гусей продарай скорее, а я с этим мужиком разберусь сейчас!

И я направился вслед за мужиком, который унёс нашего гуся.

— Вася-я-я! — услышал я за своей спиной. — Ты уж не дерись с ним, а то в тюрьму упрачут, я лучше штраф заплачу.

— И без штрафа обойдёмся! — ответил я, растворяясь в толпе.

Сначала мне хотелось сразу настичь этого человека и при всех отобрать своего гуся, но, подумав, я решил проследить, а куда он его понесёт? Я шёл за контролёром почти след в след, но он не знал, что за ним шагает молодой человек, который готов в любую минуту напасть на него. Человек в белом халате время от времени подходил к торгующим и требовал квитанцию об оплате торговой точки. Не обнаружив больше нарушителей, он направился в контору, которая находилась в дальнем углу рынка. Контора располагалась в небольшой деревянной избушке, человек в белом халате, ничего не подозревая, вошёл в дом, а я следом за ним. В конторе, к моему счастью, никого не было. Незнакомец положил гуся на стол и, увидев меня в дверях, спросил:

— Что вам надо, молодой человек?

Я подошёл к столу, молчком взял гуся и, потрясая им возле физиономии контролёра, грозно спросил:

— Мужик, ты этого гуся выращивал, а? Ты зачем его у моей тёщи забрал? Тебе чего - этим гусём по морде настучать?

Мужик оторопел, он сначала не знал что ответить, но, немного опомнившись, возразил:

— А почему она за место на рынке не заплатила?

— А мы только что подошли и не успели. Я хотел идти в кассу, но увидел, как ты гуся заграбастал. Ты знаешь, что за это и по харе можешь получить?

— Вы здесь не блатуйте, — попытался урезонить меня незнакомец, - я сейчас мигом милицию вызову и там разберутся с вами, и с вашими гусями.

— А ты успеешь её вызвать-то? — спросил я.

— Успею, — спокойно ответил контролёр и взял телефонную трубку.

Его намерения взбесили меня окончательно, я вспомнил, как тащился с этими гусями по заснеженной тропинке, вспомнил, как рисковал сегодня утром, выплясывая на буфере между вагонами, а этот тип хочет вместо штрафа отобрать у нас гуся. Не долго думая, я размахнулся и стукнул замороженным

гусём по телефону. Телефонный аппарат разлетелся вдребезги.

— Ну, что, теперь по твоей глупой голове навернуть этим гусём! — закричал я, пользуясь тем, что в избушке никого нет.

Мужик побледнел, попятившись назад сел на скамейку, застыл, как заминированный.

— Если ещё раз подойдёшь к этой бабе и будешь требовать квитанцию или гуся заберёшь, я тебя зажарю в этом доме вместе с этим гусём! Ты понял меня?

Мужик кивнул головой и от страха не мог вымолвить даже слова. А я развернулся и, не выпуская гуся из правой руки, вышел на улицу, хлопнув дверью. Проходя мимо окон конторы, я заглянул внутрь. Мужик сидел на скамейке, как приkleенный и не шевелился.

— Это хорошо, — подумал я, — жути нагнали на мужика, но всё равно надо сматываться, пока он не очухался, а то и гусей отберут, и по бокам в милиции настучат, и срок могут намотать за такие эксперименты.

Когда я подошёл к тёще, она уже получала деньги за последнего гуся, а возле неё крутились ещё желающие, так что я подоспел вовремя. Сплавив последнего гуся, я зашептал тёще на ухо:

— А теперь сматываемся поскорее, а то мужик очухается и нагрянет сюда с милицией.

— А чего ты ему сделал, — испуганно спросила Зоя Степановна.

— Да ни чего особенного, настучал этим гусём ему по харе и убежал.

— О! Господи! — заверещала Зоя Степановна. — Помощник хренов! Я с тобой больше никогда на базар не поеду. С тобой со стыда сгоришь и штрафы замучаешься платить.

Собрав мешковины, в которых были завёрнутые наши гуси, она поспешила вместе со мной покинуть многолюдную площадь городского рынка.

Продолжение следует.

Римма
ДОЛОДАРЕНКО

X-956-КТ
(если, умножить на 956 КоТиных сил) –
это номер нашей машины

Загрузились заранее, накануне и, выехали около восьми утра. Поутру обочины были затянуты посеребренными сетями-паутинами, но нам не до съемки, хочется в первый день проскочить подальше. Первая ночевка на давно полюбившейся реке Сим. На галечном берегу развели костер, долго любовались рекой, полной луной. Рыбаки браконьерничали с какими-то неизвестными снастями. Наконец и они, и мы угомонились. На трассе в Башкирии как всегда продают мед, а нынче еще и прополис и пергу. По сходной, кстати, цене. Проезд по Уралу всегда – событие, особенно осенью, когда березы усыпаны золотыми листьями как денежные деревья монетами. При проезде возле Юризани, Жора прокричал в открытое окно привет земле уральской от

семьи Кузнецовых. После поворота на юг возле Челябинска пообедали. Начались степные районы.

Самый дешевый бензин в Оренбургской области по 14 рублей. Переход - Бугристое. На казахстанской стороне - обед, и мы страдаем в ожидании в клубах удушливого дыма (жгут мусор в баке). Запах как на свалке, от дыма некуда деться. Алла дала мне понюхать буддийскую палочку для воскурения (сандал). Вроде, стало легче. Здесь мы с Аллой как пассажиры не заполнили декларацию, (пограничники сказали, что пассажирам можно не заполнять), а зря - на выезде были проблемы. Проехали населенные районы и на реке Ишим ночевали возле какой-то площадки, где стояли трактора. Не очень крутой спуск к реке, мест для палаток и машин достаточно. Валера весь вечер чинил кажется резиновые чехлы на приводах своей «блондинки», включив лампочку от аккумулятора, а Жора помогал ему языком и... даже руками. Мы с Аллой готовили. Несмотря на разные вкусы, мы (надеюсь, что и Алла с Валерой тоже), не испытывали проблем с питанием. Хотя, Алла не ест мясо и рыбу, а мы с Жорой любим баарину, но боимся за свои язвы желудка. Валера же не приемлет молоко и не смешивает чаепитие с основным приемом пищи. Мы пытались так: варили какую-то основу, типа картошки или каши. Алла сооружала умопомрачительный салат из овощей. В свою миску откладывала четверть из котелка, а мы добавляли тушенки, и всем было хорошо. Надо всем нам отдать должное - мы даже не пытались перевоспитывать друг друга и милостиво позволяли своему ближнему сходить с ума по-своему, каждый в своей тарелке.

В Федоровке поменяли деньги, купили прекрасного хлеба и настоящего коровьего масла, какого в России давно уж нет. В Кустанае продукты дешевле в разы, при несравненно высоком качестве молочных продуктов и хлеба. Очень дешевы (тоже в разы) китайские товары. Бензин дешевле на два рубля. Дороги прекрасные. Даже если объезды утомляют, все равно видно, что в дороги вкладывают большие деньги, а не складывают, как в России, все нефти-доллары в коробку из под ксерокса.

Проезд по Кустанай очень простой. После Кустаная надо было сворачивать направо, а мы свернули на Симеозерск, не на основную дорогу, а вновь строящуюся. Зато - нет полиции. Зато - степь и мы! Поселок, возле которого находится большой массив соснового леса, - Черниговка. По новой дороге (с объездами) мы ехали до Астаны два дня. Ночевали опять же на реке Ишим, но в ее верховьях, на какой-то стоянке фур возле поселка. Развал везде, конечно, как в России. Но поражают огромные по размерам поля, на которых множество комбайнов убирают урожай. Неужели у нас так было? Сейчас у нас на полях одни сорняки и чертополохи...

Мы выучили несколько волшебных слов по-казахски и киргизски, и это очень помогало нам найти общий язык и расположение собеседников. Конечно, в Казахстане и Киргизии все говорят пока сносно по-русски.

Новочеркасское - село с белыми хатками. Въезд в Астану в виде ворот или двух стел, которые сияют и переливаются всеми цветами, где основной цвет - золотой. Не доезжая Астаны, мы свернули на «Назарбаевку». Прекрасная европейского качества трасса. Как зеркало, вся размеченная, с освещением. Люди на «великах», в полном «прикиде» гоняют здесь. Тут же стадо переходит

автостраду... Правда, вскоре асфальт превратился в объезд: ДОРОЖНЫЕ РАБОЧИЕ ВЫРЕЗАЮТ ХВОРОСТ В ПОСАДКАХ (В ПЫШНЫХ ПОСАДКАХ!)...

На одном из переездов - слова Назарбаева: «Мы выбрали правильный путь». Вообще его умных изречений много везде понаписано. Но все поля засеяны кругом. Комбайны целыми стадами работают на огромных территориях.

Дорога иногда с одной, иногда с двух сторон огорожена бетонной решеткой. Сосенки привозят прямо в мешочках полизиленовых, готовые к посадке. Норталды - небольшой ручеек. Днем +30, а в машине ночью стекло покрылось узором льда. Вдали горы хребет за хребтом, по обочинам дерис. Встречаются скульптуры барсов, орлов и козерогов. Высохшие озера с абсолютно плоским дном. Кругом них - солянки. Вся трасса в 1300 км размечена, причем пластиком. На переднем плане есть еще цветность – оранжевые, зеленоватые тона, все вдали коричнево-фиолетовое – слабые оттенки акварели. Средний план цвета старой офицерской шинели, плюс все оттенки желтоватой пожухшей травы, зеленоватой соломы. Сверху холмов, очень реденько – останцы, скалы. Красновато коричневые, блеклые. На подъезде к Балхашу, километров за 50, казахстанский мелкосопочник. Среди голой степи вдруг выпрет из недр земли гору или гряду холмов или даже хребет. Причем разной окраски, - то розовые горки, то зеленоватые, то охристые, а то, - покрытые пустынным загаром черные гряды скал. Остановились как-то в этой местности и попали в удивительный мир. Вместо земли – сплошная скала. Потоки воды и камушки, увлекаемые дождовыми потоками, за тысячелетия выработали на этом плато подобие русел и эвразионных ванн. Там, где мелкие камешки и песок задержались, укоренились и выросли, - удивительные, невиданные нами раньше никогда растения. Многие напоминали бонсай. Низенькие, с изогнутым в фантастической жажде жизни стволом, и - хохолком щедущих листочек. Много цветущих растений. Удивительно яркая, распластанная по камням полынь, пушистая с терпким запахом. Здесь многие растения источают яркие запахи, и в воздухе разлилась нежнейшая смесь неведомых ароматов незнакомого мира. Мы решаем, что уж на обратном то пути заночуем именно здесь. Наивные... Нам не позволит время...

Несмотря на обилие импортной техники, – бедность страшная (но не страшнее нашей). Особенно нищета свирепствует на берегах Балхаша. В Прибалхашье на самой последней большой стоянке при выезде из города Балхаш Алла и Валера решили поменять деньги, а мы с Жорой поесть наконец барабанины из казахской кухни. Алла с содроганием смотрела на то, как мы поедаем «труп» барабана, (так приверженцы вегетарианства буддийского толка называют все мясо вообще, возможно, потому, что с этими мыслями от него легче отказаться) и вскоре совсем ушла. Валера барабаниной не соблазнился, а мы с лепешками и чаем умяли по тарелке свежего жирного и вкусного мяса с луком, и сутки были сыты. Это называлось «каурдак» - тушеное мясо барабана. Только мы тронулись, как нас подрезала «девяносто девятая» и остановилась, препрятавшая нам дорогу. Я опустила стекло и спросила у холеных, молодых, упитанных казахов: «Что бы Вы хотели?» с самой обворожительной улыбкой.

Они спросили в ответ: «Русские в белой «девятке» с Вами?».

- Да! - ответила я.

Они включили скорость и укатили. Видимо, поскольку я была повязана платком на мусульманский манер, а в небритом Жоре европейские черты не проглядывались, парни, пробивающиеся рэкетом на трассе, приняли нас с мужем за азиатов и решили своих не трогать. Нам сразу как-то расхотелось ночевать на Балхаше, мы уехали в степь и, не включая фар, устроились на ночлег. Перед тем как свернуть в степь, долго приглядывались: а не едет ли за нами кто-нибудь подозрительный. Луна светила как фонарь, Валера потерял навигатор и, конечно, страшно расстроился, и мы с ним тоже. Но Жора решил, что надо пройти с фонариком поискать и, - вот счастье, прибор найден! Утром выехали на трассу, подъехали к Балхашу, где приготовили завтрак возле озера. Берег достаточно загажен, но место красивое. Алла с Валерой купались, а мы осторожные только помыли голову и постирались. Сушили белье на моторе в авоське уже на ходу. На дороге повстречали колонну вояк с ракетами. Вдали маячит какой-то город без названия, дороги к нему закрыты. Около дороги, особенно возле Балхаша, установлены на постаментах изувеченные машины с надписями: «Водитель, задумайся!». Впечатляет... Цвет обочин - оранжевый, потусклее кирпичного. Вдоль озера продают сушеную рыбу. Пустыня здесь бесподобна. Соленые озерца, пыль, проплешины солончаков, холмистая местность. Бирюза Балхаша, то и дело появляющегося перед нашим восхищенным взором. Сары-Шаган – это тоже Балхаш. От Мирного – дорога в степь, в направлении золоторудного комбината, там держат верблюдов. Балхаш прибывает. Цвет моря – Айвазян. Усть-Балык – есть проезд под железнодорожным мостом. Балтал, - здесь можно было бы встать. Красивые обрывистые берега. Пустынный загар даже на воронах – вороны тут черные. Прямо перед нами лениво пролетел слева направо и сел на обочину дороги огромный орел. С орлами в виде скульптур явный перебор – наверное, по количеству казахов. Выходы пород бывают как черные зубы. Кусты тамариска цветут розовым. На обочинах дороги солянки и всякие колючки всяких цветов. Несмотря на осень, много цветущих растений. В долине у реки

Чу - зелень 50 метров в одну сторону от реки, 50 - в другую, и все – дальше пустыня, вдали розовые горы.

К вечеру подъехали к границе. Вот тут то и выяснилось, что совсем напрасно пассажирки не заполнили таможенную декларацию. На въезде нам сказали, что это не обязательно, и мы решили, что здесь, как на Украине, - оформляешь только транспорт. Жора извлек журнал «МОТО» и разъяснил пограничникам, что мы корреспонденты и нас пропустили. Второму экипажу пришлось заплатить денежку. Вообще Валеру с Аллой почему то принимали то за американцев, то за немцев и начинали всячески вынуждать заплатить за «то» или «это»..

Едем уже по берегу Иссыккуля. И вдруг видим - ущелье красноцветов. Мы сворачиваем на прилегающую грунтовку, чтобы полюбоваться и поснимать. Смотрим, - Валера за нами не последовал. Ну, думаем, дорога «не очень», - Валера бережет свою «блондинку»...

Обратно из ущелья выезжаем, - видим Валеру и Аллу в окружении киргизов-подростков. Жора остановился, мы вышли. Я, как всегда, в платке. Жора поздоровался за руку и начал с ребятами разговор о красотах этого края. Не удержался от менторской нотки: мол, ребята, учите английский – пригодится, мол, язык всех народов нынче, а у вас тут кто только не путешествует... Проняло...

Попрощались и дальше поехали. После оказалось, что ребята остановили Валеру под предлогом, что здесь экологически чистая зона и надо бы за проезд по заповедным местам немного раскошелиться. Валера воспротивился вымогательству, и мы тут как раз с Жорой подкатили... Вопрос: стоит ли об этом распространяться и создавать о целом народе мнение, рождающееся благодаря подобным ситуациям, еще на берегах Иссыккуля в нашей небольшой группе был предметом споров. Но, во-первых, мы должны сказать, что видели, как трудно живет большинство киргизов, как много они держат скота, чтобы прокормиться и сколько это требует сил и времени. А разве трудолюбие не достойно уважения? В Киргизии дети удивительные, они много помогают в хозяйстве. На осликах перевозят всякие грузы, торгаюту дороги и, несмотря на это, веселые и доброжелательные. Мне понравились киргизские женщины, улычивые и очень красивые. Иногда они стоят вдоль трассы, будто стайка райских птиц в ярких платьях. Головы повязаны цветными платками, концы которых летят по ветру как крылья. Вообще я поняла, что мне азиаты нравятся, я просто любуюсь их раскосыми глазами, округлым овалом лица. Среди киргизов нет полных, среди казахов – сколько угодно, но мне это не важно – нравятся те и другие. Однако в Казахстане мы чувствовали себя спокойно, нас встречали, как гостей и не требовали за свое гостеприимство платы. Инцидент на окраине Балхаша не в счет, тем более, что в России такого «добра» на дорогах вряд ли меньше. Однако в Киргизии мы постоянно чувствовали к себе потребительское отношение. Человек, живущий мирным трудом, в поте лица зарабатывающий свой хлеб для нас, гостей Киргизии, незамечен. Хотя таких людей большинство. Но небольшая прослойка вымогателей извращает лицо целого народа, отпугивает многих туристов от посещения страны.

Во-вторых, если кто-то вслед за нами поедет в прекрасную Киргизию, дол-

жен знать о подстерегающих его опасностях и быть готовым по возможности им противостоять.

В-третьих, каждый человек имеет право иметь свое мнение, открыто высказываться, не навязывая окружающим. Никто же не осуждает Рериха за то, что он высказал свое отрицательное мнение о тибетцах, принесших его экспедиции столько проблем. Не совсем лестно он отзывался и о китайцах, а вот монголов полюбил и все тут!

Итак, с горем пополам преодолели границу с Киргизией и попали в столицу этого государства Бишкек, бывший Фрунзе. Вот тут то мы и увидели горы. Они парили над зданиями, и вначале я приняла заснеженные хребты за облака. Но Жора сказал: «Смотри – горы!». На выходе из пограничного пункта нас спросили: сколько времени мы намерены провести в стране, и отметили это в миграционной карте. Нигде больше в миграционных службах отмечаться больше не нужно. Палатку среди города решили не ставить, полицейский, в процессе долгой доброжелательной беседы, порекомендовал нам для ночевки кафе «Хан Тенгри». Там есть комнаты для гостей, где можно переночевать. Приятная и гостеприимная девушка в «Хан Тенгри» открыла ворота, мы поставили машины и прошли в отведенную для нас комнату. Стоимость двухместного номера - 150 сом. Больше свободных номеров не было. Мы с Аллой расположились на кровати, мужики на полу на спальниках. Дополнительно за 35 сом приняли душ. Кайф! Жора так вошел в роль корреспондента, что хозяин заведения решил сам побеседовать с нами за чашкой чая. Играла протяжная музыка сфер, соответствующая названию кафе. Может быть, ее поставили для нас. Сложное и противоречивое мнение создалось у нас о Курменбеке – хозяине кафе.

Умный, цепкий взгляд. Обдуманная речь, с элементами мистицизма. Занимается каратэ. Председатель общества по карате Прииссыккулья. Имеет лагерь на берегу озера или в горах, где пытается собрать ребят не только со всей Киргизии, но и из других мест, в том числе из России. Заинтересован в налаживании экологического туризма. По мере сил старается изучить историю своего народа. Уши прижаты к черепу – видно занимался и боксом. Или в единоборствах это происходит тоже. Речь и все рассуждения слишком насыщены модными философскими, межрелигиозными, этно-историческими и психологическими теориями, которые заворожили Аллу, но насторожили подозрительного Жору и показались неискренними мне. Конечно, кто не знает, что севанская форель при переносе ее в Иссыккуль стала больше, но делать на полном серьезе даже без улыбки из этого вывод, что тут замешана «высокая энергетика» и все здесь так метаморфизируется, может человек недалекий, а раз наш Курменбек явно не таков, то вывод – подтасовка фактов, пусть невинная, но... Впрочем, возможно он принял нас за важных и нужных людей и просто создавал впечатление на благо своего бизнеса. Мы ведь тоже изображали журналистов... Так или иначе спасибо, Курменбек!

Утром попили чайку-кофейку и поехали на рынок. Я пыталась купить шелк, но безуспешно. Узбекский - только на Ошском рынке, а поездка туда займет много времени, а китайский, хотя и хороший по качеству, но ужасных расцветок. Жора купил киргизскую шапку из фетра с вышитым узором и одевал ее при каждом удобном случае. В Киргизии многие носят национальный головной убор, и это еще больше делало Жору похожим на киргиза,

(правда, в Казахстане шапку, к сожалению, пришлось снять...). В Цуме, с подачи Жоры, Алла раскошелась на покупку цифрового фотоаппарата японского производства с «лейковским» объективом. В результате довольно долго, (пока на обратном пути в том же Бишкеке не сняла деньги с карты), жила в долг у Валеры и скрупулезно записывала все свои траты. Кстати, снять деньги с карты даже в Бишкеке непросто, так что лучше иметь наличные.

Наконец, к всеобщему удовольствию покинули город и поехали по населенным и интересным своим национальным колоритом местам. Все школьницы носят старую советскую форму - темный «шоколад» и белый фартук.

Здесь выращивают кукурузу и возят ее целыми самосвалами. Здесь все ездят на лошадях или хотя бы на осликах. Здесь продают восхитительную самсу! Дома везде

глинобитные изредка крытые черепицей, в основном - шифер. Памятники не разрушают. Проезд по Боому не оправдал ожиданий. Не впечатлил... Хотя и горы уже настоящие. Зато после ущелья начались горы из цветных песчаников, так называемые дурные земли. Вот это нас всех задело. Мы бегали по этим горкам туда сюда, восхищались и фотографировали. При проезде через пропускной пункт в Балыкче заплатили за «высокую энергетику» 500 сом. Это произвело впечатление, тем более, что, проехав шлагбаум, где с нас взяли этот экологический сбор мы попали почти что на свалку. Правда, памятник Семенову Тянь-Шаньскому хороший! Утомившийся путник, ведущий лошадь с баулами в поводу, несмотря на трудный путь, - не устает восхищаться увиденным...

Дальше проезжали по разрушенным перестройкой окраинам Балыкчи. Я была почти в состоянии прострации. Было впечатление, что едем по свалке. К счастью километров через несколько летающие стаи полиэтиленовых мешков исчезли, и земля появилась, и травка, а то ее не было видно под слоем бутылок. Бог мой, уж если берете экологический сбор, так хоть возле шлагбаума подметите! Ведь стыдно: с людей сомы трясете, а сами все замусорили в своей родной Киргизии, нам, гостям, столько не намусорить, да и пример какой! На стоянке, где мы снимались с осликом, бегали два рогатых жаворонка по асфальту. Обочина дорог засажена ранетками - довольно вкусными. Из облака

над горами сыплет снег. Какая то птичка прилетела и села прямо на овечку...

После мусорного Балыкчи меня все восхищает! Поворот налево от селения Кзыл-туу, и – здесь есть соленое озеро, в котором невозможно утонуть. 15 центнеров с гектара - таков урожай здешних полей, а ближе к Балыкче - до 40. Но поля маленькие, с носовой платок, не то что в Казахстане. На первом плане травка, потом ровной полосой пирамидальные тополя и предгорья как смятая газета цвета хаки и снежные горы. Много работают дети, на осликах перевозят сено, дрова и т.д. Часто прямо в забор высаживают тополя, и получается живая изгородь.

Поддерживать связь между экипажами помогали две радиостанции. Хотя радиус их действия всего три километра, на трассе этого было достаточно, а в горах, как ни странно, слышимость была в пределах 6-7км, хотя горы, казалось бы, должны перекрывать распространение радиоволн. По крайней мере, когда Валера и Алла уходили на ледник к Джетыгузской стене, я с Жорой, находясь на биваке в 7 км от них, закрытые со всех сторон хребтами, слышали их на протяжении всего пути.

На трассе торгают яблоками(10 сомов ведро), виноградом (12 сомов), арбузами, дынями и овощами. Часто торгуют совсем маленькие дети (от 8 лет). Выехали из Боома уже под вечер, понимали, что дорога закончилась. На берегу озера стояла прекрасная погода, но над горами нависли черные тучи, из которых то ли лил дождь, то ли сыпал снег. Пора принять решение по горной части маршрута. Наша цель в этой части была познакомиться с Тянь-Шанем в пределах наших физических сил, погодных условий и отпущенности судьбой времени. Поэтому и вариантов было несколько. Обсудив погодную ситуацию, решили начать маршрут в Джетыгузском ущелье. На ночевку съехали с трассы и по петляющей в зарослях эфедры и чингиря дороге, проехали к озеру. Кунгей еле просматривался сквозь дымку, зато Терской со снежниками предстал во всей красе. На галечном берегу красовались разноцветные камушки, шумел прибой из чистейшей и прозрачной воды. Прямо на берегу оранжево пылали заросли облепихи. Над нами то и дело с протяжными горянскими криками пролетали косяки гусей и садились на воду в пределах видимости. Наутро продолжили путь.

Народ убирает урожай. Сейчас копают картошку. На маленьких полях все: от мала до велика. Картофель одна из основных культур Прииссыккулья. Урожай хорошие. На трассе до Боома много полицейских, но в основном обошлось лишь проверкой документов. Валера, правда, пересек при повороте сплошную линию и заплатил очень даже много - 5 тысяч сомов. Ужас! А еще раз нас остановили и пытались утверждать, что мы пьяны. Но мы решительно воспротивились, сказали, что мы алкоголик не употребляем и вообще - журналисты. Журнал «МОТО» с нашими фото был в очередной раз продемонстрирован, и инцидент сошел на нет. По берегу озера посадки абрикоса пылают розово, ало, багряно. Уже под вечер добрались до курорта Джеты Огуз. Я пошла в разведку: узнать, - где бы оставить машины и кто бы нас забросил в горы. Решила побеседовать с работницами санатория. Облезший пол и стены, и прочие остатки прежней роскоши в советское время шикарного санатория «стонали» о развале. Пациентов им явно не хватает, только один старенький дедушка уныло бродил по двору. Женщины мне помогли во всех

вопросах. Они посоветовали обратиться к тем жителям, кто подрабатывает извозом, показали, где те живут. У них же за 20 сомов в день можно оставить машины. После долгих раздумий решили ехать на «ГАЗ-62». На других машинах можно уехать только на бкм, поскольку это всего лишь «Жигули». Познакомились с водителем «газона». Им оказался русский – Володя, он женат на киргизке и у них сын Эдик.

Решили переночевать на большой поляне за Володиным домом, а завтра часа в два дня он или его брат отвезут нас за 17км в горы. Сторговались за 600 сом. Вопрос несколько осложнялся тем, что сегодня и завтра у них праздник – свадьба. Когда парню приглянулась девушка, он ее должен украсть. В большинстве случаев это делается по взаимному согласию. Бывает, впрочем, и настоящее воровство невест, но редко. Жених повязывает на голову избранницы платок и с этого момента она его жена. Но родители невесты горюют, и чтобы утешить их и заявить о своих добрых намерениях, жених со всей родней приезжает к родителям невесты с калымом (выкупом). Родители невесты угощают гостей. Сегодня именно такой день. Через 6 месяцев родители невесты приедут в дом жениха посмотреть, как живется их дочке. Угощать будут родители жениха. После этого молодые считаются полностью самостоятельными. Разводов здесь практически не бывает. Хотя киргизы, как и русские, выпить не дураки, на этой свадьбе выпивка была очень умеренной. Бензин в Киргизии гораздо хуже, чем в Казахстане. Цена сравнима с российской. В тот день нам особенно не повезло, нам залили, наверное, ослинную мочу и мы еле въехали в горку уклоном не более 5 градусов, чтобы встать на полянке за домом Володи.

Утром свадьба продолжилась, и Жора ушел снимать расправу над бараном и готовку кушаний, а также исполнение национальных песен под аккомпанемент национального инструмента с тремя струнами, называемого комуз. Алла, я и Валера начали собирать рюкзаки в дорогу: делить общественные грузы, собирать личные вещи. Хозяйские собаки с самым невинным видом сидели поодаль, но как только мы отвлеклись от сала, самая нахальная мгновенно схватила шмоток и понеслась с ним прочь на ходу глотая его целиком. Отбирать было поздно. От расправы псину спасла Алла, резонно заметив, что сами виноваты. Мы усилили бдительность, и больше проколов не было. Наконец пришел Жора, его угостили барабанной. Хозяева принесли и нам угощение типа хвороста – это попробовали все. Жора продолжал снимать молодых. Они были красивые и счастливые – нежно обнимали друг друга. Наконец рюкзаки собраны, машины поставлены у Володи в огороде и мы, сидя в кузове, ждем, когда нас повезут. В час, как обещано, подошел Володя и сказал, что повезет нас его брат, поскольку братишку не выпивал сегодня. Дорога переходила с одного берега на другой по узким деревянным мостикам, с множеством маленьких и крупных дыр. Под нами бушевал поток, и когда водитель на свороте с моста поддавал газу было особенно страшно. Мы держались из всех сил, чтобы не вылететь из кузова. Чем роскошней становились окрестности, тем хуже дорога. Наконец после очередного, кажется третьего, моста нас высадили. Перед мостом, налево по ходу, встроен в скалу деревянный домик с почти плоской крышей. Это хороший ориентир у Телеты.

Мы счастливые, что доехали живые, попрощались с Володей, его братом и еще с одним парнем киргизом, который ехал в кабине. Вздохнули облегченно. Вот мы в горах. Надели рюкзаки и потопали вверх по ущелью. Грунтовая дорога уходит в ущелье, где течет река Телета, а к леднику Айланыш идет только тропа. Вскоре подошли к юрте пастухов. Два парня скучают и рады поболтать с нами. У них на камнях сохнут одеяла, в юрте печка. Дальше нам встретилась еще одна юрта. Здесь целое семейство, даже есть одна женщина. Начался дождь. Пора искать место для стоянки.

Наши лидеры расспорились. Победил Жора, он еще дома взял на себя эту неблагодарную роль и не собирается с ней расставаться, считая себя ответственным за поход. На мой взгляд – он прав - командир должен быть один, но без самодурства. Мы с Валерой предпочитаем не брать на себя бразды правления, если нет особых обстоятельств. Остановились мы в урочище Беллюсай. Здесь в Джетыугуз впадает левый приток Байтор, вытекающий из висячей долины. Дальше река Джетыугуз называется Айланыш. Немного впереди мощные ели спускаются прямо к реке. Два боковых хребта сужают долину. Здесь впадает правый приток Арчалы. Перейти его сложно, но на обратном пути мы нашли бревно, по которому перешли поток без труда. Дальше долина расширяется, и ели отступают на склоны. Перейти остальные притоки легко. Тропа все время идет по правому берегу. Остановились у дороги, под елью. Наша палатка полностью закрыта ветками. Приехал на коне мальчик от ближней юрты – предлагает молоко, сливки, мясо медведя и горного барана. Мы согласились на молоко и сливки, но пошел снег и мальчик привез продукты уже утром. Вскоре подошел к костру охотник с «мелкашкой». У него нет на левой руке двух пальцев, лицо изувечено - последствия неудачного выстрела. Мы пригласили его погреться и поговорить о том - о сем. Он сидел, потягивая горячий чай, положив ружье между колен. В стареньком пиджачке, кепочке - киргизский вариант Дерсу Узала. Он предсказал снег ночью. Охотник оказался отцом мальчика на коне. Дождь усилился. Ночью дождь перешел в снег. Утром все кругом бело, 15 см снега. Наша палатка стояла под елкой, засыпало только угол. Спрятать рюкзаки невозможно из-за следов на выпавшем снегу. Алла предлагала оставить палатки и идти на ледник всем вместе, но мы решительно воспротивились. Жора предложил себя на роль сторожа, но Алла решила, что погода все равно не для съемки и осталась на биваке.

Суровые горы в снегу, монохромные пейзажи. На тропе, которая постоянно терялась, снега выше щиколотки. Акации, торчат из снега, словно кактусы, усыпанные тонкими и длинными колючками. Солнце выглядывает изредка, подчеркивая клубящиеся облака над вершинами, повышая контраст темных елок и белых снегов. Не без труда переходим притоки основной реки. Камни скользкие. Встречаем почти у ледника габун лошадей. Они полудикие и, не подпуская близко, нервно прядают ушами. Лошади красивые, гладкие, отьевшиеся за лето. На морене тропа пропадает совсем и мы по скользким камням и по снегу, преодолеваем один вал морены за другим. Тяжело. Переходя речку, я набрала воды в один ботинок. Отдыхаем от одышки, любуясь на ледопад слева Джетыугузской стены. Он тянется почти от вершины и даже засыпанный снегом, проблескивает зеленоватыми сколами трещин и обрывов. Немного правее еще один небольшой ледопадик. Ледник обрывается почти

вертикальной стеной за последней крайней мореной. В леднике, внизу отвесного обрыва - грот, откуда и вытекает речка Ждетыугуз. Пока я отыхала Жора и Валера забрались на край ледника, но ходить по нему без кошек нельзя: скользко и можно свалиться в трещину, кроме того, мы обещали Алле вернуться пораньше. Вниз по знакомой дороге спустились за три с половиной часа (поднимались – пять). В конце пути (около трех часов) начался дождик. В лагере приготовленная Аллой каша, молоко и сметана. Я поражаюсь, в юрте нет никаких условий в смысле гигиены, но молоко превосходное, вкусное, жирное. Вот что значит горы!

Сметана с трудом резалась ножом. Это скорее остывшие сливки. Превосходно! Утром Алла пошла на ледник в сопровождении Валеры, а я решила остаться с Жорой в лагере. Я походила по окрестностям, а Жора решил подняться на крутую скалу напротив - поснимать лагерь сверху. Ушел и пропал на два часа. Я переволновалась. Галки кружили над скалой. Может быть, Жора разбрисал и они кружат, чтобы выклевать ему глаза? Выпила успокаивающего и стала готовить, чтобы скрасить время. Наконец, он пришел и показал мне место, где был. А я искала его взглядом совсем в другом месте... Тут к нам стали приезжать гости на лошадках. Горе-охотники. Они пытались дискредитировать нашего Дерсу Узала. Говорили, что он плохой человек - браконьер. Жора спросил на это, а есть ли у них самих охотничий билет и разрешение на оружие. Просто им завидно, что старик умеет скрадывать зверя, а они на лошадях этого не могут...

Место нашей стоянки - почти трасса. Охотники, пастухи и вообще праздношатающиеся – все проходили мимо. Одни спрашивали: нет ли у нас чего-то от головы, другие просили сухариков. Поначалу мы с удовольствием всех угождали, потом поняли, что сухари закончатся гораздо раньше нашего похода, (а после похода мы были наказаны за жадность – сухари доедаем до сих пор...). Одновременно мы были и справочным бюро. Нас спрашивали: не видели ли мы двоих ребят на одной лошади и куда они направились; не проезжал ли тут казах с породистой тазы; не заметили ли мы медведя или баранов на склонах... Скучно не было.

В другой раз, если приведется быть на Тянь-Шане, надо взять «Цитрамон», конфеты и вообще какие-то мелкие подарки, сувениры, значки.

Алла с Валерой подошли к трем часам. Дождя не было. Решили отдохнуть чуток, и идти назад, туда, где нас высадили. Выше по реке Телета - перевалы в ущельях Каракол, Айтор и Телета.

Когда подошли к первой юрте, - здесь велась заготовка дров – пилили и носили к юрте на куске брезента, вместо носилок. Охотник рассказал нам как найти выход на перевал Телета (я до сих пор сожалею, что мы не снялись с ним и даже не спросили имени). Он рассказывал с приметами мест и, только благодаря этому, мы сумели в дальнейшем определиться на местности. Расстались с взаимной симпатией. Он просил передать привет в юрту, что стоит в долине Телеты.

Второй юрты, где были молодые ребята, уже не было. Снег согнал их к озеру. У мостика через Телету отдохнули. Сюда нас довезли на машине, но мы ушли к Айланышу направо, а сейчас возьмем влево, здесь круто в гору уходит дорога. Видно, что из ущелья угоняли скот, увозили юрты и скраб.

Дорога разбита, разтоптана животными. Вообще страшно даже смотреть на эту дорогу, а уж вести нагруженный «газик», - ну просто мороз по коже! Солнце садится и хочется выйти из тесного ущелья туда, где, мы надеемся, еще стоят пастухи. С час месим грязь на дороге, подъем крутой, ча-

сто отдыхаем, одышка не дает набрать скорость. Идем высоко над рекой, слева все время обрывы. Когда почти стемнело, наконец, дорога спустилась к воде, и мы решили ночевать здесь, где нас застала темнота. Как всегда под елками. Утром обнаружили красивый мостик – это первый. После третьего налево – перевал Телета. Дорога здесь, оказывается, закончилась и дальше пошла тропа – тоже грязная, размесил ее уходящий к озеру скот. На другой стороне мостики – чистенькая тропинка, – надо было бы идти по ней, но мы пошли по той, где гнали скот. Часа через полтора вышли к месту стоянки пастухов. Юрта еще стояла, но людей уже не было. Здесь бьют из земли несколько мощных родников. Есть переправа – два бревна через реку. Интересно считать ли их мостиком?

Ущелье расступилось. Слева по ходу мощный приток. Мы не сразу поняли, что это - Аютор. Прошли немного, и Жора пошел в разведку. Алла с Валерой остались его ждать. Я же тихонько пошла вперед. Возле второго мостика, если не считать бревен, еще одна стоянка пастухов. Отсюда открывается величественный вид на отроги основного хребта, ледники. Пока Жора ходил, я грелась на солнышке, любовалась снежниками. Дальше обнаружился еще мостик, но ясности у нас в голове не было. Перешли реку и развернули карты. Я решила сходить вверх по реке, (мы еще не знали, что это – Аютор). Ущелье красивейшее. Нашла несколько цветущих желтых тюльпанов. Высокая пожухшая трава альпийского луга, не потравленного скотом. Поднялась выше, встретила Валеру. Оказывается, выше проходят тропы, и пасется скот. Встретились все вместе и решили, что это все-таки Аютор. и надо к Телеты, и дальше - к самому леднику, еще километра четыре, за последний мостик, как говорил охотник.

Аютор – единственный, мощный приток западной Телеты. После впадения сюда Аютора, через Телеты перекинут второй мостик. После мостика тропа по правому берегу Телеты идет над обрывистым берегом. Вскоре кончается еловый лес и начинается мощный арчевник. Но почти под самым ледником, возле третьего мостика есть еще небольшая группа елей – так говорил охотник – последний маленький лес. После него по ручью нужно подниматься к перевалам Телета, Димитрова, Озерный. Лучше идти по левой стороне реки. В имевшемся у нас описании Телета назван средним, кроме того, в описании нужно держаться реки. В действительности Телета - крайний из перечисленных. Все эти неточности и увеличили нас ошибочно на перевал Димитрова ...

Высотой 3800 - вместо 3600. Высоту зафиксировал Валерин прибор. Да и само направление и выход в Каракол по левому крутым берегу, (в конце концов, мы вынуждены были перейти - на правый) – все это говорило о нашей ошибке.

Подошли к последним елкам к вечеру. Встали в могучем арчевнике. На кустах синели смолистые ягоды. Здесь уже лежит снег. Красивый закат не предвещал ничего плохого. Утром по-быстрому собрались и уже в восемь вышли к плакату: «БЕРЕГИТЕ ПРИРОДУ, НЕ БРОСАЙТЕ МУСОР!». Подъем все время кругой. Тропы нет. Зато на передышках любуемся Тянь-Шанем. Встречаются следы козлов, но увидеть их не удается. Сурки уже спят. След медведя мы пересекли ближе к обеду. Только занятия лыжами помогли мне без особых проблем пройти перевал. Где-то в полдень мы подумали, что вот - за ближайшей седловинкой – перевал. Но за осыпью и большими скалами открылся вид сразу на несколько перевалов. Пошел снег. В описании нужно идти все время по реке. И это нас сбило. Вместо того чтобы взять налево, где просматривался более низкий перевал Телета, но реки не было, или она была под камнями, - мы пошли правее на перевал Димитрова с высотой в 3800 м. Снег перешел в метель. Все скрылось во мгле. Направление еле просматривалось. Снега навалило уже чуть не по колено. Еще часа два такой метели и не выйдешь... Хочется идти быстрее, согреться - дыхалка не дает – одышка. Метет как в «Последнем пределе»... Плелись, плелись по валам конечных морен. Боязно сломать ногу. Тогда – хана... Помрешь, пока вынесут. Прыжки по ог-

ромным скользким, обледенелым камням нам облегчали лыжные палки. Я стала их сторонницей, но Алла с ее чувством равновесия обходилась без них. Совершенно измотанные мы подошли к крутыму перевалу метров в 150 высотой. Слева скала, но идти возле нее оказалось труднее, чем по снегу, поскольку возле скалы – сыпуха под 45 градусов... Под свежим снегом был старый, твердый. Втыкая ботинки в этот старый снег, мы и нарезали серпантини вверх. Я отдыхала через 10 шагов. Дальше не позволяла одышка. Жора шел впереди и, поднявшись вверх, взбодрил нас криком: «Это перевал!».

Жора же первый увидел исток реки, то-то было радости! Кроме Телеты это не может быть ничем другим! Но арчевник начался еще не скоро. К вечеру ветер утих, снег прекратился. Небо начало быстро проясняться, и вот уже горы вдали окрасились в розовое. Появились далеко впереди первые елки. Когда мы дошли до них, почти стемнело. Мы перешли на левый берег, - он уже не такой крутой, как правый. Среди арчи нашли две полянки величиной с палатку и хотя уклон градусов десять, переночевать можно. Рядом с нами две небольших елочки сплелись ветвями и образовали укрытие для одного человека. Ветки ели закрывают укрытие с трех сторон. Видимо путники не раз использовали его в трудную минуту. Нижняя ветка почти лысая – на нее вешают полог, а пологий склон выровнен, чтобы не скатиться спросонья по склону. Костер из мокрых веток арчи гореть не хотел, но на мое предложение: спилить одну из елок, - народ с буйными протестами замахал руками. Мне сразу стало стыдно. Действительно, лишить всех будущих путников укрытия от непогоды – большее свинство, труднее и придумать...

Есть с устатку не хотелось. Просто попили чаю с халвой. Кто переоделся в сухое, кто «принял на грудь», кто растер спиртом ноги, - но все свалились спать.

Утро было волшебным. Солнце окрасило горы в алое. Несмотря на мороз (градусов семь), мы даже умылись от полного счастья. Плотненько поели и - в путь. Снегу становилось все меньше. Ущелье повернуло налево, и впереди стеной встали горы. Эти горы уже - Каракол – хребет, разделяющий Онтор и Культор. Наконец, вошли в еловый лес и, почти сразу начался крутой серпантин тропы спуска к Онтору. Такого красивого леса я еще не видела. Редко растущие ели достигали невиданных размеров. Каждая из них была совершенна и освещена солнцем. Не было обычной полутьмы, как в других еловых лесах, весь лес пронизан светом, аромат еловой смолы разливался в чистом, прозрачном воздухе. Казалось, здоровье и мощь леса пронизывают и нас. Но фотографии не передали обаяния этого места!

Вышли к Онтору и долго отдыхали, сидя на стволе старой ели, глядя в сторону уходящего вверх ущелья Онтор. Там недоступный нам по времени Каракольский пик. Мы уже решили ограничиться походом на озеро Алаколь. Солнце растопило весь выпавший снег, который согнал из ущелья всех людей и животных. По плохонькому мостику перешли Телету и среди безлюдной красоты вскоре вышли на место стоянки пастухов. Это большая поляна ниже места слияния Онтора и Культора. Здесь в наших картах и описании должен быть альплагерь, но он оказывается расположенным ниже по течению (там, где в Каракол вливается Кургантор и Аютор). Поляна у слияния притоков так нас очаровала, что решили приготовить на чабанской печке обед и просушить вещи на жердях. Две скамейки тоже нас прельстили, – наконец, мы можем даже посидеть на настоящих лавочках! Люди, которые здесь жили не остались после себя мусора. Бутылки и всякий хлам лежали кучкой в отдалении, я думаю, что и это вывезут. Солнце светило и грело так, что с трудом верилось во вчерашнюю пургу и снег выше колена. В 30 метрах от слияния истоков прямо на поляне, где мы остановились, в Каракол впадал мощный, совершенно прозрачный родниковый ручей. Его воды причудливо смешивались с мутным от тающего снега потоком Каракола. Было так хорошо...

Я нашла ржавую подкову и взяла ее с собой на счастье. Отдохнули, пообедали и снова в путь по красивейшему Каракольскому ущелью. Трехкилометровый участок Каракола между впадением Кургактора и Аютора, и слиянием Культора и Онтора, очень живописен. Здесь хорошо выражен парковый ландшафт елового леса: дно ущелья и нижняя часть склонов (особенно левого, по которому проходит тропа) покрыты лесом, перемежающимся с солнечными полянами. Справа над ущельем встает 600—700-метровая скальная стена. Левый склон на 1/3—1/4 высоты покрыт еловым лесом, а выше леса начинаются скалы, однако среди скал до самого гребня, зубчатого, как пила, взбегают то группами, то в одиночку ели. Каракол привольно разделяется на несколько рукавов, каждый из которых – уже мощный поток!

Прошли территорию альплагеря. После впадения Кургантора и Аютора река мчится по крутым каменистым ложам каскадами, среди воды лежат огромные обломки скал, на них растут молодые елочки. Долго не могли определиться: где же поворот на Алаколь. Алла, правда, сразу сказала, что мостик после Аютора – это и есть направление на Алаколь. Но мы пока не увидели на елке без вершины надпись красной краской: «Алаколь», все сомневались. Сомнения вызывало отсутствие реки Кургантор (а она, оказывается, ушла под

камни и так незаметна). Наконец решили, что завтра рано поутру спрячем рюкзаки в лесу и налегке пойдем на Алаколь, чтобы к вечеру вернуться.

Остановились на левом берегу (здесь идет лесовозная дорога вплоть до Телеты), под двумя огромными елками, вершины которых наклонились и образовали общий шатер из веток. Под таким укрытием разместились две наши палатки и между ними еще очаг из камней. К сожалению, мусор, оставленный туристами присутствовал, и это обидно. Разве трудно унести назад или скечь фантики, пустую бутылку? Один яркий фантик уродует целую поляну! Все убрали, сожгли, и весь вечер любовались горами, рекой и ярчайшим звездным небом. Пили чай из шиповника (ягоды очень большие) и ели жимолость (она здесь довольно горькая). Рано утром собирались, спрятали рюкзаки и по хорошо набитой тропе понеслись вверх. Слева мелькало ложе реки, которая ушла под камни. Камни покрыты зеленым мхом. Лес здесь довольно густой, только выше он становится все разреженней, пока не кончается совсем. Тропа проходит через две поляны, на которых вполне можно поставить палатку. Затем начинается крутой подъем, где не больно-то разбежишься. По пути, кроме елей, встречаются кустики смородины и рябина. Смородина черная, но по вкусу – красная, кислица. Слева возникают красивые скалы, Кургантор выходит здесь на поверхность, течет бурно, образуя изредка заводи с голубовато зеленой водой. В двух местах видим пересохшие озера, видимо они заполняются во время паводка. Тропа везде помечена турами. Идти в этом смысле просто, в отличие от Телета. Проходим по зарослям акации, ее колючие стволы как столбики кактусов. Преодолеваем лес из старой арчи. Стволы – диаметром до 150мм. Тропа проходит сквозь арчевник, как сквозь туннель.

Вот и приют «Сирота». На самой границе елового леса построена из толстых еловых стволов хижина. В ней печка. Здоровое костище, вокруг стесанные бревна – на них можно сидеть. Из камней проложены тропинки на территории приюта. Река протекает рядом. Судя по надписям, люди здесь бывали даже в ноябре. Плохо, что а дверь сняли с петель и, наверное, сожгли какие-то вандалы, они же завалили очаг своим мусором. Мостик через Каракол и эта хижина сделаны одним и тем же коллективом. Работа сильных и благородных мужчин. Один только шифер затащить на такую высоту – уже подвиг. И вдруг, какой то хлюпик и пьянь сжигает двери и бросает здесь свои невесомые бутылки – к таким поступкам трудно относиться толерантно. Возмущаться бесполезно, стоит только пожалеть.

Через час после приюта выходим к водопаду. Кургантор вытекает бурным потоком из находящегося вверху озера и обрушивается с ригеля, образуя водопад высотой метров сорок (Жора утверждает, что сто, - судя по перепаду высот). Выше водопада, справа прямо из скалы бьют родники, стекая по скале маленькими водопадиками. Налево тропа к перевалу Алаколь в долину Арашана. Чтобы выйти к озеру, мы идем направо. Здесь уже снег, но тропа помечена турами, и идти легко. Мы тоже делаем вклад в визуализацию тропы – поправляем обрушившиеся туры, добавляем на них камни. Идти по турам одно удовольствие, не надо напрягаться выбором направления. Слева остается почти вертикальная скальная стена. Мы с Жорой уже экономим фотопленку. Через сорок минут после водопада подходим к крутыму заснеженному подъему, и перед нами предстает во всей своей суровой красоте высокогорное озеро Алаколь. У нас только час времени, чтобы полюбоваться им. Со всех сторон озеро окружено хребтами. Вода ярчайшего аквамарина, чиста и прозрачна. Замечательная на вкус и не такая холодная как в Курганторе.

На северо-восточном берегу, куда мы вышли - небольшое плоское каменное плато, часть ригеля, сквозь который прорывается Кургантор. Здесь разбросаны большие камни, покрытые ярко оранжевым лишайником. До сих пор цветут эдельвейсы, местами среди камней растет дикий лук. Снег местами подтаял, и камень нагрелся до блаженной теплоты. Я разулась и перешла Кургантор, но дальше тропы не видно из-за снега и осыпей. Перекусили и с сожалением тронулись в обратный путь.

К месту стоянки пришли почти затемно. Утром на девятый день тронулись вниз. Прощались с Караколом. Джетыгуз по сравнению с этой мощной рекой просто ручей. Мощные слои воды то растекаются голубой лентой по долине, то в глубоких местах отливают глубоким аквамарином, то на перекатах рычат в пене брызг. В одном месте образовался прозрачный залив с яркой тиной, собравшейся круглыми островками. Над рекой зубчатые скалы, по ним с фантастическим упорством лезут на самый верх бесстрашные елки. Солнце порадовало нас два последних дня. В одном месте рукав Каракола двумя потоками протекал прямо по двум колеям лесовозной дороги, как две параллельные реки. Постепенно на южных склонах гор исчезали ели, их сменила степь. Появлялись березовые перелески. Пару раз вдали маячил Кунгей...

А мы все шли и шли в полном безлюдье. Но вот вдали на другой стороне реки залаяли собаки. Они почуяли нас издалека. Там на склоне горы стоят две последние юрты, все остальные уже спустились с гор. Вдруг за очеред-

ным поворотом дороги появилась машина. Мы прибавили шагу, – авось, подвезут! Но это оказался нагруженный до предела камнями грузовик. Его борта развалились от тяжести груза и рессоры полетели. Двое киргизов со вчерашнего дня пытаются починить машину, но не разгружают ее. Мы спросили: сколько еще до лесничества. Они сказали, что рядом... а мы шли еще километров пять. Стали появляться люди. Все они заняты заготовкой сена. Одни даже предложили нам водки. Перешли мостик и оказались на правом берегу реки. Везде места отдыха. Костища, скамейки. Мусора немного. Кое-где отдыхают люди, кто семьями, кто парами. Алла сбила ноги и очень хочется доехать до города на машине. В лесхозе – это небольшой поселок – есть одна машина, но ее хозяин запросил за 6 км 600 сом, и мы решили идти пешком. Только отошли, возле нас остановились потрепанные «Жигули» и предложили довезти нас – «за сколько не жалко». Нам было не жалко 80 сом. Вдруг машина остановилась возле шлагбаума. Мужчины прошествовали в домик, где им сказали, что мы должны заплатить за экологию по 200 сом. Нас чуть «кондрат» не хватил! После долгих переговоров выяснилось, что 200 сом – это с «дальних» иностранцев, а с тех, кто из СНГ – по 50 сом. Но мы сговорились на 25-ти и нас пропустили. Вот! Ребята (они семьями отдыхают у реки и ехали в город то ли за хлебом, то ли за водкой), подсказали нам как короче пройти на нижний рынок, откуда легко уехать в Джетыгуз. Каракол это совсем не Бишкек... Если второй - почти европейский город, то Каракол – восточный городишко. Построен и спланирован в советское время, но страшно замусорен, арыки грязные. Зато в Караколе растут обалденные тополя – в два обхвата, и целыми аллеями. Весь город вышел продавать свой скарб. В связи с тем, что стада согнали с гор, везде торгуют баранами во всех видах. Особенно много шкур. Они, окровавленные, растрянуты везде. Пока мы проходили через парк отдыха, все дети кричали нам: «Hello!». Нас почему-то опять за американцев принимали. Наверное, из-за Валериной внешности. На рынке мы прислонились к какой то стенке, а Жора пошел искать машину. Около нас оказался пьяный мужик славянской наружности и воспроглазый киргизский мальчиконка. Они были грязнее даже нас, две недели не мытых, и мы вцепились в свои мешки. Как я не хотела отведать ашлянфу, но не решилась идти на рынок одна.

Жора прикатил довольно быстро. «Жигули» – за умеренную плату в 200 сом, кажется, покатили нас в Джетыгуз. Водитель оказался разговорчивым киргизом с тонким чувством юмора. В ходе беседы предложил обменяться президентами со словами типа: хрен редьки не слаше. Рассказал, что у них дачи и, – вообще все – грабят, как и у нас, но в горах воровать баранов, ни-ни! Пристрелят и все, концов не найдешь. За то, чтобы выпасали твоего барана, надо в день заплатить пастуху 2 сома. Так за приятной беседой доехали до курорта, где опять (ну и совпадения!), мы встретили нашего охотника-пастуха. Он был в меру пьян, в связи с окончанием пастушьего сезона. Сетовал, что до весны работы ему нет. Прибывшие из ущелья пастухи были пьяны. Остальное население поселка копало картошку.

Еще одна неожиданность ждала нас у Володи. Они с братом являли страшное зрелище. Их избили киргизы из соседнего села. И, хотя со своими киргизами они живут – душа в душу, но за них никто не заступился, и они дрались двое

против двадцати. Я подумала грешным делом: не наши ли машины стали предметом потасовки?

Мы угостили Володю нашей «адреттой» - на семена. Брат Володи – Дима работает в котельной, он же еще и шофер, и сварщик. Дима предложил нам помыться за 15 сом и включил в подвальном душе горячую воду. Мы были так рады! На курорте можно было принять радоновую ванну, но Дима сказал, что нас, усталых, «развезет», и потом мы будем спать сутки. Кроме того, мужчинам Дима категорически не посоветовал радоновую ванну. Решили, что радиоактивного радонового слоя на три часа (именно он обладает лечебным эффектом), нам все-таки не надо.

Еще Дима не советовал ехать в Казахстан через Сан-таш, потому, что там полный беспредел на границе...

Ночевали недалеко от поселка на речке. Я все перстирала и развешала на деревьях. Ночью поднялся ветер, и я носилась по берегу, искала вптымах разнесенные ветром одежды. В реках Тянь-Шаня и в озере ловят форель, османа (только нужно удалять черную пленку брюшины – она ядовита). Жора пытался ловить рыбу, но безуспешно, я думаю оттого, что забыл дома «мушек».

Машины были готовы к обратному пути. Тут мы совершили, по моему мнению, большую ошибку и, вместо того, чтобы поехать в Бишкек по другой стороне Иссыккуля, мы захотели на соленое озеро и опять покатали по южной стороне. Во-первых, вскоре испортилась погода и покупаться нам бы все равно не удалось. Во-вторых, мы не менее трех раз проехали сворот на это чертово озеро!

А, когда свернули в направлении соленого озера, навстречу нам, с праздника, посвященного какому то киргизскому батыру, шли и ехали подвыпившие люди. Кто вез свою юрту, впряженаясь вместе с осликом, кто на лошади, кто на машине. А у одной семьи сломалась «Волга» и они ее, груженыю, толкали в гору впятером. Ну, это только после хорошей выпивки и закуски возможно!

Валера (интеллигент ты наш!) посадил в машину пьяненького киргиза, которому надо было в сторону соленых озер. Ну, сколько раз твердили миру: с пьяными дела не иметь! Дорога к озеру оказалась долгой и никудышней. В конце концов, подъехали к огромной луже, в которой уже сидели на брюхе поперек дороги «Жигули». Объехать лужу не было возможности. Ждали подмоги из ближайшего аула...

Мы с Аллой пошли гулять по близлежащим холмам. Подъехал какой-то джип, но без троса. Жора вынул свой трос. Джип долго корячился и газовал, прежде чем вытащил «жигуль». Наконец, джип и «жигуль» уехали. Могли бы, конечно, подождать нас, вдруг мы застрянем, все-таки наши мужчины принимали деятельное участие в их бедах, даже толкали машину, одев сапоги...

На то, как «Ока» проедет лужу, - приехали посмотреть двое парней на ослике. Мы не опозорились и проехали лужу без осложнений. На подъезде к соленому озеру, проехали какое то селение. Киргиз, которого мы подвозили (кстати, совершенно бесплатно), увидев открытый магазин, попросил остановиться и предложил нам купить водки. Мы ответили, что не употребляем. Он сказал, что здесь такая традиция – угощать местное население, то есть его! Мы посмотрели друг на друга...

Кругом, - приехавшие с праздника местные любители опохмелки! И, предложив нашему попутчику выйти на минутку, развернулись да ударили по газам! Урок нам на будущее. Ночевали в том же месте, что и на пути в горы, у Иссыккуля...

Было горько и крайне не- приятно, но - утром - Бишкек. Алла сняла, наконец, деньги с карты. В Бишкеке еле нашли банкомат, но, оказывается, снимать надо в банке, чтобы тебя проверили. Времени ушла уйма. Поболтали с турком, который владеет хлебным магазином. Он сказал, что пока в Бишкеке есть русские, жить здесь можно. Как только русские уйдут, придется и другим нацменам покинуть Киргизию. На границе снова начались ужасные приколки: нас уж хотели было «ошманять» до бесконечности, пока мы не раскошелимся, но Жора снова напустил на себя важный вид и вынул волшебный журнал «МОТО». Я же тем временем объясняла пограничникам, что мы очень бедные люди, а «Ока» - это такая машина, которую в России бесплатно дают ветеранам войны и инвалидам. На что пограничник резонно заметил:

-Нашли же Вы деньги, чтобы доехать в такую даль! Ну, так подарите хоть что-нибудь! Еще нас постоянно провоцировали: «Дайте чаю и проезжайте с Богом!»

Имелся в виду конечно не зеленый чай. На что мы отвечали, что у нас есть травка, душица, зверобой... И «кайфовый» интерес сразу затухал.

Наконец мы в Казахстане. Там нас тоже ждал сюрприз. Оказывается, если больше 5 дней пребываешь в Казахстане, надо поставить отметку в миграционной службе. Иначе, на выезде будут проблемы. Придется платить штраф. Так что, въезжать в Казахстан лучше всего утром, а не вечером, как мы. С чувством огромного облегчения покинули пропускной пункт и сразу, как только закончились людные места, уехали в степь на ночевку.

Утром погнали в сторону Алма-Аты. Сначала ехали по холмистой местности, дорога даже взобралась на один небольшой перевал. Потом пошла равная как стол степь и вскоре справа замаячил Кунгей. Посадки вдоль дорог стали пышнее, селения богаче. Чувствовалось приближение большого города...

Наконец Алма-Ата позади, но дорога проходит через густонаселенные районы. Впереди появились горные хребты и, внезапно из равнины дорога нырнула в горы. Через 15 километров неплохой, грейдированной грунтовки, уже на закате, мы добрались до шлагбаума национального парка. Величие и красота этих суровых мест очаровали нас сразу. Остановились на обрыве каньона, у дороги. Дальше прошли пешком и обнаружили синий «жигулевик» на одной из стоянок. Только начали готовить еду, как к нам подошли и вежливо представились владельцы синей машины. Они работники службы

каньона. Мы долго уговаривали их, прежде чем они присоединились к нашей трапезе. «Это мы должны Вас угощать! Ведь Вы наши гости!» Во!!! Разговор затянулся надолго, пока мы разошлись по спальным местам

За экологический ущерб при проезде Алма Аты заплатили 200 тенге. Чернынкий каньон. Если за шлагбаумом при въезде в каньон свернуть налево то там попадешь на горячие источники, в реликтовую ясеневую рощу, поющие барханы и река Или, но это все за поселком Чарыном. По дороге на каньон есть Алматинский дендрарий, а также музей какого то известного человека. Окраины Алма Аты страшно замусорены, как и у нас около больших городов, у них, пожалуй, больше.

Ущелье, в самом деле, удивительно. Причудливы изваяния созданные природой. Некоторые огромные камни лежат в таком неестественном положении, что, кажется, упадут через минуту, а на деле лежат так уже десятилетия и столетия. Красновато розовые, при вечернем освещении вишневые склоны каньона, как слоеные пироги, пронизаны более светлыми и темными полосами

ми пород и разрушены в самом безумном сочетании башен и обвалов. В очертаниях скал видятся: - драконы, черепахи, сфинксы, старушонки и бородатые разбойники... Все, что угодно рисует здесь глаз человека, его воспаленная увиденным фантазия и равнодушная к выдумкам людей природа. Неожиданно мы вышли к бурному потоку реки Черынки. Здесь аккуратная площадка с деревьями, красиво обложенными белыми речными окатышами. Тут и саксаул, весь усыпанный осенними цветами и сладкий барбарис, ветки которого прогнулись от обилия ягод. Возле реки беседка. Рядом юрта. Огороженная площадка - кухня. Наш проводник Турсун, в сезон работает здесь шашлычником. На склонах бегают и кричат кеклики. Турсун ставит самовар и бросает ветки саксаула в его трубу. Скоро чай готов. Турсун с моей помощью накрошил салат, извлек наловленную им вчера и просоленную речную форель, принес хлеб и сухое молоко. Мы сидели в беседке, над шумящим потоком и беседовали за жизнь. Турсун - уйгур. Его мать с маленьким Турсуном бежала из Китая в 20-е годы. Мальчик рос без отца, в чужой стране. Он отдает должное советской власти и считает, что ей обязан жизнью. Он рассказывает историю своей трудной жизни со всей возможной с незнакомыми людьми искренностью. О любви, о невозможности из-за бедности быть с любимой, о службе в армии. О страсти к азартным играм, о работе на стройке и невозможности прокормиться без хитрости и приработка. Этот, безусловно, умный человек, получив образование, мог бы быть специалистом, руководителем или даже политиком. Но судьба сложилась, как сложилась и он не о чем не сожалеет с достоинством сильного. Турсун пригласил на чай и работника эпидемиологической службы. От него несло за версту дустом, но он даже не помыл руки. На наш удивленный взгляд, заметил, что уже 20 лет ведет такой образ жизни и, слава Аллаху, ничем не болеет. Поблагодарив Турсуна за гостеприимство и, запечатлев меня с Турсуном на фотопленку, мы двинулись в

обратный путь. Как только отошли от реки, прохладу сменила сухая удушливая жара безводного каньона. По красноватым вертикальным стенам каньона бегали юркие ящерицы. Кеклики пищали свое «ке-кек». Песчанки, зажав в зубах травинку, стремглав носились по склонам, задрав пушистый хвост. Мы изнывали от удушливой жары. Стены каньона давили на психику. По довольно крутой тропинке вышли наверх. Валера в одиночестве варил еду. Алла ушла фотографировать. Я сидела наверху, обдуваемая горячим ветерком и смотрела на каньон. Сверху он все-таки производит сильное впечатление. Вскоре пришла Алла. Она спускалась в каньон по ущелью Дьявола (тогда она этого еще не знала), и упала на склоне, прокатилась вниз, спасая фототехнику ободрая колени. Пообедали. Пора уезжать, хотя здесь надо бы побывать неделю поснимать в разное время суток, пройти по реке к реликтовой ясеневой роще, проехать к поющим барханам и к реке Или. Но нам пора...

В Алма Ату попали затемно и проезд был кошмарным. Ночевали далеко за городом на площадке у какой то свалки. Шел дождь и искать другую площадку уже не хотелось С утра погнали до Караганды, чтобы успеть отметить в миграционной службе. Но была суббота. В Караганде были к обеду и три часа мучились с поисками миграционной службы. Безуспешно. В субботу все работают до обеда, а в воскресенье и понедельник у них выходной.

В результате у нас день просрочки, как минимум. Погрустив, решили выезжать по короткой дороге в направлении Свердловска (то бишь, Екатеринбурга), через Петропавловск. Гнали мимо всего. Запомнился проезд мимо Астаны по объездной освещенной дороге. Запомнилось обилие дичи на озерах Казахстана. На границе Валера с Аллой проскочили, а у нас заметили просрочку (два часа всего, но - это все равно сутки) и нас начали «раскручивать»

вать» ожиданием. Уже умудренные опытом, мы опять показали в окошечко волшебное «МОТО» и нас простили. Махнули рукой, - не рискуют связываться с журналистами, за коих мы себя выдавали.

Хотелось заночевать возле розовых скал, но не доехали. Темнело. Пришлось просто свернуть в степь, за сопочку, чтобы скрыться от трассы. Утром обнаружили себя в каменистой пустыне. Скудная травка покрывала редко-редко каменисто-щебенистый грунт. Во впадинах, где иногда бывает вода, растут пустынные кустарнички. Мы нашли целые плантации удивительных растений. Это оказались саксаульчики-старички ростом не более пяти сантиметров. Хотя условия жизни растений здесь очень суровы, они выглядят не угнетенно, даже красиво. Впервые на просторах СНГ встретили путешествующих по-европейски людей. Они оказались казахами. Едут с прицепом со всеми удобствами, как какие то австрияки, немцы или скандинавы.

На берегу Балхаша ярко зеленый камыш, сверху - яркий желтый, но ближе к оранжевому. Есть, что цветет светло песочным, а вокруг - красно-бордовый окаем из солянок. Основной тон растений бледно-бледно песочный, розоватый в оранжевым оттенком. Яркие солянки вдоль дорог. Табун лошадей и пыль, поднятая им - это Казахстан. Дорога в «апельсиновой кожуре». Гуашат в Прибалхашье - селение сильно разрушенное. Гектаута - турбаза - это там, где розовые скалы. Три скалы, пожухшая трава, дорога и в розовом - горы. В дымке, в мареве именно нежно розового цвета, переходящего в голубое, небо, и желтовато песочные тона первого плана.

Разгромленные дачи возле Караганды - страшное зрелище. Километры бетонных коробушек - как несбытие надежды и выброшенные деньги. Возле Кокчетава реденькая лесостепь из сосен, растущих на сопках и березовые колки в низинках. Рельеф просвечивает сквозь эту редину. Сохранились советские скульптуры - то девушка сидит с корзинкой, то солдат с автоматом, - все раскрашенные красками. Многие колки возле дороги огорожены. По сравнению с Ижевским обездом в Казахстане, - здесь порядок. Полно дичи, особенно лысух. У подножия хребта расположился Щучинск. Внизу щучинских гор, вершины которых уже покрыты снежком, золотистый окаем берез. Казахстанские дороги закончились, начались российские. Перед Петропавловском поля все запаханы, все убрано, ухожено, напоминает Краснодарский край - народ суетится, техника рычит. Но население не кубанское - кругом бедность. Как и в наших селах, где вообще не сеют и не пашут. Выделяется только немецкая деревня своим богатством и чистотой.

Въезд на низкий берег Тургояка с трассы Миас-Златоуст. Здесь узнали дорогу выезда на хребет Большая Сука. Возле Катавки надо повернуть направо на Рудничный и едем по асфальту до лиственниц, а дальше, дорога поворачивает направо и идет до поселка Иркуска, где снова поворачиваем и, километра через полтора, - сорок четвертый километр. По грунтовке едем до Сибирки и выходим на хребет Большая Сука...

Конечно, наш поход не преследовал спортивных целей, он, как и все наши путешествия, был затеян любопытства ради и из страсти к бродяжничеству. Как замечательно ехать по пустыне. Какой простор, неизвестные растения необычные ландшафты! Конечно, пеший поход по Тянь-Шаню должен занимать не менее 15 дней. Проезд на поезде и доставка к началу маршрута, сэко-

номили бы эти пять дней, но вместо шести тысяч рублей на человека мы потратили бы 10-12. И не побывали бы в Чарынском ущелье, упустили бы казахстанские впечатления, и много чего еще...

Правда, настоящие туристы и альпинисты посмеются над нашим самомнением. Но каждый прежде, чем преодолеть горы, преодолевает себя. С собой мы справились, горы полюбили, несмотря на их сложный характер. И самое главное, - нам и дальше хотелось бы общаться. Когда мы перешли перевал, я сказала: « Все, теперь мы сестры и братья!» Если попытаться охарактеризовать каждого из нас одним словом, то Валера – интеллигент, Алла – смелая, Жора – упорный, а я – пофигистка. Машины наши не ломались, за исключением разрыва чехлов приводов у Валеры. И все-таки «Ока» лучше. В ней прекрасно спать, а в Валериной - кресла не раскладываются полностью. Но чевать в палатке можно не всегда. Да и расход бензина несравним. Короткая база и малая ширина позволяют повышать проходимость. Да и вытолкнуть ее легко, а можно просто приподнять и переставить! Шутка...

Александр НИКОНОВ

Ковчег острова Альмендралехо

(приключенческий
научно-фантастический роман)

(Продолжение. Начало в №№1, 2, 3, 4, 5 альманаха за 2009 год)

И снова лифт, цифры на табло, шум воды, которая уравновешивала механизм лифта, и мягкий спуск. Снова тот же гараж, заполненный пружинными машинками, в котором несколько крепких мужчин занимаются каждый своим делом. Один подгоняет машину к стенду со шкалой динамометрии, другой закрепляет гибкий шланг и включает мотор. Стрелка на шкале через десять-двенадцать секунд достигает красной линии, и мужчина нажимает на красную кнопку. Третий протирает машину тряпками.

Все трое, увидев Чиркова и супругов Подноветных, делают в их сторону небольшой поклон и прижимают руки к сердцу. Чирков делает то же самое и говорит по-русски:

— Здравствуйте, ребята. Как дела? — В ответ лишь улыбки и невнятное мычание. Николай Васильевич обводит рукой помещение. — Вот это и есть наш гараж и, если так можно выразиться, заправка, где взводятся пружины наших машин. Ну, что, поедем дальше? Педро, — обращается к одному из мужчин Чирков, — поехали.

Тот, что пониже всех, с бесенятами в жучковых глазах с готовностью садится за руль и на русском языке отвечает:

— Хорошо, сударь.

Алексей с Глафирай удивлённо переглядываются. Во-первых, их удивляет давно забытое, старинное слово “сударь”, во вторых, голос парня звучит странно, словно говорит робот. Чирков улыбается:

— Не удивляйтесь, ребята, скоро всё поймете. Садитесь.

Машина трогается с места и едет по длинному коридору с многочисленными дверями. Снова ворота, и снова коридор. Наконец, машина останавливается. Чирков подходит к двери и нажимает кнопку, щёлкает задвижка, и дверь отодвигается в сторону. Сышен хор голосов, явно детских.

— Се-ло, ма-ма, тра-ва, душа, — повторяет он за мужским голосом.

— Хорошо, дети, вы очень способные. А теперь повторим вчерашнее задание.

Небольшая комната с несколькими стульями и окном во всю стену. Через стекло виден класс, в котором за партами сидят человек двадцать детей разного возраста, примерно от шести до двенадцати лет. Они поедают глазами учителя с рыжей, кудрявой головой, смотрят сменяющиеся картинки на большом экране монитора и прилежно повторяют за ним слова:

— Лето, весна, осень, зима.

При слове зима один из малышей хихикает и показывает пальцем на картину, на которой изображён русский зимний пейзаж с лошадкой и санями-розвальнями, на которых сидит мужик в туалпе. Пейзаж с заснеженными полями, дорогами, улицами и домами, из труб которых стелятся дымы. А учитель терпеливо объясняет:

— Вы, ребята, конечно, никогда не видели зимы, вы не знаете, что такое снег и зимняя стужа. Но я вам объясню. Снег, это пушистая вода, а холод и стужа, это то самое состояние природы, когда вы очень сильно мёрзнете. Ведь вы мёрзнете иногда, вам бывает холодно?

И класс дружно ответил:

— Да.

— Вот и молодцы, — похвалил учитель.

Странный урок продолжался, а тем временем Николай Васильевич предложил сесть и посмотреть на урок, добавив:

— Не бойтесь, они нас не видят, это стекло-зеркало, и мы им мешать не будем.

Когда уселись, Глафира не замедлила полюбопытствовать:

— Что это за занятия? Тут вон и маленькие, и дылды вместе сидят.

— Это урок усвоения понятий и соотнесение их с русским словом, — ответил Чирков.

— Так они что же, все иностранцы?

— Можно сказать и так, — подтвердил Николай Васильевич. — Только это такие

иностранцы, которые до недавних пор или вообще не разговаривали ни на каком языке, или разговаривали при помощи жестов и диких звуков.

— Но как это может быть! — удивился Алексей. — Не дикари же они.

— И здесь не всётак просто, как кажется на первый взгляд. Ладно, расскажу я вам одну историю, чтобы вам всё стало понятно, — согласился Чирков. — Случилось это восемь лет назад. Тогда я только что построил свою яхту под названием “Аннушка”, подыскал хорошего капитана, француза Оливье Делобеля, здорового, весёлого морского волка, который с самого детства ходил по морям. Для испытания яхты решили пройти от западного побережья Америки, из Сан-Диего, до французской Полинезии.

Я русский до мозга костей и знал, что этот островной архипелаг когда-то открыли русские мореплаватели. Когда я учился в школе, то хорошо помнил, что в районе островов Кука и Полинезии были острова Кутузова, Румянцева, атоллы Волконского, Лазарева, Белинсгаузена, Суворова, Тонгарева. А тут, смотрю, на новых картах вместо наших названий появились другие: Макемо, Такуме, Тикеи, Матаива, Пенрин и так далее. Обидно мне стало, ребята, честное слово, за родную державу, хоть и была она для меня мачехой. Хотелось просто побывать там, поспрашивать, а помнят ли кто-нибудь, как назывались эти острова, может, какие-нибудь легенды существуют о наших моряках. Мне это было очень интересно.

Подготовились, выбрали погоду, когда на Тихом океане нет бурь и штормов, и вышли в море. До Полинезии дошли прекрасно, побывали почти на всех островах, поговорили с местными жителями. И, что отрадно было моей душе, помнят люди о русских, даже сказки о них рассказывают, хотя русские первопроходцы бывали там около двух веков назад. Ну, побывали мы в тех краях, пора, как говорится, и честь знать. Но мой капитан говорит:

— Кэп, давай на денёк засючим в Адамстаун, там мой старый друг обосновался. Всего на один день, а потом назад пойдём.

Я спрашивала, где это, а он:

— Да тут рядом, в архипелаге Питкэрна. Когда ещё будет такая оказия.

Одним словом, не мог я ему отказать. От острова Кутузова, или, как его тут называют, Макемо, пошли на юго-восток. И нарвались на шторм. Эх, как я жалел, что согласился с Делобелем! Одним словом, швыряло нас по волнам почти трое суток. Хорошо, что там глубины больше четырёх километров, и нет ни шельфов, ни островов. Потрепало нас, не дай бог кому такое испытать: рули погнуло, двое матросов ранены, все измучены. Шторм ночью закончился, звёздочки на небе, как новогодние игрушки, хоть рукой снимай, месяц, как начищенный таз, и — не ветерка. Решили утра подождать, чтобы оглянуться. Когда по приборам определились, оказалось, что сдрейфовали мы аж на тысячу миль южнее.

Когда солнце взошло, не поверили своим глазам — стоит наша яхта недалеко от каких-то островов, ну, всего кабельтов двадцать до них. Оливье как увидел такое дело, так аж вспотел, бедный, говорит:

— Повезло нам, кэп, ещё немножко, и нас разнесло бы в щепки. Только я не пойму, что это за острова, их ни на одной лоции, ни на одной карте нет. Что делать будем?

Я подумал, подумал и отвечаю:

— Давай зайдём, исследуем, может, бухточку подходящую найдём, ведь с такими рулями мы далеко не уйдём, а ремонтировать всё же лучше у берега, на шельфе, чем в открытом океане, да и спокойнее.

Так и сделали. Больших островов оказалось три: один побольше, два других поменьше. Было ещё несколько поменьше. С рулями была беда: только начинаем поближе подходить, нас течением сносит. Спасибо Делобелю, все-таки искусный капитан оказался, каким-то образом ухитрился он обогнуть один островок, видим — подходящая бухточка и как раз в противотечении. Зашли, стали на якорь. Матросы надели акваланги, ушли под воду, чтобы посмотреть, что с рулями. Я с тремя членами экипажа решил исследовать остров, который оказался довольно-таки большим, хотя со стороны он казался маленьkim. Перелезли через кольцо гряды и стали уходить вглубь. Никого, ни животных, ни людей, зато птиц — тучи, так гомонили и кричали,

что мы чуть не оглохли от этого шума. И вдруг — хре, хре, хре. Мы испугались, думаем, что за зверь такой. А из кустов прямо на нас выскакивает чертёнок: ни поросёнок, ни кабанёнок, чёрный, как будто его осмолили паяльной лампой. — Николай Васильевич весело и заразительно засмеялся.

За ним засмеялись и его слушатели. Глафира, вскидывая голову и прижимая руки к груди, Алексей, склоняя голову к груди и вытирая весёлые слёзы. Когда отсмеялись, Алексей сказал:

— Вот и я так же. Когда исследовал остров, наткнулся на козлёнка — думал, что на чертёнка наарвался.

— Так, а дальше-то что было? — любопытствовала Глафира.

— Такты тоже видел озеро посередине острова? — обратился Чирков к Алексею.

— Конечно. Ноги страх держит, а любопытство вперёд толкает.

— Вот-вот, и нас так же, хоть и были мы с винтовками, — продолжал Николай Васильевич. — Дошли до озера, а там живности — огромные стада. И никто их не кормит, сами плодятся, сами выживают, сами кормятся. Правда, кормёжки там вдоволь — лес, одно слово. Я слышал, что в Белоруссии крестьяне так же делают: отпускают свиней в лес, и они кормятся в нём до самых морозов. Так то в Белоруссии, рядом с людьми. А здесь, на острове, откуда они взялись? Ведь сразу видно, что и свиньи, и козы одомашненные. Думали-гадали долго. Предполагали всякое: что попали эти животные с какого-нибудь транспорта, которое или разбилось о скалы, или перевернулось; что кто-то специально их завёз сюда для размножения, но тогда зачем делать это за тысячи километров от обжитых мест; что занесло их сюда тайфуном или ураганом. Я слышал, что такие случаи бывали. Вихри уносили целые стада за несколько километров, правда, в тех случаях все животные погибали. Одним словом, предположений и догадок было много.

— Но я видел здесь людей, — перебил Алексей Чиркова. — Они приплывали на лодке, связывали свиней и коз и увозили отсюда.

Николай Васильевич снисходительно улыбнулся и ответил:

— Неужели ты не догадался, Алёша, это были мои люди.

— Мамочка, что бы с нами было, — заломила руки Глафира, — если бы вы нас не сбили! Наверно, мы бы одичали на этом острове и размножались, как Адам и Ева.

Чирков тепло посмотрел на Глашу и спросил:

— Как ваше здоровье, Глаша, всё в порядке?

— А, вы уже знаете. — Глафира положила руки на свой подрастающий животик.

— Наверно, вам этот противный доктор-китаец доложил.

— Ну, не такой уж он и противный, — с укором ответил Николай Васильевич, — если бы не он, то вы могли потерять ребёнка.

— Да? — озадаченно спросила Глаша. — А мне никто об этом не говорил.

— Доктор Хайфенг такой человек, что о своих победах и достижениях никому не рассказывает, он просто делает добросовестно своё дело.

— Ой, а я так о нём, — озабочилась и опечалилась Глафира.

— Ничего, — сказал Чирков, — когда вы его получше узнаете, то почувствуете, какой это золотой человек. Вы с ним обязательно подружитесь. Ну, я, с вашего позволения после такого полезного отступления продолжу рассказ. Так вот, когда мы уже уходили с острова, один из матросов увидел человеческие следы. Сначала подумали, что это наши же следы, но мы все были в обуви, а след был босой ноги. Тут мы разволнивались. Мы не знали, кто живёт на этом острове: дикари или цивилизованные племена, которые приплыли с островов Океании, случайные бродяги вроде нас, воинственные они или мирные люди. Решили отложить исследование острова до утра, чтобы вернуться сюда с подкреплением.

Наутро высадились на остров вдесятером, вооруженные до зубов на всякий случай. Обшарили каждый закоулок, каждую складку и трещинку, но так никого и не нашли. Тогда предположили, что неизвестные люди могли приплывать с соседних островов. К тому времени рули починили, и яхта отправилась на соседний, самый большой остров. Обогнули его — что за чертовщина, ни одного движения, никаких

следов присутствия и деятельности человека, ни дымка от костра, мёртво, как в доисторические времена. Остров приличный по размеру, с большой бухтой. По-видимому, был он, как и другие, вулканического происхождения, образовался и прекратил деятельность миллионы лет назад. Основное его жерло, судя по всему, находилось скобу, а потом вода в мировом океане поднялась, и образовалась эта бухта. За тысячелетия он покрылся плодородной землёй, на нём выросли деревья, кустарники. Капитан Делобель спросил меня:

— Ну, что, кэп, рискнём зайти в бухту. — Я согласился, уж больно заманчиво и интересно было посмотреть, что это за остров. — Только сначала проведём разведку на шлюпке.

Так и сделали. Шесть матросов на надувной моторной лодке обошли лагуну вдоль берега, сделали промеры и сообщили, что присутствия человека не заметили, только в нескольких местах видно, что с возвышенностями к морю спускаются несколько серпантинчиков, но какого они происхождения, естественного или искусственного, определить трудно. Промеры показали, что бухта очень глубокая и мы ничем не рисковали. Вообще весь остров напоминал как бы огромную скалистую подкову, края этой подковы, заросшие лесами, кустарниками и травой, возвышались метров на шестьсот. Размерами, по первому взгляду, был он километров около десяти-двадцати по диаметру, а в древности, по всей видимости, был ещё больше. Потом уровень мирового океана повысился, затопив часть его береговой полосы и углубив шельф на несколько десятков метров. А не заселён остров был только потому, что находился слишком далеко от освоенных территорий и транспортных путей. Обо всём этом мне рассказал капитан Делобель, который любил не только морские суда, странствия и океан, но и всё, что было с ними связано.

В экспедицию-по острову мы решили пойти сами с девятью матросами, оставив яхту на попечение старшего помощника. Взяли трёхдневный запас еды, охотничьи винтовки, палатки и всякую утварь, необходимую для такого случая. Когда высадились на берег, нас встретил оглушительный шум пернатой живности. По её поведению Делобель предположил, что дичь уже знакома с человеком. Я спросил, почему.

— А вы посмотрите, как они тревожно кричат, — ответил Делобель. — Они подают знак опасности своим сородичам. К тому же при виде нас птицы отлетают подальше или усаживаются на самые высокие ветки деревьев.

— Это значит, что на острове живут люди? — спросил я.

— Нет, я этого не утверждаю, кэп, но что обитатели острова знакомы с человеком, так это точно.

— Если здесь нет пресной воды, то человеку вряд ли выжить в таких условиях, — предположил я.

— Она должна здесь быть, — твердо сказал Оливье, — если не подземная, то дождевая. Другое дело, насколько её достаточно, чтобы здесь могли жить люди.

— Сразу скажу, друзья мои, — продолжал Чирков, — что в первый день мы не обнаружили ни одного следа присутствия человека, и я предложил возвращаться назад, чтобы понапрасну не терять времени и не утомлять людей. На что Делобель мне ответил, что возвращаться сегодня уже поздно — наступает ночь, и что лучше переночевать здесь. Все-таки вода на острове была, мы нашли небольшой ручей с ключом. Выбрав около него подходящее место для ночлега, мы разбили палатки, развели костёр, на котором приготовили горячую еду, и легли спать. При этом не позабыли об охране. Ранним утром, в самое предрассветье, нас разбудил страшный крик. Крик был явно человеческим, но каким-то неестественным для человека. Человек в таких случаях вызывает о помощи или ругается, а здесь мы услышали какие-то нечленораздельные звуки, похожие на бульканье. Я, откровенно говоря, подумал, что кого-то укусила змея. Все выскочили из палаток и стали спрашивать друг у друга:

— Что случилось, кто кричал, в чём дело?

Но, оказывается, ничего ни с кем из нашей группы ничего не происходило, никто не видел страшных снов, никого не укусила змея или какое-нибудь насекомое. И лишь один матрос сказал:

— Знаете, кэп, когда я выскочил из палатки, мне показалось, что в кустах что-то мелькнуло.

— Что это было? — допытывался Делобель.

— Я не совсем понял, господин капитан, — отвечал матрос. — Вроде как голый зад свиньи.

Все расхохотались и стали над ним подшучивать:

— Бонни, а может, это был зад женщины.

— А хвост у этой свиньи был, случайно, не пушистый, как у койота?

И только Делобель не принял шуток, он спросил:

— Покажи, Бонни, где это было?

Бонни показал на кусты у большого камня. Все пошли туда. Я тоже пошёл и держал ружьё наготове. Скоро Бонни, виновник шуток, закричал:

— Смотрите, вот здесь!

Он показывал на примятую траву и несколько сорванных с куста листочеков, лежащих рядом. Мы с Делобелем внимательно исследовали место, указанное матросом, и пришли к выводу, что существо, находившееся здесь, не могло быть ни свиньёй, ни другим животным, потому что на земле отпечатался след примата или гомо сапиенса. Да и листочки на кустарнике были сорваны высоко, а свиньи, как известно, без опоры не могут вставать на задние ноги.

Одним словом, прежние планы о возвращении были отменены, и мы пошли по следу дальше, даже не позавтракав. След то терялся, то находился вновь. В конце концов, километра через полтора он вывел нас к обрыву, с высоты которого мы увидели большое озеро и странную картину. На другом, пологом берегу озера мы сквозь кусты рассмотрели человеческое поселение, как бы небольшой городок. Домики, сложенные из камней и покрытые корой деревьев, раскиданы были по всему берегу, улицы поднимались террасами по склону и скрывались в зарослях. Десятка два очагов находились снаружи, но почти из каждого дома вился дым, а это означало, что местные аборигены были знакомы с основами цивилизации, потому что островные жители ближайших архипелагов до знакомства с европейцами никогда не применяли печей.

Но самым удивительным было то, что почти все люди были голыми. Лишь некоторые, в основном пожилые женщины и мужчины, носили на бёдрах и на груди что-то напоминающее набедренные и нагрудные повязки. Люди занимались своими делами: что-то таскали, варили, разделявали на чурбаках, ловили на странных широких лодочонках рыбу, вывешивали её сушиться, шлётапи шаловливых детей по задницам, смеялись, обнимались. Одним словом делали то, что делают миллиарды людей по всей земле, встретив очередной рассвет.

И тут мы заметили, как слева от нас вдоль берега острова к поселению бежит мальчик лет двенадцати-четырнадцати, машет руками и что-то кричит. Ему навстречу побежали другие мальчики и девочки. Они окружили его плотной гурьбой и сопровождали так до самого центра городка, что-то крича и отчаянно жестикулируя.

Наш Бонни закричал, показывая рукой на сценку на берегу:

— Вот, господин капитан, это был тот самый мальчик, я узнал его по длинным белым волосам. Это он был утром у наших палаток.

— Понятно, — ответил Делобель. — Давайте посмотрим, что они будут делать дальше.

А к мальчишке уже бежали все: и женщины и мужчины, и старики и старухи, подростки и молодые женщины с грудными младенцами. Все окружили его такой плотной толпой, что самого мальчишки, виновника этого переполоха, уже не было видно. Толпа эта всё росла и росла, и к тому времени, когда поселение опустело, численность её была никак не меньше пятисот-шестисот человек. Из одного жилища к берегу стал спускаться старик с длинной, почти до колен, седой бородой и лохматой белой головой. В обеих руках он держал деревянные подпорки и сильно хромал, опираясь на них. Ему никто не помогал, и все ждали, когда он подойдёт к сбирающему.

При виде его толпа расступилась, образовав проход к мальчишке в самом центре,

сам мальчишка подошёл к старику и стал ему что-то объяснять жестами и широкой артикуляцией рта. Старики долго кивал головой, а толпа внимала каждому знаку и жесту мальчика. Вот мальчик закончил общение, и теперь старики знаками и жестами стали общаться с толпой. Все повернулись в нашу сторону, упали на колени и стали творить молитву, кланяясь и осеняя себя католическим крестом.

— Я понимал, — продолжал рассказ Николай Васильевич, — что они не могли нас видеть среди густых зарослей, но то, что они обратились в нашу сторону и молились нам, как богам, заставляло меня еле сдерживать слёзы. И ёщё я обратил внимание, что эти люди не были язычниками, они были католиками. Если они и не были из нашего, европейского мира, то они явно общались с христианами. А это был уже другой расклад: люди были не аборигенами, не питекантропами, а цивилизованными жителями нашей планеты.

В тот момент мы ёщё не знали, каким образом, в силу принуждения, случайно или по воле обстоятельств и когда попали они в этот забытый богом и людьми уголок планеты. Мне хотелось им помочь, но я ёщё не знал, нужна ли им наша помощь. Ведь сколько людей в разные времена и по разным причинам добровольно уходили от цивилизации с её жёсткими, а порой и жестокими законами, чтобы жить по совести и по своим нравам. И мне совсем не хотелось мешать им жить своей жизнью. Это я и сказал моим людям и предложил уйти, чтобы навсегда забыть об обитателях острова, но Делобель остановил меня:

— Кэп, давайте подождём ёщё немного, мне, откровенно говоря, ёщё не совсем всё понятно. Посмотрите, у этих людей нет никаких признаков испуга, они не нервничают и не разбегаются, как в случае опасности. Они просто раздумывают и совещаются. Ну, какая разница, уйдём мы отсюда прямо сейчас или через полчаса-час.

И вы знаете, ребята, что-то заставило меня согласиться с моим капитаном. И вот сейчас, много лет спустя, я благодарен ему за то, что он тогда меня остановил, заставил засомневаться в правильности моего решения. Почему? Я это разъясню вам позже. А тогда на острове мы долго наблюдали, как эти люди молятся, в тот момент мы ёщё не знали, за что: за своё спасение от нас или за то, что Бог послал нас для них. Но вот жители острова отмолились, встали с колен, и старики снова стал о чём-то рассказывать мальчика. Тот отчаянно жестикулировал, показывая в нашу сторону, изображая, как он заметил нас, как подкрывался к нашим палаткам, как закричал от удивления, когда увидел незнакомых пришельцев, как бежал вокруг острова, чтобы предупредить жителей о нашем появлении.

Мы не знали, на каком языке разговаривали эти люди, потому что ничего не слышали. Да и был ли это вообще язык человеческого общения в нашем понимании, потому что в нём было очень много жестов и артикуляции губами, языком и мимики. Наконец мы увидели, что жители поселения что-то решили, потому что старики сделал решительный жест и показал в сторону одной из хижин. С десяток молодых людей вмч засуетились, побежали в хижину, выволокли из него какой-то предмет и потащили к берегу. Делобель смотрел через бинокль и комментировал:

— Сундук, кажется, волокут. Старинный какой-то, с узорами, заклёнками и замками. Ага, открыли, достают что-то. Кажется, флаг или корабельный вымпел. Точно. И пушку. Она маленькая такая, похожа на подзорную трубу. Наверно, сигнальная, такие были когда-то на старинных кораблях.

Тут я не вытерпел:

— Оливье, дай-ка бинокль, посмотрю, что они нам готовят.

Я наблюдал, как жители спокойно и в то же время с каким-то вожделенным нетерпением ожидали конца этого странного для нас действия. Вот пушечную зарядили, привязали к обрубку дерева с сучьями, которые играли роль опоры, и поднесли факел к запальному отверстию. Я испуганно заорал:

— Ложись!

Вся наша команда бросилась на землю. Раздался звук выстрела. Отражаясь от скал, он напоминал канонаду, хотя выстрел был один. Мы ожидали взрыва или хотя бы падения какого-нибудь предмета, вроде ядра или кусков камней, но ничего этого

не было. Мы осторожно поднялись и снова стали всматриваться туда, откуда в нас палили. Делобель снова посмотрел в бинокль, потом ошарашенно сказал:

— Послушайте-ка, они совсем не хотят никому зла, они таким образом просто подали знак о своём присутствии. И наверняка ждут от нас ответной реакции.

— Ты уверен? — спросил я.

— Уверен, кэп, — ответил Делобель. — Они просто стоят и ждут.

Я и сам это видел невооружённым глазом, я видел, как люди молча стоят и сосредоточенно смотрят в нашу сторону, как будто чувствуя, что мы стоим на этом месте, хотя нас и не видно. Я решился.

— Дать ответный выстрел, ребята, — приказал я.

Бонни поднял ружьё и выстрелил в воздух. Мы ждали мгновенной реакции, совсем забыв, что звук выстрела достигнет противоположной стороны озера только через несколько секунд. Вот жители, видно, услышали звук выстрела, сначала оцепенели, а потом стали прыгать на месте, кричать и приветственно махать руками. Нам ничего не оставалось делать, как выйти из зарослей к самому берегу и тоже прыгать, кричать и махать руками. Увидев нас, толпа у озера, казалось, пришла в неистовство: она плясала, кудыркалась, кричала, плакала, выла. Если бы вы только видели, ребята, сколько радости было в этой толпе. Я не видел такого ни на торжествах, ни на карнавалах, ни на праздниках, на которых мне приходилось бывать. В этой голой толпе не было ни пышных и красивых нарядов, ни музыки, ни фейерверков, ни вина, в ней была только одна неподдельная радость.

Глафира увидела на лице Николая Васильевича ползущие по щекам слёзы и деликатно отвернулась в сторону. Молчал и Алексей, захваченный невероятной историей. Чирков и не стеснялся слёз, он несколькими движениями стёр их, с улыбкой посмотрел на своих благодарных слушателей. Глафира всё-таки не выдержала театральной паузы, спросила:

— Николай Васильевич, ну что же вы не рассказываете дальше! Что это были за люди, как они очутились на этом острове?

— Не всё сразу, Глашенька, не всё сразу. Ах, как мне приятно беседовать с вами, ребятки, я сразу чувствую в вас родственные, русские, души. Вы такие простые, доверчивые и чистые, каким я был лет тридцать назад. А теперь мне пора, у меня, как ни странно, очень много дел.

Николай Васильевич хлопнул ладонями по коленям, встал и направился к двери. В проёме обернулся:

— А вы не скучайте, можете прогуляться по острову, если захотите. И главное, не забывайте есть лечебные супы и принимать лечебные ванные дядюшки Хайфенга.

9

После того, как Эмели Черрик получила странное письмо от своего пропавшего (или не пропавшего? — сомневалась она) мужа, поведение её резко изменилось. Из взбаламошной, капризной и властной бабёнки она превратилась в тихое, задумчивое, растерянное и рассеянное существо. Она сутками могла не выходить из своей комнаты, часами бродить по вилле, забывая даже в определённое время поухаживать за своими любимыми цветами в саду и полить их, не отвечала на телефонные звонки, иногда часами плясилась в телевизор, не понимая, что происходит на экране. Несколько раз к ней пытался прорваться её распорядитель Крис, но своей служанке Лизи она томно говорила:

— Пусть убирается ко всем чертям, и передай ему, что меня трогать сейчас опасно, потому что у меня наступил переходный возраст, и пусть он подождёт, когда он у меня закончится.

Когда Лизи передала это Крису, он удивлённо пожал плечами и пробубнил под нос:

— Ничего не понимаю, какой переходный возраст, почему надо подождать. Она

сама меня теребила по десять раз на дню, а теперь... Лизи, милая, ты женщина, может, ты мне объяснишь, в чём дело, что происходит с Эмели, а?

Лизи кокетливо улыбнулась и, укладывая в шкаф свежее белье, ответила:

— У женщин есть тайны, о которых мужчины не должны знать.

— Может, это всё из-за письма? — не отставал Крис.

— Может, — уклончиво отвечала служанка.

— А может... — Крис опасливо покосился на Лизи. — А ну вас. Вас, женщин, не поймёшь, как будто вы вылеплены из другого теста.

— Не из теста, Крис, а из глины.

— Из какой ещё глины?

— Это вас из глины слепил Бог, а нас, в свою очередь, из Адамова ребра, — смеясь, отвечала Лизи.

На самом деле причин резкого изменения поведения Эмели было много. Это и письмо, которое заставило её крепко призадуматься о своей дальнейшей жизни. И дело было совсем не в деньгах. Деньги у неё ещё были, пусть и небольшие, в крайнем случае, она могла распродать свои побрякушки, которые ей надарили родные и поклонники по случаю разных торжеств.

Второй случай, который повлиял на мировоззрение Эмели, произошел, когда она с Диком пришла в частное аэрокосмическое агентство. Просторный офис посетителями не кишел, что было и понятно — не каждый космический турист мог заплатить за один трёхчасовой полёт на космоплане более двухсот тысяч долларов. При этом ощутить всю прелест свободного полёта в невесомости и посмотреть на голубую планету из чёрной бездыны космоса можно было лишь в течение нескольких минут. К тому же в последнее время у первого частного космического агентства, которое использовало для своих целей членки, запускаемые из стратосферного самолёта, появился конкурент, который предлагал такие же услуги, но несомненно более дешёвые. Он просто снова придумал «колесо», то есть стал использовать старый военный бомбардировщик, в котором при резком снижении на несколько минут тоже возникала невесомость. Ощущение космоса этот изобретатель добавлял лишь тем, что вместо иллюминаторов вставил большие мониторы, на которых воспроизводилась видеозапись, сделанная с международной космической станции.

Улыбчивый клерк, который встретил любовную пару, слегка склонил ухоженную голову и поприветствовал почему-то каждого в отдельности:

— Добрый день, миссис, добрый день, мистер. Частное космическое агентство мистера...

— Ах, оставьте ваши рекламные излияния, — перебила его бесцеремонно Эмели томным голосом. — Нам бы хотелось прокатиться... — Она покрутила над своей головой кистью белой руки. — Одним словом, слетать на самолёте в космос.

Клерк не стал её поправлять насчёт самолёта, он улыбнулся ещё шире.

— Мы всегда к вашим услугам, миссис... миссис...

— Моё имя вам знать не обязательно, — перебила она вежливые намёки на знакомство. — Мы хотим ознакомиться с условиями заключения контракта. Дик, возьми, — повелительно сказала она бой-френду, когда клерк протянул им пачку документов.

— О Боже, сколько здесь ненужных и лишних условий, — комментировала она прочитанное. — Слава Богу, что мне уже больше двадцати одного года, и не нужно письменного согласия родителей. А почему такая дорогая страховка, Дик, что, полёт этот очень опасный?

— Ну что ты, дорогая, ведь за все эти годы не было ни одного несчастного случая, — мычал под нос Дик, внимательно просматривая условия контракта. — Вот здесь написано, что нельзя брать с собой никаких личных вещей.

— Что, и косметичку нельзя с собой брать! — возмутилась Эмели. — Это безобразие, ведь я, в конце концов, женщина. А это что, нужно проходить медицинское освидетельствование? Это вообще свинство! Это издевательство над личностью, я свободный человек, я совершенно здорова, я не позволю...

— Эмели, дорогая, успокойся, — уговаривал её Дик, — это всего лишь формальности.

Но, оказалось, что именно эта формальность оказалась препятствием на пути к осуществлению их мечты полететь в ближний космос. Врач, который провёл освидетельствование здоровья Дика, сказал ему, что он годится в астронавты. С Эмели оказалось всё сложнее. Когда врач – женщина спросила её, нет ли у миссис имплантанта в груди, Эмели возмутилась:

– Какое вам до этого дело, дорогуша! Разве вы не видите, что у меня прекрасная грудь. Посмотрите лучше на себя.

Но врачи не оскорбились, она лишь улыбнулась и стала терпеливо объяснять:

– Это не праздное любопытство, госпожа Черрик. Наше агентство заботится о вашей же жизни. Мне нет никакого дела до вашей груди. Но одна из особенностей полета для женщин в ближайший космос в том, что при невесомости силиконовый имплантант начинает очень сильно увеличиваться в размерах и…

– Это очень опасно? – с тревогой в голосе спросила Эмели.

– Да. Вы не представляете, насколько это может быть опасным, – ехидно и в то же время спокойно объясняла врач. – Имплантант может просто взорваться.

– Взорваться! – чуть не задохнулась от негодования Эмели. – Но что же тогда будет со мной?

После немого ответа врача Эмели выскочила из кабинета, пронеслась мимо Дика к выходу и, не обращая на него внимания, побежала к машине. Дик бежал за ней, ничего не понимая, и кричал в спину:

– Что с тобой, дорогая? – Уже в машине он допытывался: – Эмели, ты можешь объяснить, в чём дело, что с тобой происходит?

Конечно, об имплантанте в груди она сказать своему бой-френду ничего не могла, но спасительная ложь молнией родилась в её мозгу:

– Потому что я беременна, Дик.

– Ты, беременна?! Но… как это могло случиться, ведь…

– Заткнись, Дик! – грозно оборвала она его. – Теперь это уже неважно. И пошёл ты к чёрту, понял!

– Ну, хорошо, хорошо, Эмели, я всё понимаю, но как же наша космическая прогулка, ведь мы так долго о ней мечтали.

– Забудь, – отрубила Эмели и после некоторого молчания кротко и с тяжёлым выдохом добавила: – Во всяком случае, на время.

После этого случая Эмели несколько дней хандрила, не выходя из дома и не отвечая на телефонные звонки. В сетях своих раздумий она вдруг поняла, что и друзья, и бой-френды, и знакомые просто используют её связи, деньги и положение. Поэтому она решительно, как и всегда, решила изменить образ своей жизни. Случай показать свои намерения она получила после очередного звонка её бой-френда Дика, который вкрадчиво и сексуально шептал в трубку:

— Привет, крошка. Ты ещё не засохла без меня, а? Не пора ли нам напитаться соками жизни и устроить небольшой уик-энд. А помнишь, ты обещала подарить мне аквабайк. Представляешь, мы на ночном пляже, вокруг никого, только ночь, звезды, луна и мы с тобой. А ты, как морская амазонка, на рычащем скакуне.

В другое время Эмели часами слушала бы этот ласкающий душу каждой женщины шёпот с губным пришлётыванием. Но сейчас она вдруг представила, как они уединятся в протухшей съёмной меблирашке, будут лежать в постели, пить вино, любить друг друга, а потом Дик будет снова клянчить деньги на свои прихоти. Нет, она не была ханжой, она понимала, что если в человеческом обществе есть альфонсы, и они востребованы кем-то, то это нормально. Но когда это происходит с ней, с женской преклонного возраста, это уже мерзко. Дик молод, полон сил, мужчина, что называется, в самом соку, но ведь в ней-то уже нет никаких соков: ни женских, ни душевых, ни физических, никаких. Единственные соки, которые у неё оставались, так это деньги. И ей стало так противно, оттого что молодой мужчина встречается и спит с ней только из-за денег, что она закричала в трубку:

— Всё, хватит, Дик! Ты меня достал.

— Ч.. что хватит, крошка?

— А всё! Можешь убираться из моей жизни ко всем чертям. Ты понял?
 — Я не понимаю, Эмели, чем я тебя прогневал, ведь нам вместе было так хорошо.
 — Этотебе было хорошо, гнус сосущий. Ты от меня не получишь больше ничего: ни светских раутов, ни концертов в Австралии, ни Канар, ни цента. Понял?

— Но... но ведь ты мне обещала...

— Разве между нами заключён контракт, Дик?

— Нет, но мы вместе столько...

— Не пиши, Дик, мы с тобой всего полтора года. И ты мне надоел! — закричала она в трубку, словно он был за тридевять земель. — Если ещё раз ты позвонишь мне или встретишься на моём пути, обещаю тебе ад. Прощай!

Но была ещё одна причина, по которой Эмели вдруг поняла, что на земле существуют другие ценности, кроме богатства и светской жизни. Однажды она сильно захотела в лес, в простой лес, а не задекорированный, прилизанный и подстриженный парк, по которому приятно прогуляться босиком, но в котором взгляды и памяти не за что зацепиться. Почему это произошло, Эмели не смогла бы объяснить никому.

Возможно, её повела туда память детства, когда её тогда ещё молодые родители взяли маленькую Эмели на пешую прогулку после покупки своего первого дома. Дом этот стоял на отшибе от городка, в котором они тогда обосновались, совсем рядом, за забором небольшого садика, начинался девствененный лес с его разнообразной флорой и необыкновенными запахами. Родители закинули за плечи рюзаки, а маленькую Элен предупредили, что если она станет хныкать и жаловаться на трудности, то они оставят её в лесу. Тогда девочка ещё не понимала, что это была лишь шутливая угроза, применённая в целях воспитания и для острастки, но за всё время пути она покорно шла за родителями, боясь произнести жалобное слово, хотя ей было очень тяжело подниматься в гору, потом спускаться по каменистой тропинке к речке. Тогда лес и речка её удивили. Здесь были особенные запахи, звуки и цвета, совершенно отличные от городских. Над головой, в ветвях, пели и щебетали птицы, прыгали белки, а на полянах порхали разноцветные бабочки и жужжали шмели. Тогда они заночевали прямо в палатке у речки, и она помнила, что такого сладкого сна ей переживавшие больше не приходилось за всю последующую жизнь.

Одним словом, однажды Эмели вскочила в машину, выбралась из лабиринта городских улиц, проехала по шоссе в сторону Мартинсвилла и увидела большой лес. У леса стояла ферма, к которой вела грунтовая, посыпанная щебнем, дорога. Когда она спускалась с обочины, услышала, как днище машины поскребло гравием, но не обратили на это никакого внимания. Доехав до фермы, она свернула вправо и прямо по лугу, вдоль изгороди, добралась до леса. Эмели вышла из машины, сбросила с ног туфли, пробежала босиком по траве и упала наземь. Высоко в небе плыли белые облака, похожие на тополиные пушинки, Эмели жадно вдыхала запах травы и цветов и всем телом ощущала живое дыхание и биение земли, словно она и на самом деле была живая. Тепло, спокойно, тихо, лишь жужжание пчёл над цветами да стрёкот кузнечиков нарушали эту тишину.

И в этот момент краем глаза Эмели заметила, что к ней приближается какое-то разноцветное пятно. Она приподняла голову, пригляделась и сквозь былинки травы рассмотрела, что это была девочка-афроамериканка лет шести-семи. Она подошла к Эмели и очень серьёзно спросила:

— Мэм, а вы знаете, что это наша земля?

Эмели приподнялась, опершись руками за спиной, и тоже серьёзно ответила:

— Извини, девочка, я скоро отсюда уеду, просто у вас тут так красиво. А как тебя зовут?

— Элли, — ответила девочка.

— У тебя очень красивое имя, Элли. А хочешь, я компенсирую тебе своё нарушение?

Элли поморщила лобик.

— Ты хочешь мне дать денег?

— Почему бы и нет.

— Нет, я не могу. Мне папа запретил брать деньги у чужих людей.

— Почему? — с искренним недоумением спросила Эмели.

— Как почему? Они же чужие. Чужие деньги берут только побиушки. А у нас есть своя земля, ферма, у нас много коров, мы доим молоко и возим его в город, — терпеливо, словно ребёнку, объясняла девочка. — Мы выращиваем пшеницу и кукурузу. У нас есть соседи, они побиушки, потому что вечно чего-то просят.

— А почему? — спросила Эмели, встав и отряхнув брюки.

— Потому что у них очень много детей.

— И сколько? — спросила Эмели.

Элли подняла головку, стала сосредоточенно думать, шевелить губами и загибать пальчики. Потом загнула восемь пальчиков и показала:

— Вот столько.

Эмели задумалась, потом просияла, подняла девочку на руки, поцеловала её и сказала:

— Спасибо тебе, Элли, ты очень умная и мудрая девочка.

Когда она опустила девочку на землю, та смущённо опустила кудрявую головку и побледнела, что говорило о том, что она покраснела.

— Ну, если денег ты не берёшь, хочешь, я подарю тебе вот это. — Эмели показала на бусы из красного сердолика, которые висели у неё на шее. — Это не деньги, это просто подарок. Вот, возьми, это от чистого сердца, Элли. Если ты не возьмёшь, то я очень обижусь.

Девочка осторожно, словно змею, взяла бусы, поджала в улыбке губки и сказала:

— Ладно уж.

Домой Эмели ехала, словно летела, на дороге ей удавалось всё: и повороты, и обгоны, и торможения, и даже пробки при въезде в город её не раздражали. Потому что она знала, чем сейчас займётся. Эмели не раз смотрела фильмы, в которых отрицательные герои в какой-то момент под влиянием жизненных обстоятельств вдруг становились положительными. Эмели никогда не верила в такие превращения, и в разговорах с приятельницами всячески осмеивала такой поворот событий: мол, киношники пойдут на любой трюк ради привлечения публики, они готовы превратить закоренелого гангстера в добродородчного главу семейства и наоборот.

И вот теперь она ощущала это на себе и не верила в это. А что изменилось в этом мире за последние дни? Да ровно ничего, кроме её самой. Но теперь она знала, как она будет жить и чем заниматься.

10

Сегодня Николай Васильевич Чирков разбудил их рано. Теперь Глафира с Алексеем жили в одном апартаменте, в котором умещались две кровати, стол и две табуретки, и они услышали его голос из динамика:

— Доброе утро, дорогие мои друзья. Если вы не хотите попасть в сети доктора Хайфенга, то поторопитесь, вас ждут очень интересные дела.

Глафира с Алексеем, услышав такую новость, стали быстро собираться, но в этот момент двери отодвинулись, и они увидели улыбающегося доктора Хайфенга. Он положил руку на сердце, слегка поклонился и сказал:

— Доблое утло, длузы мои. Холосо, что вы так лано встали. Сиводни у нас лецебные плоцедулы, вы будете плинимать фитотелапевтические ванны. Ланье это называлось бальнеотелапией. Плосу за мной.

— А как же господин Чирков. Он просил нас зайти немедленно, — пыталась отбиться Глафира.

— Господин Цилков здесь не хозяин. Во всём должен быть полядок, а вы больные и обязаны подчиняться мне. И без глупостей, а то я отправлю вас в калантин.

— Во вlipли, — прошептала в отчаянии Глафира.

— Придется подчиниться, жёнушка, — с улыбкой ответил Алексей.

В ванных они пролежали около часа. Глафира успела даже кемарнуть с полчаса, а когда сеанс закончился, она потянулась и сказала:

— Господи, как хорошо-то. Ты знаешь, Лёш, я как будто заново родилась. Я бы ещё с часик полежала.

Откуда ни возьмись появился доктор Хайфенг, который строго сказал:

— Больше нельзя, уважаемая Глафила. Всему есть свой пледел и нолма. Как васе самоцувствие?

— Прекрасно, доктор, — отозвался Алексей. — Я чувствую себя новорождённым.

— Вот и холосо, — сказал доктор, — а тепель мозете отплавляться к господину Цилкову. Да, и не забудьте пло суп, он будет здать вас в обед. Всего холосего.

Когда они оделись и привели себя в порядок, “пружинка”, как они успели окрестить невиданное ими прежде средство передвижения, уже ждала их. Красивый парень жестом пригласил их сесть, и они поехали: сначала по коридорам, потом по острову, затем снова по коридору. “Пружинка” остановилась, и парень пригласил их в лифт. На выходе из лифта их встретил смеющийся Чирков:

— Что, не успели избежать цепких лап доктора Хайфенга?

— Не успели, Николай Васильич, — вздохнула Глафира. — Но зато какие прекрасные процедуры, в следующий раз я сама к нему побегу.

— Что я говорил, это не доктор, а кудесник! А теперь пойдёмте, я познакомлю вас с одним человеком, — сказал Чирков.

Через несколько минут они вошли в просторное помещение, напоминающее командирскую рубку корабля. Помещение было большим и просторным, с двумя закруглёнными углами, в стене было четыре огромных, метра полтора в диаметре, иллюминатора, перед которыми были установлены пульты с разноцветными горящими лампочками, приборами и рычагами. На пульте же стояли восемь мониторов, на которых отображался сам остров с высоты птичьего полёта, океан со всех сторон, какие-то схемы и диаграммы. Перед этим пультом сидел в кресле всего один человек. Когда Чирков и Подноветные вошли, человек глянул через плечо, переложил дымящуюся трубку с одного угла губ в другой и стремительно встал. Алексей без труда назвал бы имя этого человека, потому что был он в капитанской форме, двухметрового роста, с аккуратно подстриженной бородкой и смешливым взглядом голубых глаз.

— Если не ошибаюсь, господин Делобель? — спросил Алексей.

— Да, — удивленно на русском языке и могучим басом протрубил гигант и вопросительно посмотрел на Чиркова.

Тот рассмеялся:

— Ты не удивляйся, Оливье, я этим путешественникам о тебе очень много рассказывал. Знакомься, это Алексей, это Глафира.

Гигант сделал всего два шага, хотя расстояние было приличным, пожал руку Алексею, галантно поцеловал ручку Глафире и прошептал:

— Мадам, я очень рад видеть вас на борту нашего плавучего острова. Какое удивительное имя, Глафира.

— Спасибо, — на удивление скромно и нежно ответила Глафира и тоже решила ответить любезностью. — Вы очень хорошо говорите по-русски. Я удивлена.

— О, я очень полюбил с недавних пор русский язык, — горячо говорил Делобель, глядя только в лицо женщины. — Вы понимаете, все эти европейские языки очень консервативны и, как бы это сказать, заносчивы и горды. Они не хотят ничего воспринимать из других языков, они считают себя самыми лучшими, самыми идеальными, самыми развитыми. Русский язык очень гибок, очень восприимчив, красив и метафоричен. Если англичанин скажет “он плохо сделал своё дело”, то русский скажет “сделал через пень колоду”. — Делобель громоподобно расхохотался. — Поверьте, я знаю английский, французский, немецкий, немного итальянский и испанский, но русский язык самый богатый и красивый в мире. И всё это благодаря мистеру Черрику, извините, Николаю Васильевичу Чиркову.

— Бросьте, Делобель, — прекратил словоизлияния капитана Чирков, — я тут ни

при чём. Просто у вас большие языковые способности и очень большая словоохотливость. Особенно при виде дам.

Делобель озадаченно открыл рот, обнажив крупные зубы, и произнёс:

— Да? Извините. Прошу, проходите.

Чирков приложил руки к груди и сказал:

— Вы извините меня, друзья, у меня много дел, так что я вас оставлю. Господин Делобель тоже может рассказать вам много интересного в продолжение того, что рассказал вам я. Ухожу, до встречи.

— Прошу, садитесь, — указывая на кресла, снова сказал Делобель.

Когда гости уселись и стали осматривать помещение, Делобель снова набил трубку табаком и обратился к Глафиру:

— Позвольте курить в вашем присутствии?

— Разрешаю, — милостиво согласилась Глафира, — тем более, я знаю, что у мужчины без трубы или сигареты рассказ получается менее интересным.

Делобель согласился, раскурил трубку и стал рассказывать:

— Господин Черрик уже сказал мне, что он закончил свой рассказ на том месте, когда жители острова услышали наш ответный выстрел и увидели нас. Да, мы увидели, как они радовались, как прыгали и плясали, но всё-таки мы опасались, потому что не знали наверняка, была ли это действительно пляска радости или пляска нашей смерти, может, это были обыкновенные каннибалы, и они заманивали нас в свои сети. Мы этого не знали наверняка. Ведь если бы мы к ним подошли, несмотря на нашу вооруженность, толпа могла бы разорвать нас на куски за несколько секунд. Согласитесь, что это была разумная осторожность. Мы долго не решались выходить из своего укрытия. Видно, жители это поняли, они знаками показали, что идут нам навстречу, и послали несколько человек.

Мы стали спускаться с возвышенности, чтобы пойти вдоль берега. Наконец, мы встретились с группой парламентёров. Мы осторожно подошли и стали вглядываться в лица друг друга. Аборигенов было семеро, и все они были совершенно обнажёнными и безоружными. Только один из них держал в руках какой-то странный свиток и завёрнутую в старую, почерневшую парусину вещь, похожую на книгу или журнал. Жители постепенно осмелились и стали с удивлением осматривать и ощупывать нашу одежду, оружие, сапоги, шляпы, поцокивая языками и качая головами.

Междуд собой они объяснялись больше знаками, но иногда переговаривались на каком-то странном, совершенно непонятном для нас языке. Чтобы наладить с ними хоть какой-то контакт, мы стали спрашивать их, на каком языке они могут нас понимать, но всё было напрасно. Они не понимали ни одного из языков, какими владели члены нашей команды: ни английского, ни русского, ни сингальского, ни арабского, ни французского, ни испанского, ни шведского, никакого другого. Они с удивлением вслушивались в звуки нашей речи и тоже нас не понимали, как и мы их. И что нам было делать? Мы тоже знаками дали понять, что хотим пойти в их деревню. Мы надеялись, что хоть кто-то из жителей знает какой-нибудь язык, и мы сумеем установить контакт.

По жестам аборигены поняли нас быстрее и повели в деревню, чуть ли не таща нас за руки. Жители стояли плотной толпой и терпеливо ждали нас. На обрубке дерева, покрытом затейливым узором, сидел тот самый старик, которого мы видели сутёса. По-видимому, он был здесь не только самым старшим, но и самым главным. При нашем приближении он встал, опираясь на палку, склонил голову и что-то прокаркал на вороньем языке. Мы сделали то же самое. Наш босс спросил на английском:

— Понимает ли меня кто-нибудь?

Среди аборигенов полное непонимание, недоумение, перешептывания, недоумённые взгляды. Тот же вопрос был задан на всех языках, какими владели члены нашего экипажа. Результат тот же самый. Я спросил у господина Черрика:

— И что же мы будем делать, ведь они не от мира сего?

Поразмыслив, он отозвал нас в сторону и ответил:

— Терпение, Оливье. Возможно, сами того не подозревая, мы сделали одно из

самых величайших открытий последнего времени. Я понимаю так, что об этом маленьком народе никто, кроме нас, не знает.

— Так это же сенсация, слава! — закричал я.

Но Черрик строго предупредил:

— Никаких сенсаций, никаких разговоров без моего разрешения. О нашем открытии никто не должен знать. — Он повернулся к остальным членам экипажа. — Вы слышите меня — об этих людях никто ничего не должен знать! Наша цивилизация дика, жадна и слишком не бережлива. Вы представляете, друзья мои, что будет с этими людьми, если о них узнают в мире? Сюда наедут журналисты, учёные, различные экспедиции со всего света. Этих людей начнут расспрашивать, допрашивать, исследовать, таскать по лабораториям, как подопытных крыс, их будут показывать по телевидению, как невиданных, диковинных животных. И вряд ли кто подумает об этих людях, все будут зарабатывать на них деньги, славу, учёные степени. Вспомните об индейцах Америки, обaborигенах Австралии, Океании. Где их самобытная культура, где они сами? Нет их, они растворились в толпе жадных и хватких, тех, которые думают, что они несут другим народам свою цивилизацию и свои ценности, совершенно не задумываясь о том, а нужны ли этим людям их ценности, культура, обычаи и нравы, привычки и пристрастия. Вот в чём беда. Поэтому мы будем действовать осторожно, бережно, медленно и постепенно. Вы понимаете меня, друзья?

И мы, вдохновлённые его речью, разумностью и страстью, ответили:

— Да, мы понимаем, мистер. Мы так и сделаем. Это правильно.

После этого мы вернулись к жителям, которые всё это время с тревогой наблюдали за нами. Было видно, что они боялись одного — что мы вдруг исчезнем и никогда не вернёмся. Начали мы с самого простого, со знакомства. Черрик подошёл к старейшине и, ткнув себя пальцем в грудь, сказал:

— Ник, Николай. А тебя?

Старейшина понятливо кивнул головой и ответил, тоже ткнув себя в хилую грудь:

— Бати, — и ещё раз: — Бати. — Потом он ткнул пальцем в грудь Черрика. — Ник, Ник, Ник.

Было непонятно, было это имя или его положение среди островитян, но главное, было положено начало общению, диалогу и пониманию. Все члены нашей команды тоже, по примеру нашего хозяина, стали знакомиться с жителями, называя свои имена. Я нашёл того мальчика, который обнаружил нас и благодаря которому мы соединились. Я сел на корточки на песок, он сел передо мной. Я ткнул себя пальцем в грудь, представился:

— Оливье.

Он долго не понимал, что я хочу от него: он толкал меня пальцем в грудь и смеялся, видно, принимая знакомство за детскую игру. Тогда я показал на оружие:

— Ружьё. — Потом показал на шляпу. — Шляпа. — Показал на нос. — Нос. — Взял в руку камень. — Камень.

Кажется, до парнишки дошло, что я называю предметы, и он повторил, показывая на нос:

— Нос.

Я засмеялся от радости и схватил его в охапку. Он тоже засмеялся и обнял меня. Я снова показал на себя:

— Оливье.

Он тоже показал на себя и ответил:

— Чели.

— Молодец, Чели, ты очень понятливый и умный парень. — Я показывал то на себя, то на него и, как сумасшедший, орал: — Оливье, Чели, Оливье, Чели, Оливье, Чели!

Парнишка тоже стал тыкать пальцем то в мою грудь, то в себя и повторять:

— Ливе, Чели, Ливе, Чели...

Наше общение с жителями острова продолжалось около часа. В конце концов, хозяева предложили нам победать. Неизвестно откуда появились грубо связанные

из жердей и лыка скамьи и столы, за которые нас усадили, словно самых дорогих гостей. На столах появились жареные куски козлятины, рыбы, фрукты. Из напитков был лишь кисловато-сладкий сок какого-то растения, поданный в половинке скорлупы от кокосовых орехов.

Я, конечно, удивился, откуда на этом острове кокосовые орехи, ведь на ближайшем материке, Австралии, пальмы не росли. Конечно, для Индии, Африки, Южной Америки это не диковинка, но уж слишком далеко от этих континентов расположен остров. Правда, пальмы росли в Индонезии и на Сейшельских островах, и их плоды могло занести сюда течениями, что не раз происходило в других частях планеты. Но кого бы об этом спросить.

— Подождите, Оливье, — прервал рассказ Алексей, — я так и не понял: это было племя людей, совсем неизвестное человечеству? Но как они смогли выжить в таких условиях, оторванные от всего мира?

— И правда, Оливье, всё это довольно странно, — поддержала супруга Глафира.
— Остров за тысячи километров от обжитых мест, и люди.

Оливье пынул трубкой, ласково посмотрел на Глашиу и ответил:

— Вы забегаете вперед, мадам, впрочем, как и все женщины. Всё оказалось гораздо сложнее, чем вы думаете. Мы тоже вначале так думали, но некоторые признаки цивилизации, причём, средневековой давности, заставили усомниться в наших предположениях. Первое, — это сундук, обшитый металлическими, вернее, медными, пластинами и с хорошим замком старинной работы. Второе, — это пушка, к которой прилагался порох. И третью. Вот это третья и есть самое важное. О нём я расскажу позднее.

На острове мы прожили двенадцать дней. По настоянию Николая Васильевича Чиркова, с его обитателями мы общались только на русском языке. Но не все оказались способными учениками, лишь шесть человек схватывали все понятия, что называется, на лету, другие же смогли выучить и запомнить лишь наши имена и простейшие слова. Я был очень рад, что среди этих талантливых учеников оказался и мой подопечный Чели. Правда, моё имя он тоже выговаривал не полностью и вместо Оливье называл меня Ливе.

День расставания приближался. Жители уже привыкли к нам и никак не хотели нас отпускать, да и мы привязались к ним, как к родным детям, братьям или сёстрам. Ливе целыми днями ходил за мной как хвост, и даже ночью залезал в нашу палатку, устраивался у меня под боком и засыпал. На русском он говорил очень плохо, можно сказать, выговаривал лишь несколько слов: ружьё, шляпа, сапоги, еда, дорога, Ливе, но понимал почти весь смысл сказанного. Мальчик был уже в том возрасте, когда он вот-вот должен был превратиться в подростка и, наконец, в мужчину. Я пытался объяснить ему, что в его возрасте негоже появляться голым, особенно перед женщинами, но он этого не понимал. Однажды я выпросил у одного нашего моряка, который был небольшого роста, его шорты и подарил их Чели, объяснив, как их нужно одевать и носить. Чели был в восторге. Особенно его поразил лейбл кампании, которая выпускала эту продукцию: с серебряным орлом и зелёной пальмой на чёрном фоне, и потому он норовил носить их наизнанку, чтобы товарный знак был виден всем.

Чели из всех девочек выделял одну, по имени Фрис. Было ей лет двенадцать, и в скором будущем она обещала стать настоящей красавицей. Стойная сама по себе в своём возрасте, она обладала великолепной пластикой, пропорцией тела и неповторимой грацией. У неё уже образовались небольшие розовые грудки, тело приобретало те очертания, которые сводят с ума мужчин, а тёмные, до пояса, густые волосы и огромные блестящие глаза делали её драгоценным камнем в скромном ожерелье её окружения. Чели постоянно старался попасться на глаза Фрис и щегольнуть своими новыми штанами, но она почему-то совершенно не обращала на него внимания. Чели злился, хватал её за руку и показывал на свои шорты, но та равнодушно проглатывала этикетку и снова отходила к подругам или матери.

Очень странно вёл себя старейшина Бати. Сначала он был как будто рад нашему появлению, как и все жители острова, но потом, через несколько дней, он стал с

подозрением смотреть на нас, а потом и вовсе сторониться. Он целыми сутками лежал в своём жилище, никуда не выходил и ни с кем не общался. Мы приписывали такое поведению его преклонному возрасту и незддоровью, ведь, по нашим прикидкам, было ему никак не меньше восьмидесяти лет. Общался он только с тремя старицами, которые по возрасту были младше его лет на десять-двадцать.

И вот день расставания настал. Мистер Черрик, извините, молодые люди, Николай Васильевич приказал перетащить с яхты припасы муки, масла, шоколад, крупы, пряности, сухое печенье и другие продукты. Отдали также запасную и сменную одежду моряков и всего экипажа. Босс приказал также отдать одну надувную шлюпку с веслами, бинокль и брезентовые чехлы с двух спасательных шлюпок. Один из матросов спросил, а не дать ли аборигенам ещё и несколько бочек вина. Николай Васильевич строго ответил:

— Ни в коем случае! Эти люди не знают, что такое алкоголь, и если они начнут его употреблять, то уже через поколение на этом острове не останется никого: одни просто сопьются, другие перебьют друг друга, трети начнут искать способы достать алкоголь. И тогда здоровое ядро этого маленького общества начнёт загнивать. Ведь мы же не хотим этого, друзья!

Надо сказать, что с самых первых минут пребывания среди островных жителей Николай Васильевич строго приказал алкоголь не употреблять. Даже я, не привыкший проводить день хотя бы без одной порции виски, должен был подчиниться. А для меня это было ох как тяжело!

— Что, и сейчас не пьёте? — удивилась Глафира.

— Представьте себе, — с усмешкой ответил Делобель. — Сейчас я даже удивляюсь, зачем я вообще пил эту дрянь.

— Наверно, нелегко расставаться с такой привычкой, — отозвался Алексей. — Правда, я тоже много курил, а теперь спокойно смотрю, как вы курите трубку.

— Вот-вот, — засмеялся Делобель. — А виной всему наш доктор Хайфенг и его чудодейственные лечебные ванны, ингаляции и супы. Только вот от этой трубы отвыкнуть я никак не могу. Доктор говорит, что во мне, видно, есть неугасимые гены старого морского волка. И он прав, ведь в нашей семье уже шестое поколение мужчин связаны только с морем, с океаном.

— Да ну вас, мужиков, — возмутилась Глафира. — Только и знаете, что говорить о табаке, вине и женщинах. Оливье, а что же дальше-то было, говорите скорей, а то я лопну от нетерпения.

— Хорошо, хорошо, Глаша, я продолжу, только вы, пожалста, не лопайтесь, — шутливо, но с серьёзной миной на лице, сказал Делобель. — А дальше происходило вот что. Перед тем, как нам предстояло покинуть остров, нас окружила толпа всех жителей. Были все, кроме Бати и тех самых трёх стариц. Они, по видимому, ещё не понимали, что мы упываем от них насовсем. Никто даже из членов экипажа не знал, вернёмся ли мы когда-нибудь на этот остров. Да, острожитяне, конечно, не понимали, что мы покидаем их навсегда, но они это чувствовали, как могут чувствовать все люди на земле. Одни просто угрюмо стояли в сторонке, прижимая детей к себе, вторые теребили нас, что-то пытаясь сказать нам на своем диком языке, трети откровенно плакали. У каждого из нас появился свой любимчик, и нам было очень тяжело расставаться с ними.

Мой Чели в своих любимых шортах наизнанку так вцепился в мою руку, что мне было больно. Заплаканными глазами он неотрывно глядел в мои глаза, словно пытался что-то спросить: вернусь ли я, не возьму ли его с собой, не покидаю ли я их навсегда. Мне и самому было невыносимо тяжело расставаться с этим маленьким, затерянным на нашей Земле народцем, и особенно с Чели. Я еле сдерживал слёзы и, пытаясь выглядеть весёлым и непринуждённым, выдавливал улыбку, хотя, я чувствовал это, она наверняка походила на гримасу шимпанзе. Наконец, Николай Васильевич со вздохом сказал:

— Пора, ребята.

Мы стали уходить по берегу, толпа двинулась за нами. И вдруг в этот момент мы

услышали какой-то странный крик, похожий на стон раненой птицы. Мы остановились, обернулись и увидели, как к нам идут четверо: Бати и трое пожилых людей. Двое из них несли в руках какие-то странные предметы, завёрнутые в полуистлевшие куски материи, третий помогал передвигаться Бати, который тяжело, со стоном, шёл к нам, опираясь на палку. Все жители раздвинулись, образовав проход к нам.

Вот двое юношей побежали и вскоре принесли тот самый резной чурбак, на котором нас в первый день встречал старейшина, и который, видно, служил ему троном. Бати тяжело сел на свой стул и знаком приказал одному из стариков что-то сделать. Тот кивнул головой, развернул старую, пожелтевшую материю, и мы увидели необыкновенной красоты, инкрустированную драгоценными камнями и слоновой костью саблю в ножнах. Мы все растерянно переглянулись, не зная, что предпринять. Николай Васильевич спросил, показывая на себя:

— Это нам?

Бати только кивнул головой. Чирков взял подарок в руки, легким кивком поблагодарил старейшину за поднесённый дар и вынул саблю из ножен. Было видно, что сабля была хорошей работы какого-то старинного мастера, эфес его представлял собой длинную галеру с бычьей головой с раздутым косым парусом. На самом клинке с двух сторон были надписи, с одной стороны, к удивлению Чиркова, на английском языке “that will do!”, с другой — “carat espino”, по-видимому, на латинском. Первая надпись переводилась как девиз: “довольно, делай, что хочешь!”, вторая подтверждала принадлежность сабли некоему капитану Эспиносе. Но как две надписи на двух языках, один из которых уже давно мёртв, оказались на одном оружии?

— Это уже годы спустя, друзья мои, — продолжал Делобель, — один из специалистов подтвердил, что эти надписи наносились в разное время и разными людьми. Надпись на латинском, более древняя, делалась способом насечки, а вторая надпись, на английском, была более поздней и делалась методом гравировки. По всей видимости, изначально оружие принадлежало какому-нибудь конкистадору, промышляющему в Новом Свете, а затем во время боя перешло в руки английского морского офицера. Ведь не секрет, что военные морские суда Англии в семнадцатых-девятнадцатых веках занимались пиратством, или попросту разбоем. Видно, в одном из таких абордажных боёв оружие и сменило владельца.

— Очень интересно, — с сияющими глазами, возбуждённо прервала рассказ Оливье Глаша. — А как же оно на остров-то попало?

— Вот и мы поначалу этого не могли понять, — поддержал разговор Делобель. — Не могли нам этого объяснить, по понятным причинам, и островитяне. Одно было понятно, что это оружие было с богатой и непростой историей. И хотя сталь была высокого качества, на лезвии были видны зазубрины, что говорило о том, что оно не раз применялось в яростной схватке противников.

Второе, что преподнесли нам островитяне, была самая пушка, с помощью которой они подали нам сигнал, и старинный прибор для определения углов между горизонтом и светилами под названием градшток. Прибор этот напоминал маленькую мачту корабля с реями, в давние времена моряки называли его ещё “посохом Иакова”. Пушка была совсем маленькой, от силы сантиметров пятьдесят длиной, и служила она, скорее всего не оружием, а сигнальным средством приветствия при встрече с другими кораблями или в тумане. Но самое важное, что мы рассмотрели на этих предметах, так это надписи. И на пушке, и на градштоке были надписи “Сан-Антонио”. По-видимому, это было название корабля. Конечно, это вряд ли был один из знаменитых кораблей Магеллана, который в шестнадцатом веке совершил первый кругосветный поход.

Но самое интересное нас ожидало впереди. Бати с волнением и дрожью в руках приказал передать нам свёрткот. В этом свёртке из старой парусины среди сухих листьев, которые, по-видимому, служили средством для отпугивания вредных насекомых и отбора излишней влаги, которая могла бы причинить вред, мы нашли книгу в дорогом кожаном переплётё с медными застежками и судовой журнал судна “Сан-Антонио”.

— Мамочки! — снова не удержалась от возгласа Глафира. — И что же там было? Говорите же скорее, Оливье...

— Иначе вы лопнете от нетерпения, — закончил за женщины Делобель и рассмеялся басовитым смехом. Он посмотрел на настенный морской хронометр. — Нет, дорогая мадам, сейчас наступило время лецебного супа доктора Хайфенга, и он не простит нам, если мы его пропустим.

— Ну, хотя бы коротко расскажите, что было в этих книгах, — умоляла Глаша.

— Увы, Глаша, — развел руки капитан, — это уже не моя компетенция.

— А чья же, — не отставала Глафира.

— Послушай, милая, остыни, — остановил супругу Алексей. — Пойдём в столовую. А вам, Делобель, большое спасибо за очень интересный рассказ.

11

Американский авианосец “Энтерпрайз” в сопровождении эскадры поддержки уже неделю шёл к Персидскому заливу, где очередная непослушная страна показала Америке зубы. Верная своим принципам и традициям, США решили “прочути” нашкодившего ребёнка, который не хотел учить уроки американской демократии. Так как эскадра в момент приказа располагалась на одной из баз у оконечности Южной Америки, командование решило идти не через Атлантику, а южным путём. Обогнув африканский мыс Доброй Надежды, остров Мадагаскар и Маскаренные острова, соединение повернуло на север. Погода стояла отличная, почти с полным штилем, с дальней проглядываемостью и с беспощадным экваториальным солнцем.

Весь личный состав соединения изнывал от нестерпимого зноя, матросы голыми бродили по раскалённым палубам, с восходом захода солнца плескались в бассейнах, но это мало им помогало. Мало выручали и кондиционеры, поглощавшие львиную долю энергии электроустановок, потому что железные громадины раскалялись так, что даже вода, почти беспрестанно лившаяся на палубу, мгновенно испарялась. Именно в это время командование почему-то решило провести тренировочные полёты палубных бомбардировщиков и истребителей. Лётчики обрадовались, ведь там, на высоте, — свобода, прохлада, необъятное небо, смена надоеvшего пейзажа, а обслуживающая команда авианосца взвыла — работать в таких условиях было свыше их сил. Некоторые матросы говорили, что они скорее бы согласились сесть на электрический стул, чем заниматься работой в таких адских условиях. Тем не менее, приказ есть приказ, и если его не выполнить, то матрос может не получить обещанных премиальных за выполнение специального задания.

Лётчик, капитан Джон Ригерт, тоже получил приказ на вылет. Он обрадовался не столько самому вылету, сколько смене обстановки. Ему надоели эти праздно шатающиеся по этажам матросы, не знающие, куда себя деть от безделья, их варёные морды, надоели сослуживцы-летчики, рассказывающие надоевшие до оскомины сальные анекдоты и приглашающие сыграть в очередную партию бриджа. Ему надоело всё, что может надоест военному человеку, прослужившему в авиации более двадцати лет. “Скорее бы на пенсию”, — часто думал Ригерт.

И вот его самолёт на палубе, ревут двигатели, натянута катапульта. Старт! Самолёт рванулся вперёд, словно его за ниточки дернули сотни богатырей-гигантов. Джон почувствовал, как чудовищная сила прижала его к сидению, тело как бы сплющилось, кровь ударила в голову. Но это длилось лишь несколько секунд. Наконец-то пилот увидел под собой морскую гладь, ослепившее его солнце, голубизну неба. Самолёт несколько минут набирал высоту, затем перешёл в плоский полёт. Давление упало до нормального. Ригерт выверил по прибору курс, установил автопилот и глубоко вздохнул. Высота была небольшая, всего шесть тысяч футов, и кислородная маска не понадобилась. Джон почувствовал комфорт от бортового кондиционера, лёгкость и чувство полёта. Это чувство он очень любил, и это было единственным чувством, которое его связывало с авиацией, ну, разве что ещё хороший заработок и небольшой срок до пенсии.

В первый раз Ригерту довелось побывать в деле во время операции “Буря в пустыне”, когда пришлось бомбить мирные города, чтобы дать отстартку зарвавшемуся диктатору Хуссейну. Это была просто работа. Он пускал ракеты по колоннам танков, по зенитным установкам, по бетонным укрытиям. Однажды ему дали приказ разбомбить здание в городе, где, по данным разведки, размещался оперативный штаб армии Хуссейна. Он запустил две ракеты с точным наведением и, к своему ужасу, увидел, что из здания выбегают ошалевшие от ужаса и окровавленные мирные жители: женщины, дети, старики. Правда, среди них было и несколько людей, вооружённых автоматами Калашникова и гранатомётами. Тогда Ригерт впервые почувствовал отвращение к войне и к своей работе. Но потом он долго убеждал себя, что лётчик — его профессия, что главное дело военного — громить врага, что он только выполнял приказ. И если бы этот приказ не выполнил он, то нашелся бы другой лётчик, и на этих людей сыпались бы те же бомбы, только с другого самолёта, управляемого другим лётчиком. Но чувство своей ущербности и вины так и осталось в нём с тех пор, хотя он этого никому и не показывал. Он так же бравировал своими подвигами, как и другие военные, участвовавшие в той кампании, рассказывал о войне “крошкам” и сам же восхищался собой после очередной порции спиртного. Тогда же он вполне серьёзно подумывал уйти из армии, но куда идти, если он больше ничего не умеет делать, кроме как летать и убивать.

Об этом размышлял военный лётчик Ригерт, когда летел над океаном. Задание у него, собственно было простое: произвести разведку на сто миль восточнее и юго-восточнее того места, где находилась эскадра, по возможности, обнаружить русские, китайские, индийские корабли или подводные лодки, доложить об их месторасположении командованию и вернуться назад. Да это не задание, не боевая задача, а просто отдых, усмехнулся про себя Джон. А вот и граница его действий. Слава святой Марии, — всё чисто и спокойно. Ригерт заложил выражение вправо и полетел на юго-запад. Он смотрел вниз и видел небольшие островки, суда, курсирующие по оживлённому морскому пути. Чтобы определить тип и принадлежность судов, Ригерту приходилось снижаться до минимальной высоты и на бреющем полёте проходить над ними. По этим маневрам Джон сразу определял, какими судами командовали старые капитаны, а какими безусые новички. Одни суда шли прямо, не обращая внимания на металлическую птичку, вторые шарахались в сторону или вовсе замедляли ход. Ригерт почмевался и думал про новичков: “Ничего, пусть привыкают”.

Джон посмотрел на приборы: ну, кажется, задание его выполнено, пора возвращаться на авианосец. Он доложил “Элберту” о возвращении, набрал высоту, сделал разворот на восток, а затем на север. Он летел спокойно, лишь иногда поглядывая вниз. Вот под крылом проплыл крошечный, затерянный в огромном морском пространстве, островок. “Интересно, живет ли кто на нём? — подумал Ригерт. — Вряд ли, слишком он маленький”. Но что это?

Недалеко от острова он увидел странный серебристый предмет, похожий, похожий... На что был похож этот предмет, Джон так и не определил. Он даже не понял вначале, что это было: судно на поверхности океана, летательный аппарат или просто блик от солнца. Сначала предмет казался неподвижным, но потом лётчик увидел, что он всё-таки движется, но по какой-то странной траектории и со странным ускорением: сначала предмет зависал в одной точке, потом с невероятной скоростью уходил резко в сторону, а затем почти под прямым углом менял направление.

И предмет, и остров постепенно упливали из-под крыла истребителя.

— Нет, так дело не пойдёт, — вслух сказал самому себе Джон, — надо рассмотреть поближе, что это за штука такая.

Ригерт посмотрел на приборы — топлива было мало, что называется, в самый обрез, чтобы добраться до места и произвести посадку. Но любопытство взяло верх, и Ригерт пошёл на разворот с резким снижением. “Эх, и попадёт мне за самовольство”, — подумал Джон, производя маневр. Так, где эта штука? Ригерт долго искал и, наконец, нашёл её. Со снижением он чётко увидел серебристую четырёхконечную звезду с четырьмя кругами на каждом луче. Она напоминала знак, которым географы

обозначают четыре стороны света, но этот знак маневрировал и маневрировал очень осознанно.

— Чёрт подери, — изругался Ригерт, — да что же это такое.

Он решил связаться с плавучей базой, потому что случай был слишком неординарным и тревожным.

— “Элберт”, “Элберт”, я “Кондор-3”, я “Кондор-3! Наблюдаю необычный летательный объект, наблюдаю необычный летательный объект.

В ответ Джон услышал:

— Слыши вас, “Кондор-3”. Надеюсь, это не УФО? — последовал насмешливый вопрос.

— Чёрт возьми, я и сам не знаю, что это такое, — разозлился Ригерт. — Но штука эта действительно очень странная, она может зависать на месте, быстро перемещаться и менять углы направлений. Вот она, вот она, я снова её вижу!

— Джон, успокойся, — ответил абонент. — Сними координаты и, если возможно, сделай снимки. Это, во всяком случае, будет объективно, и над тобой никто не будет смеяться. Какая-нибудь привязка к местности есть?

— Да, совсем рядом небольшой островок, тоже странный какой-то, треугольный. Его как будто по линейке вычертили.

— Слушай, Джон, тебе не кажется, что у тебя сегодня день странностей, а? Странный объект, странное движение, странный остров. А на нём нет, на всякий случай, аэродрома?

— Это не смешно, — ответил Ригерт и снова изругался: — Чёрт, он исчезает, он тонет! — И выключил связь.

В самый последний момент Ригерт успел сделать несколько снимков и увидел, что объект наблюдения исчез. Он даже не понял, утонул он, сел на остров или просто улетел. Объект просто исчез, растворился, словно бы распылился над океаном, возможно и утонул, потому что Джону показалось, как летающий объект словно бы заходит на посадку, но не дотягивает до кромки острова.

Ригерт взглянул на прибор и снова изругался. Нет, сегодня не день странностей, а день нервов и ругани. Не хватало ещё свалиться в океан. Джон взял точное направление и постепенно стал набирать высоту. Там, наверху, более разреженный воздух, значит, двигатели будут меньше потреблять топлива, значит, он, “Кондор”, обязательно дотянет до Скалистых гор, до вершины Элберт, где находится его гнездо.

12

Сегодня Глафира приболела. Алексей спросил:

— Что с тобой?

— Не знаю, что-то живот тянет.

— Может, уже того, — с испугом предположил муж.

Глафира с болезненной гримасой на лице рассмеялась:

— Сам ты того. Сроки еще не подошли. Просто, видать, перетрудилась вчера. Эта маленькая шельма Кела заставила меня полоть вместе с ней грядку с морковью.

— Что же ты... Я пойду, позову доктора Хайфенга.

— А вот этого не надо. Как только я его вижу, мне худо становиться. Я уже боюсь, что он посадит меня на какой-нибудь лекебный горшок или заставит бежать лекебную стометровку.

Алексей поднялся.

— Ну ладно, мать, ты тут тогда пострадай одна, а я пойду к Николаю Васильичу. Он обещал мне показать что-то необычное и интересное.

— Ой, и я с тобой, — приподнялась было Глафира.

— Да лежи уж. — Алексей насилием уложил жену обратно в постель. — Обещаю тебе обо всём в подробностях и во всех нюансах рассказать.

Чирков, лишь поздоровавшись, сразу предложил:

— Пойдём, Алёша, я покажу тебе одну чудо-машину.

Они ехали на "пружинке" минут десять, пока не остановились перед зелёной металлической дверью. Войдя в неё, они очутились в огромном тёмном ангаре. Ангар был прямоугольным и длинным, метров двадцать на пятьдесят, с одной покатой стороной. Чирков включил свет, и в ярком освещении Алексей увидел необычный аппарат. Внешне он был похож на самолёт, только без привычных крыльев и хвостового оперения. Матово-серебристый корпус машины представлял из себя большую четырёхлучевую звезду, стоящую на трёх шасси, напоминающих колёсники от передвижных столиков, которые могли поворачиваться вокруг подвижной оси. Под лучами были подвешены какие-то цистерны каплевидной формы. В центре этой звезды возвышался прозрачный колпак-полусфера, служивший, по-видимому, кабиной. Алексей с удивлением осматривал машину, потом спросил:

— Николай Васильич, что это за агрегат такой непонятный: и самолёт и не самолёт, звездолёт и не звездолёт?

Чирков с удовлетворением рассмеялся.

— Для того чтобы понять, Алёша, лучше всего на этом агрегате прокатиться. Не так ли? Русский ведь как оценивает вещь: лучше один раз пощупать да попробовать, чем тысячу раз увидеть. Так что давай, подвигай вон ту лесенку. — Чирков показал на небольшой трап на колёсах.

Когда забрались на плоскость аппарата, Николай Васильевич дёрнул за рычаг около полусферы, и та медленно открылась.

— Ну, — сказал Чирков, — гостю, как говорится, через порог первый шажок.

Алексей залез внутрь полусферы. Кабина была просторной, на восемь кресел, которые, кроме двух, находящихся перед панелью приборов, располагались в шахматном порядке. Алексей сел в переднее кресло, осмотрел приборы и заметил:

— И всё-таки это самолёт, Николай Васильич. Только я не понимаю, а где же аэродром или хотя бы взлётная полоса, откуда мы взлетать будем?

— А вот сейчас и увидишь, — ответил Чирков, усаживаясь в соседнее кресло.

Пилот нажал на кнопку стартёра, и Алексей услышал слабый шум работающего мотора. Он ожидал услышать рёв авиационного двигателя, но двигатель работал ровно и тихо, словно у легкового автомобиля. Чирков нажал ещё одну кнопку, и покатая сторона ангара стала медленно подниматься вверх, открывая морской простор. Теперь пол ангара и правда напоминал взлётную полосу, но слишком уж короткую, чтобы набрать скорость и взмыть вверх. Алексей, конечно, имел представление об авианосной авиации, но палуба авианосцев все-таки похожа на настоящую взлётную полосу, да и катапульта там есть. А здесь...

Увидев растерянную физиономию Алексея, Чирков хлопнул рукой по его колену, громко и ободряюще сказал:

— Не дрейф, казак, атаманом будешь! — Он нацепил на голову микрофон, нажал на кнопку, спросил: — "Айсберг", как горизонт?

— Горизонт чист, волнение три балла, ветер ост — норд-ост, скорость 7.2 метра в секунду.

— Разрешите взлёт?

— Взлёт разрешаю, — послышалось в ответ.

— Хорошо, — уже самому себе сказал Чирков, — тогда поехали, как сказал наш великий земляк Юрий Гагарин.

После этих слов Чирков нажалещё одну кнопку, что-то зажужжало, летательный аппарат вздрогнул, и Подноветный увидел, как на концах всех четырех плоскостей появились четырехлопастные винты, похожие на лопасти вертолёта. Алексей хотел спросить, что это такое, но не успел: Николай Васильевич нажал на педаль газа. Аппарат тронулся, выехал из ангара — Алексей с облегчением увидел, как закрутились лопасти на концах — и легко поднялся в воздух. Подноветный десятки раз летал на самолётах и вертолётах. На самолётах взлётная перегрузка достигает такой величины, что она вжимает человека в сиденье, уши закладывает, а в голове появляется шум, в вертолётах, даже пассажирских, можно было оглохнуть от вибраций и грохота двигателей, ведь сам вертолёт представляет из себя не что иное, как летающий двигатель.

На этом же невиданном аппарате Алексей ощущал себя словно в родной колыбели: ни грохота двигателей, ни перегрузок, ни шума, ни вибраций, которые так пугают пассажиров, только восторг, спокойствие и ощущение того, что не аппарат, а сам человек расправил свои невидимые крылья, оттолкнулся от земли и полетел.

В первые минуты Алексей не мог сказать ни слова, его переполняли неведомые до этого мгновения чувства, которые он смог определить только двумя словами — захватило дух. Он с удивлением смотрел вниз, где двигались волнообразные пенистые линии, на небо, чистое и спокойное, на горизонт, словно приподнимающийся вместе с ними. Наконец Алексей посмотрел на Чиркова и спросил:

— Николай Васильевич, что это за чудо-аппарат?

— Я, Алёша, называю его очень просто — “стрекоза”. Как, нравится?

— Не то слово, это просто волшебство какое-то! Но я, честно говоря, так и не понял, как это чудо летает.

— Просто, Алёша, очень просто, — ответил Чирков. — По сути, это обыкновенный автожир. Такой аппарат придумали очень давно, это смесь вертолёта и самолёта одновременно. Тяговое усилие даёт горизонтальный двигатель, а лопасть пропеллера создаёт подъёмную силу, вот и вся премудрость. Я давно заметил, что человечество часто зашорено в своей технической мысли. Вот изобрели крыло, пропеллер, и всё. Несколько веков назад человек полетел на воздушном шаре, но им нельзя управлять, он летит по воле ветра, а не по воле человека. Затем изобрели дирижабли, у которых есть двигатели и которым уже можно управлять, но они неэффективны да к тому же, как оказалось, опасны. Дошла очередь до самолётов, а потом и до вертолётов. Для самолёта, чтобы он полетел, нужны крылья и мощные моторы. Для того чтобы взлететь, нужны колоссальные мощности, не меньшие усилия нужны и для того, чтобы летательный аппарат двигался. Но уж больно неудобен самолёт, для него нужны огромные аэродромные комплексы, обслуживающий персонал, да и не так уж он безопасен, в чём стараются нас убедить авиакомпании. Ежегодно разбиваются десятки самолётов и гибнут сотни и тысячи людей.

Казалось бы, прекрасная штука вертолёт, не надо ему аэродромов, специальных взлётно-посадочных полос, но, по сути, вертолёт — это летающий мотор, который большую часть своей энергии затрачивает на то, чтобы поднять самого себя. Незэффективная вобщем-то машина. Но она иногда необходима, и потому человек с этим мирится.

— Вот тогда-то, Алёша, я и задумал создать некоторый гибрид, — продолжал Чирков после нескольких минут молчания.

— Так это делали сотни раз, — перебил рассказчика Алексей. — Создавали и вертолёны, такие гибриды самолётов с пропеллерами на концах крыльев, самолёты с вертикальным взлётом.

— В том-то и дело, Алёша, что конструкторы пытались скрестить орла с ежом. Возьмём, к примеру, тот же самолёт с вертикальным взлётом. Ты представляешь, какую энергию надо затратить, чтобы просто оторвать этого монстра от земли, а потом перевести в горизонтальный полёт и набрать нужную скорость. Столько же энергии, если не больше, нужно затратить при посадке. То же самое происходило и с вертолётами. Я же пошёл другим путем. Сначала я спроектировал фюзеляж. На что он похож?

— Больше на тарелку или четырехлучевую звезду, — ответил Алексей.

— А ты видел, как летают тарелочки при стендовой стрельбе или когда мальчишки пуляют крышки от жестяных банок? А какой принцип полёта бумеранга?

— Да, они летят.

— Не просто летят, а планируют. И тогда я подумал, а почему бы не создать такую крышку и не приделать к ней лопасти и маломощный двигатель. При этом четыре винта на оконечностях звезды выполняют роль крыльев. Моя “стрекоза” может маневрировать в любых направлениях. Вот смотри, я беру левую ручку на себя. Что происходит? — спросил Чирков.

— Мы поднимаемся, — ответил Алексей. — Только поднимаемся как-то странно, без наклона и натуги, нас поднимает словно пушинку.

— Верно. А теперь я двигаю левую ручку вперед.

— Мы опускаемся, опускаемся! — закричал Алексей. — Ой, чёрт побери, мы у самой воды! Ещё немного и врежемся!

Чирков довольно рассмеялся и пояснил, набирая высоту:

— А ведь и здесь всё просто. Эти четыре пропеллера выполняют не только роль крыла, как у вертолёта, но и при одинаковой скорости летательного аппарата позволяют снижаться или подниматься. При этом двигатель, чувствуешь? работает почти на одних оборотах. А теперь еще один фокус-покус. Внимание!

Алексей почувствовал, как пилот совсем сбросил газ, машина на ротации пошла вниз, а кабина развернулась на сто восемьдесят градусов. Он почувствовал, как по всему телу поползли мурашки страха, а адреналин ударил в голову, опьяняя его. Почти у самой воды Чирков снова нажал на газ, и “стрекоза” начала набирать скорость и одновременно подниматься.

Чирков снова начал объяснения:

— Наша кабина вместе с двигателем и соплом развернулась на сто восемьдесят градусов, и мы летим уже в обратном направлении.

— А у этих пропеллеров нет никаких движителей? — спросил Подноветный.

— В настоящее время нет, они находятся в свободном вращении и выполняют одновременно роль крыла, подъёмных и тормозящих плоскостей. На крайний случай, у каждого винта есть электродвигатель малой мощности, при включении которых машина может резко набрать высоту или, при отказе основного двигателя, плавно, на ротации, опуститься вниз.

— А как же они работают, если отключится двигатель? — с недоумением спросил Алексей.

— От аккумуляторов, а при работающем двигателе от генератора, — пояснил Чирков.

— Но это же совершенно безопасная машина, — с восторгом сказал Алексей.

— Я с тобой совершенно согласен, Алёша, — с удовольствием согласился Николай Васильевич. — Мало того, при отказе одного из пропеллеров пилот отключает второй, противоположный и, благодаря великолепной центрации всего летательного аппарата, наша “стрекоза” все равно мягко и безопасно приземляется. Эта птичка, — Чирков похлопал рукой по приборной доске, — может садиться в любом месте, даже на воду. Конечно, если волнение не слишком сильное.

— Уж не для этого ли на животе у вашей птички сделаны пузыри в виде капель? — спросил Алексей.

— Именно для этого, ты угадал, Алёша, — ответил Чирков и посетовал: — Правда, максимальная скорость у нашей “стрекозы” маловата, всего триста километров в час. Но зато почти стопроцентная безопасность, небольшой расход топлива и комфорт. По этому принципу можно делать аппараты для перевозки огромного количества пассажиров. Да, они проигрывают в скорости, но разве для пассажиров безопасность не на первом месте? Скорости нужны на военных машинах, истребителях, штурмовиках. Какая разница, пролетит ли пассажир через Атлантику за пять часов или двенадцать, главное — это прибыть на место целым и невредимым. В погоне за скоростями, Алёша, человечество, на мой взгляд, потеряло гораздо больше, чем приобрело. Вспомним хотя бы проекты “Конкорда” и ТУ — 144. Чем они закончились? Природу не обманешь, в каждой среде — водной или воздушной — есть свои пределы и не нужно их обязательно перебарывать, им нужно просто разумно подчиняться.

В этот момент в наушниках раздался голос диспетчера:

— “Стрекоза”, внимание, внимание! На удалении семидесяти миль от вас появился летающий объект. По всей вероятности, истребитель. Срочно возвращайтесь.

— Чёрт побери, — выругался Чирков, — что-то мы с тобой увлеклись. — И в микрофон: — Я вас понял, “Айсберг”, возвращаемся домой. — И уже не то себе, не то Алексею: — Откуда здесь взялся этот истребитель. Поблизости на тысячи миль нет

ни одной базы. Будет плохо, если он нас засечёт. Всё, летим домой. А ты посматривай по сторонам, Алёша, на всякий случай, чёрт его знает, что на уме у этого лётчика.

Когда подлетали к плавающему острову, Алексей, вертевший во все стороны головой, вдруг закричал:

— Вон он, вон летит!

— Надеюсь, он нас не заметит, — ответил Чирков, залетая на “Стрекозе” в ангар...

Но удивления Алексея в этот день не закончились. Как только самолёт-разведчик исчез за горизонтом электронной видимости и сам остров для безопасности сменил курс, Чирков снова позвонил в келью и сказал:

— Алёша, если ты хочешь увидеть ещё одну занятную игрушку, то приезжай на верхнюю площадку рядом с капитанским мостиком.

— Хорошо, я уже еду, Николай Васильевич.

Чирков ждал его под стеклянным куполом вместе с высоким, тощим человеком, похожим на поставленную на попа спичку. Последний при виде Алексея переломился пополам и, пожав протянутую руку, представился:

— Арвидас Крастиньш, физик-практик.

Когда Крастиньш снова выпрямился, Алексей взглянул в большие, бездонные серые глаза физика и ответил:

— Подноветный, Алексей, невольный путешественник.

Арвидас рассмеялся, широко открыв гуттаперчевый рот и обнажив широкие зубы:

— Я уже слышал о ваших приключениях. Кто-то попадает в них по воле судьбы, а кто-то, как я, по своей воле. — Он взглянул на Чиркова. — Благодаря господину Черрику.

Николай Васильевич обратился к физику:

— Как ваш шарик, сегодня он, надеюсь, в хорошем настроении?

— Да-да, конечно, — чётко пропечатывал согласные буквы в своём прибалтийском акценте Крастиньш. — Сегодня он у меня не капризничает.

— Так покажите его нашему гостю, — предложил Чирков.

— Конечно, конечно, — выговаривал Арвидас, словно он говорил о конечной остановке трамвая. После этого он засуетился около пульта, что-то нажимая и переключая, а Алексей в это время осматривал помещение под стеклянным куполом, стараясь найти в нём хоть что-то, представляющее интерес и внимание. Но ничего не нашёл, кроме прозрачной трубы в самом центре, которая шла откуда-то снизу и через потолок выходила наружу. Несколько минут ничего не происходило, но вот Алексей начал ощущать кожей странное покалывание, отчего он начал вертеться и чесаться. Заметив это, Арвидас заметил:

— Не беспокойтесь, господин, господин...

— Зовите меня просто Алексеем, — помог Подноветный.

— Хорошо, Алексей. Прошу не беспокоиться, это просто в наше помещение просачивается магнитное поле, оно совершенно не повредит вашему здоровью. А теперь внимание.

После этого физик взял в руки пуль с десятком кнопочек, очень похожий на пультики для управления игрушечными воздушными моделями, и нажал на кнопочку. Алексей увидел, как прозрачная труба засветилась сначала тёмно-синим, затем голубым, красным, оранжевым цветами. А затем из глубины прозрачной трубы медленно стал выплывать светло-оранжевый шар. Этот шар был живым, он одновременно вращался, сжимался и разжимался, словно огромная, раскалённая капля расплавленного металла. Он трещал, гудел, но не испускал никакого жара, он был просто холодным и напоминал шаровую молнию. Алексей почувствовал, что на его голове начинают подниматься волосы, он схватил их руками, словно боясь, что они оторвутся сейчас от его кожи и улетят. Но то же самое происходило и у его спутников: рыжеватые кудри физика зашевелились и пополнели, словно надутые летучим газом, а седая шевелюра Чиркова, словно у мифической медузы Горгоны, превратилась в шевелящихся серебристых змеек.

— Что это? — спросил Алексей, чувствуя, что в его голосе звучит ужас.

— Ничего страшного, — ответил физик, — это всего лишь искусственный плазмоидный шар.

— Это не... это не шаровая молния? Она нас не убьёт?

— Что-то похожее, ведь шаровая молния — это тоже плазма, сгусток положительно и отрицательно заряженных частиц, не более того. Но наш шарик прирученный. Он будет делать только то, что мы ему прикажем, — спокойно ответил Арвидас. — Вот, смотрите.

Физик нажал кнопку, и шарик стал подниматься по трубе вверх, вылетел наружу и повис в воздухе. Алексей увидел, как плазмоид стал постепенно удаляться от них. Арвидас объяснял:

— Вы думаете, что он движется? Нет, ни в коем случае, это движемся мы вместе с планетой, а наш плазмоид просто висит на месте. На него не действуют ни земное притяжение, ни магнитное поле, ни ветер. Он живёт как бы сам по себе. То есть движется всё вокруг него, а он просто висит, затрачивая минимум энергии. А теперь смотрите.

Физик нажал другую кнопку, и плазмоид в одно мгновение переместился на несколько сотен метров вверх, ещё одно нажатие кнопки — и плазмоид завис над островом. Арвидас нажимал кнопки, а шарик скакал в воздухе, словно мячик.

— Очень похоже на неопознанный летающий объект, — сказал Алексей. — Хорошая игрушка, только и всего. Но какая от него практическая польза?

Крастиныш мгновенно оживился, зажестикулировал длинными руками.

— А вот это и есть самое интересное. Представьте себе, что в этом плазмоиде находится летательный аппарат. Или, если вам будет так понятнее, построен летательный аппарат, который может создавать вокруг себя плазменное поле. Тогда этот аппарат не будет чувствовать притяжения земли и сопротивления воздуха, его будет достаточно лишь приподнять над землёй, и он будет пассивно перемещаться за счёт того, что вращается сама Земля. То есть, за двадцать четыре часа при пассивном зависании он обогнёт земной шарик. Правда, такое перемещение будет односторонним — с запада на восток, потому что Земля вращается лишь по часовой стрелке. Но если ему придать ускорение, скорость плазмоида умножается на скорость вращения планеты, и ему достаточно нескольких минут, чтобы достичь любой точки земли.

— А в космосе он летать может? — спросил Алексей, потрясённый увиденным.

— Конечно, — без тени сомнения ответил физик. — Достаточно лишь придать ему необходимое ускорение. При этом не понадобится никаких ракет и космодромов. А скорость его может достигать скорости света. Правда, для освоения обитаемых планет в других Галактиках и такой скорости маловато, но для освоения солнечной системы этого вполне достаточно. Вы только представьте, что для полёта на Луну будет достаточно несколько секунд.

— А где же наш шарик? — спросил Алексей, оглядывая небо. — Пока мы с вами говорили, он куда-то исчез.

— Не беспокойтесь, — ответил Арвидас, нажимая ещё одну кнопочку на пульте.

— У нашего шарика есть система автопоиска.

И верно, через несколько секунд плазмоид появился на горизонте и завис над островом. Крастиныш самодовольно улыбнулся.

— Не поверите, Алексей, — сказал он, — но за то время, что мы с вами разговаривали, мой плазмоид побывал над Мадагаскаром и Африкой. А теперь ему пора на покой.

Алексей увидел, что шар постепенно стал снижаться. Вот он завис над куполом и медленно стал входить в прозрачную трубу. Треща и переливаясь всеми цветами радуги, он прошёл через трубу и исчез в чреве острова. Арвидас нажал на пульте красные кнопки, и скоро всё стихло.

С раннего утра Алексей сел за компьютер, перенёс все фотографии и видеоролики с цифрового фотоаппарата на жёсткий диск, а потом на флешку и стал записывать свои впечатления. Глафира лежала на кровати, сопела, подложив руку под голову и

свернувшись в коленях. Так, с какого же места начать, решал Алексей: с того момента, когда они решились на эту морскую авантюру, с катастрофы в океане или с пребывания на "свином" острове? А может, начать с того, как они попали на этот странный плавучий остров? После долгих и мучительных размышлений Алексей решил записывать все события в дневниковом жанре, а уж потом всё собранное обработать. Всё, что произошло с ними за последние месяцы, было так необычно и интересно, что так и просилось на бумагу, в печать, в журнал, чтобы об этом смогли узнать тысячи и тысячи людей. Но Алексей ещё не был уверен, а нужна ли такая слава самим островитянам, хотя бы они, чтобы об них узнали другие люди и, главное, — не повредит ли островитянам то, что о них узнают в мире.

Размышления Алексея прервал мелодичный сигнал, напоминающий пение птиц в лесу — это означало, что все обитатели острова должны просыпаться и готовиться к новому дню. Впрочем, на Глафиру этот сигнал, как и всегда, не произвёл никакого впечатления, она только пошевелилась, свернулась в ещё более плотный клубок и что-то нечленораздельно промычала. Алексей сел на край её постели, стал теребить за плечо и говорить:

— Соня, просыпайся, тебя ждут великие дела. — Ноль внимания. — Разве ты не хочешь послушать рассказ Делобеля? — Результат тот же, разве что на этот раз Глаша сладко пожевала губами. — Ну, Глашенька, мама тебе напекла пирожков с малиной и ежевикой. — Глафира отмахнулась от супруга, как от назойливого комара, и повернулась на другой бок. — Глашка, — закричал Алексей, — нам несут лецеенный суп!

На этот раз Глафира мгновенно открыла глаза, села на постели и закрутила головой:

— Что? Кто? Зачем? Я не хочу!

Алексей рассмеялся, а Глаша метнула в него подушкой и зашипела:

— У, изверг, прервал своим супом такой сон!

— И что же тебе снилось?

Глаша улыбнулась.

— Ты представляешь, я летала. Как в детстве. Над нашим городом, над школой, над парком. И ты представляешь, как обидно: я всех вижу — и маму, и папу, и своих друзей, и мороженщицу на углу, и нашего дворника дядю Петю — а меня никто не видит. Обидно. — Глафира широко и привольно зевнула и добавила: — Есть хочу.

Внезапно она вздрогнула, широко раскрыла глаза и схватилась за живот.

— Ой, Лёшка, он стучится.

— Кто? — не понял Алексей.

— Да он же, он, — Глафира показала глазами на свой живот и счастливо улыбнулась. — А может, и она, девочка.

— Правда? — с глупой улыбкой спросил Алексей. — А послушать можно?

Глафира без слов прижала голову мужа к своему животу. Тот долго слушал и несколько секунд спустя разочарованно сказал:

— Я ничего не слышу.

— Подожди немножко, ведь он не барабанщик. — Глафира снова вздрогнула. — Вот, слышишь? Вот ещё.

— Ага, слышишь! Вот разбойник, видно, весь в тебе.

На утреннем осмотре, выслушав Глафиру, доктор Хайфенг с неизменной, но более тёплой, чем прежде, улыбкой сказал:

— Так, так, это холосо, значит, всё в полядке, всё вовлемя, как и положено. Но зелательно посмотеть, как лезит и лазвитесь вас лебёнок. Не зелаете ли плинять участье? — спросил он Алексея.

— А как? Ведь я ничего не понимаю, — растерянно ответил муж.

— Ну, вы не так меня поняли. Вы просто будете смотреть на эклан, и всё.

— А, — дошло, наконец, до Алексея, и он вытер ладонью с лица неожиданно выступивший пот. Глафира, глядя на него, рассмеялась:

— Где уж вы, мужики, больно смелые, а тут заробели.

— Да нет, я так, неожиданно, я чего ж, я пожалста,— беспомощно бормотал Алексей.

Оголив заметно вздувшийся животик, Глафира смотрела на монитор и постоянно вскрикивала:

— Гляди, Лёш, вон головка! А почему у него лицо такое сморщенное, доктор? Он же смеётся, правда, смеётся! Он шевелит ручками и сучит ножками. Ой, мамочки, как больно! Доктор, а кто это: мальчик или девочка?

— А вот смотрите. Видите. Явно вылазенные половые плизнаки.

— Ой, да это же мальчик! — закричала Глафира. — Лёш, он на тебя похож! Нет, правда похож. Подождите, доктор, — неожиданно закричала Глафира, — но там ещё кто-то есть! Кто это, доктор? Я не понимаю!

Доктор Хайфенг засмеялся:

— Цего зе тут не понять, у вас будет двойня.

— Двойня? Близнецы что ли? — закричала Глафира

— Нет, нет, не близнецы, а именно двойня, — ответил доктор-китаец, — лазноживцевые двойняшки.

— Боже мой, — всполошилась Глафира, — сразу двое! Ой, мамочки, я умру! Это ты всё виноват. — Глафира посмотрела на смущённого Алексея. — Давай ещё да давай ещё. Вот и додавались.

— Зацем зе вы так, Гласа, — укоризненно попенял Глафире доктор. — Алёса здесь вовсе ни при чём. Это могло произойти и за один лас. Плосто зенские и музские спелматозоиды соединились в лазное влемя, вот и всё.

— А кто же другой-то? — нервно спросила Глаша.

— Как кто, девочка, — с улыбкой ответил Доктор Хайфенг.

— Девочка, — с удивлением повторила Глафира. — Господи, как хорошо-то, и мальчик и девочка. И всё за один раз — красота, не надо два раза мучиться.

— Кстати, она очень похожа на тебя, — сказал Алексей.

— На меня? — Глафира долго вглядывалась в монитор, потом поморщила носик.

— Нет, она больше смахивает на твою бабушку. У неё такой же нос картошкой.

— Ну, всё, хватит, — неожиданно суроно прервал супругов доктор, — это потом вы лазбелёстесь, кто на кого похож. А сейчас немедленно в лецебиную ванну. Кстати, Алёса, завтла мы будем лазбиливать васу Эйфелеву басню.

Алексей и Глафира одновременно рассмеялись над “Эйфелевой басней”. Доктор удивлённо спросил:

— Я сказал сто-то смесное?

— Нет-нет, доктор, — ответил Алексей и постучал по ноге, — просто я называю это сооружение Шуховой башней — есть у нас такая в Москве.

— Ну, какая лазница, Эйфелева или Сухова басня, — серьёзно ответил доктор, — самое главное, что её надо демонтировать.

Молодёжь снова рассмеялась, но на этот раз доктор Хайфенг только махнул рукой:

— Э-хе хе, вы думаете, я не знаю, над чем вы смеётесь, вы думаете, я не знаю плохого дедуску Клылова и его басни? Хлисталади, идите с моих глас долой и чтобы целез пять минут оба были в лецебиной ванной.

13

Сегодня над океаном шёл дождь. После всех процедур и завтрака Глафира с Алексеем вышли наружу, чтобы постоять и подышать свежим морским воздухом. Под небольшим навесом из алюминиевого профиля они сели на лавочки и долго смотрели на серое небо, пеленой укутавшего весь свод, ловили ладонями прохладные струи, стекавшие с крыши, и тихо переговаривались.

— Совсем как в твоей деревне, — сказала Глафира.

— И дождь почти такой же, как в наших широтах.

— Ага, только нет ни изб, ни повозок, ни колхозников.

— А вон, видишь, там несколько человек что-то делают, — показал Алексей в сторону нескольких фигур в плащах-дождевиках, бродивших по острову с палками в руках.

— А что они делают?

— Я не знаю. Наверно, просто гуляют, — предположил Алексей. — Тебе хочется домой?

— Ага.

— А мне почему-то нет, здесь хорошо, спокойно, нет ни толчей, ни чадящих машин, ни суеты. Давай останемся здесь навсегда?

Глафира посмотрела в лицо мужа — серьёзно ли оно и, увидев на нём лукавость, ответила:

— А давай. Станем мы вместе с этими островными жителями Робинзонами и Пятницами.

— Нет, ты будешь Средой.

— Почему?

— Ну, нас же выбросило на “свиной” остров в среду, вот ты и будешь моей Средой.

— Ну, хорошо. А наши дети кем будут?

— А кто когда родится: девочка будет Субботой, а мальчик Воскресеньем.

— А если они родятся в один день?

— Всё равно Субботой и Воскресением.

— Хорошо. Кто-то идет, — услышав скрежет двери, сказала Глафира.

Они увидели, как к ним подходит молодой мужчина. Он остановился рядом с ними под навесом и сказал:

— Здрасте.

— Здравствуйте, — опередила Алексея жена. — Вы кто?

— Я Чели.

Глафира встала и подошла к юноше.

— Тот самый Чели?

Юноша захлопнул глазами:

— Я не понимаю.

Алексей тихонько ущипнул жену за руку и тихо прошептал:

— Он же не знает, что мы знакомы с ним по рассказу Делобеля.

— А, — дошло, наконец, до Глафиры. — Ты пришёл за нами?

— Да, — ответил Чели, — вас просит прийти господин Бертаззо.

— А кто это? — задала бесцеремонный вопрос Глафира.

Чели не успел ответить, потому что Алексей опередил юношу и сказал:

— Хорошо, мы идём. — А жене прошептал на ухо: — Любопытной Варваре нос оторвали. Идём, скоро всё узнаешь.

Глафира не преминула огрызнуться:

— Я не Варвара, а Глафира Павловна.

На этот раз они не поехали на “пружинке”, а пошли какими-то лабиринтами, о которых знал, видимо, один Чели, потому что лабиринт из греческой легенды по сравнению с островным выглядел бы игрушечным. Все проходы, помещения были забиты людьми. Здесь были и жилые помещения, и классы, и кинотеатры, и библиотеки, и спортивные залы. Люди смотрели фильмы по телевизору, читали книги, прыгали, бегали, просто отдыхали. Особенно неугомонны были дети, они бегали, игрались, смеялись, кричали, кувыркались, как все дети на земле, и ничто не способно было их укротить: ни окрики взрослых, ни теснота помещений. И как заметили наши герои, все общались между собой на русском языке.

Но вот троица прошла через этот содом и гомерру и оказалась в большом тихом помещении, сплошь заставленном стеллажами с книгами, папками, свертками, свитками и прочей печатной продукцией. Чели оставил Глафиру и Алексея в небольшой, уютной комнатке, показал на стулья и сказал:

— Прошу подождать минутку, господин Бертаззо сейчас подойдёт.

И правда, пока гости осматривали стол, стены, увешанные репродукциями картин всемирно известных художников, светильники на потолке в виде четырехлучевых звёзд, плетёные стулья и диковинный письменный прибор на столе, прошло не более минуты. Они услышали мягкие шаги и увидели полноватого мужчину среднего роста и средних лет, который учтиво поклонился гостям и сказал почти на чистом русском:

— Добрый день. Меня зовут Матэо Бертаззо, я, — он грациозным круговым жестом обвёл помещение, — заведую этим заведением, своего рода архивариус. А как зовут вас? — обратился он в первую очередь к женщине.

— Глафира.

Бертаззо чуть откинулся всем телом назад, сделал круглые глаза и развел руки:

— О, какое необычное и редкое имя! И, главное, очень красивое. Гла-фи-ра, — ещё раз повторил он, словно пробуя на вкус, — очень красивое имя. А вас?

— Алексей.

— Алексей, Алекс, Алёша, — закрыв глаза, повторил Бертаззо. — Прекрасно. Меня вы можете звать просто Матэо. Так проще. Да вы садитесь.

Когда сели, Матэо засмотрелся на Глафиру, а потом неожиданно рассмеялся:

— Вы знаете, Глафира...

— Можете звать меня просто Глаша, — перебила его Глафира.

Бертаззо снова закатил глаза и повторил:

— Глаша. Очень прекрасно. Так вот, глядя на вас, я подумал, что я где-то вас видел. Но я же не мог вас видеть, правда? И всё-таки я вспомнил. Сейчас, сейчас, одну минуточку. — Бертаззо вскочил со своего стула, словно птичка, выскоцил из помещения и почти мгновенно вернулся с папкой в руке. Он сел, раскрыл папку. — Вот, смотрите.

Он протянул им репродукцию. На картине Томаса Гейнсборо была изображена дама с пышной прической и в шляпке с перьями, с овальным лицом и томным взглядом. Одной рукой с надетым на неё браслетом из янтаря она придерживала голубую накидку, которая сползла с её левого плеча.

— Посмотрите, посмотрите, разве вы на неё не похожи? — восторгался Бертаззо.

— Тот же взгляд, то же лицо, та же шея, те же плечи. Это знаменитая дама в голубом. А моделью для художника послужила сама графиня де Бофор.

Алексей смотрел то на картину, то на собственную жену и в конце концов дал заключение:

— И, правда, Глаш, вы очень похожи. Вы случайно не родственницы? Может, твои предки тоже из графьев?

Но Глафира на провокацию не поддалась:

— Что-то есть общее, только у меня глаза зелёные. Сразу видно, что эта де Бофор светская хищница. Видишь, какие у неё зубы, как схватит — и нет мужичка! Ну, я же не такая, Лёш?

— Да не такая, не такая, — успокоил её Алексей. — Ты ешь не мужиков, а их сердца.

Бертаззо смотрел на супругов отстранённо и, видно, совсем не понимал русского семейного, супружеского юмора. Но, видя, что они беседуют совсем мирно, наконец, улыбнулся и сказал:

— Вы понимаете, я на этом острове архивариус и хранитель, а на самом деле я профессор истории и переводчик. Господин Чирков и капитан Делобель попросили меня ознакомить вас с историческими документами.

— С историческими? — заинтересовался Алексей. — Что это за документы?

— Оливье сказал, что вы знаете. Это те самые две книги, которые жители острова передали им во время первой встречи, вернее, при расставании.

— А, это очень интересно, — оживился Алексей. — Что это за книги, можно на них взглянуть?

— Конечно. Минуточку, — ответил Матэо и встал со стула. Он достал из ящика стола ключи, открыл ими сейф в стене и достал что-то завёрнутое в непромокаемый пакет. — Минуточку.

Бертаззо осторожно и долго распечатывал конверт, разворачивал бумагу и наконец положил на стол две книги.

— Вот. Только очень прошу вас, смотрите осторожно, этим документам более двухсот лет.

Алексей осторожно взял в руки книгу в кожаном переплете, рассстегнул застежки и открыл её. Перелистнул несколько страниц. Книга была написана от руки красивым спокойным почерком на незнакомом языке.

— Что это? — спросил он. — И на каком языке написано?

— Это дневник монаха Дон-Бенитского монастыря Мариано да Дженнациано. Написан он на латинском. Как вы понимаете, сейчас на этом языке проповедуют только в католической церкви, а как светский язык он давно мёртв.

— Вы знаете латинский, Матэо? — спросила удивлённо Глафира.

— Да, я знаю несколько языков, донна Глафира: испанский, португальский, бакский, каталонский, кастильский, мальтийский, итальянский, в том числе и русский. Вообще изучение северо-западных европейских языков было главным в учёбе в университете.

— Глаша, отстань от профессора, — прервал любопытствования жены Алексей.

— Так что же написано в этой книге, Матэо?

— Я перевёл этот интереснейший и любопытнейший документ на испанский и португальский, а на русский ещё не успел, поэтому я представлю его содержание в свободном пересказе. Хорошо? — Слушатели согласились.

— Так вот, в конце восемнадцатого века в Испании и Португалии, как ни странно, ещё свирепствовала папская инквизиция. На кострах уже не жгли, но людей, противников веры и отступников, пытали: выворачивали суставы, заламывали руки, пытали на дыбе. И хотя реформация католической церкви прошла по всей Европе, инквизиторы ещё свирепствовали. Да и сама церковь раскололась на несколько частей. А что творили сами церковники!

Однажды стало известно, что священник из местечка Альмендралехо Сильвестр прелюбодействует с местными прихожанками. Причём, прелюбодействовал он с женщинами, лишенными с детства слуха, то есть с глухонемыми. Среди них были и пожилые матроны, и женщины, и девушки, и даже подростки, замужние, незамужние, сироты и побиришки. Сильвестр насиловал их и пребывал в уверенности, что они никогда и никому ничего не смогут рассказать, ведь они же глухонемые.

Но одна из женщин оказалась из хорошей, богатой семьи. Когда-то она проживала в своём поместье, у семьи были свои виноградники и винные лавки. Но случилось несчастье: в один день дом сгорел, а сами члены семьи погибли в страшном пожаре. Удалось выжить только девочке. После несчастья она потеряла дар речи, но, оказывается, родители с детства научили её читать Библию. Она пришла к монаху Мариано да Дженнациано и, показывая пальцами на слова в Библии, рассказала ему обо всём случившемсяся. Монах сначала не поверил. Но потом он стал опрашивать людей, и те рассказали, что многих женщин в округе изнасиловал неизвестный. Не стерпев такого позора, одна из девушек утопилась в реке, другая, почтенная матronа семейства, повесилась на виноградном дереве. И всё-таки монах нашёл ещё четверых свидетельниц. Они опознали в Сильвестре того самого насильника, который надругался над ними.

Но Сильвестр не сдавался: во время своей проповеди он убедил прихожан в том, что эти женщины наговаривают на него по просьбе его личного врага проповедника Доминика, что как виноградная лоза или скала не могут разговаривать с людьми, так и отвергнутые Богом глухонемые не могут дать под крестом своих показаний. Он прилюдно предал этих женщин анафеме, после чего трое из них бежали от позора из своих краёв, и их не смогли найти.

Монах Мариано да Дженнациано на этом не остановился, он написал письмо кардиналу.

Тут Бертаззо остановился, взял в руку дневник и стал читать:

— Вот что писал монах кардиналу: “Ваше высокопреосвященство, гордость, вла-

столюбие, роскошь, лицемерие, падение нравов и прелюбодеяние проникли в Рим и всё там осквернили. Падает, низвергается чистейшее здание, Храм Божий! В своей роскоши, лицемерии, лживости, распутстве, корыстолюбии наша церковь уподобляется непотребной женщине, которая хуже отвратительного животного, а её служители, такие, как священник Сильвестр, становятся разносчиками заразы и духовной чумы, которые погребут под собой её священные остатки. Когда церковь была бедна, она была свята и непорочна, но когда ей была дана светская власть, в ней погибает власть духовная, которая держит людей на этой грешной земле. Она начинает поддаваться сущности богатства и наживы, корыстолюбию и порочности".

— Ну и так далее, — сказал Бертаззо, закрывая журнал.

— Боже, неужели такое возможно среди служителей церкви, — простонала Глафира, прижимая руки к щекам. — Даже мне спустя два века стыдно за этого Сильвестра. Но ведь католические священники, кажется, не могут жениться?

— Смелое письмо написал монах Мариано, — поддержал жену Алексей. — Ему что, так и сошло это с рук?

— В том то и дело, что не сошло, — продолжал Матэо. — Доказать прелюбодеяние своего коллеги по вере он так и не смог. Тогда он пошёл на крайнюю меру: он вызвал своего противника Сильвестра на испытание огнём. То есть надо было войти вдвоём в костёр, где, по воле Бога, сгорел бы грешник и остался бы живым очищенный праведным огнём праведник.

— И что: они вошли в костёр? — со страхом спросила Глафира.

— Какая вы наивная, Глаша, — с улыбкой ответил Бертаззо. — Даже эти фанатики, безграничные в своей вере в справедливость, не чужды жажде к жизни. Вначале Сильвестр согласился: а куда ему было деваться, ведь в противном случае он рисковал своей репутацией, своей карьерой, своим приходом. Монах же был непреклонен и готов ко всему, он понимал, что выиграет в любом случае: и когда сгорит, и когда противник струсит. Так и случилось: Сильвестр на испытание огнём не явился, он просто куда-то исчез. Появился он только через три дня с письмом от кардинала, в котором говорилось, что все глухонемые местечка Альмендралехо и его окрестностей священной инквизицией признаны одержимыми дьяволом, если они умеют общаться с другими людьми без соизволения Божьего, и приговариваются к ссылке на одну из островных колоний.

Была подготовлена специальная экспедиция, нанята шхуна "Сан-Антонио" во главе с капитаном Элкоттом. Как пишет монах, этот капитан был отъявленный негодяй, корсар и грабитель, он не гнушался за деньги выполнить любое дело. Он-то и согласился отправить несчастных глухонемых на один из необитаемых островов Индийского океана. Тогда монах Мариано да Дженннациано вызвался сопровождать несчастных людей в их ссылке, чтобы не бросать их на произвол судьбы и нести им божье слово и благословение.

— Сам? — спросила Глафира и, получив утвердительный ответ, сказала: — Вот это человек. Да это же святой, таким людям надо памятники ставить.

В это время прозвучал зуммер, и Матэо встал:

— Памятник монаху, дорогая Глафира, мы поставим потом, а сейчас нам надо идти есть лецеенный суп доктора Хайфенга. — Он засмеялся.

После обеда, когда они втроём вернулись в библиотеку, профессор заметил:

— А дождь-то закончился.

Алексей не преминул спросить:

— Кстати, Матэо, а что это за люди бродили по острову во время дождя, что они делали?

— А вы видели в углублениях решётки? Так вот, туда стекает дождевая вода, по трубам она идет в фильтры, которые состоят из разной растительности — травы, листьев, корней, цветов, и попадает в подводные танки. Она и служит нам питьевой водой. Кстати, доктор Хайфенг считает, что дождевая вода да ещё пропущенная через фильтры — самая чистая и полезная для здоровья.

Супруги рассмеялись, а Глафира сказала:

— Мы уже догадались. Для доктора Хайфенга всё, что соприкасается с растительностью, является живительным и лецеbным, — съязвила она.

— А ведь он прав, — сказал Матэо. — За то время, пока существует остров, ни один его житель не болел серьёзными болезнями, разве что простудой. И вся пища готовится только на этой воде.

— Я готов поверить, — согласился Алексей, — потому что моя нога после всех этих лечебных ванн, ингаляций и супов давно уже зажила и совсем не болит.

— Вот и подтверждение Глафирам неверующим, — обратился Бертаззо к женщины. — Кстати, в пищу он заставляет добавлять и минералы, в которых, как он утверждает, находится вся таблица Менделеева и даже больше того: что в ней пока не находится.

— А это не вредно? — снова засомневалась Глаша.

— Так ведь человек и сам состоит из этой таблицы, только в разных пропорциях.

— А что, в нас и уран есть?

— Конечно, есть, — подтвердил Матэо с улыбкой. — Но мы отклонились от темы нашего разговора. Мне продолжать?

— Вперёд, господин профессор, — согласился Алексей.

— Так вот, — продолжал Бертаззо, — изгоеv погрузили на корабль и отправили в изгнание. Всего таких набралось шестьдесят четыре человека: женщин, мужчин, детей, взрослых. Им дали возможность взять с собой необходимые личные вещи, инструменты, оружие, семена, зерно и провиант на месяц пути. Погрузили в клетки коз и свиней, чтобы они могли разводить на новом месте живность. Со всем этим расстарался монах Мариано, он ходил по селениям и уговаривал людей дать кто что сможет в помощь отверженным людям. Давали, как пишет в своём дневнике монах, не все, многие боялись преследования церкви, если они помогут несчастным.

Наконец, отправились в путь. Плыли вдоль западного побережья Африки до мыса Доброй Надежды. Но эта точка оказалась не очень-то добры: когда повернули на восток по тридцать пятой южной параллели, через двое суток пути шхуна попала в шторм. Этот шторм продолжался ещё двое суток. Команда боролась со стихией, как могла, но... Вот как пишет дальше монах Мариано да Дженинацциано: “Господь послал этим несчастным ещё одно испытание. Семь человек умерли от жары, истощения и болезней. Я не боюсь умереть, но кто останется пастирем у этих людей, безмолвствующими языками, но кричачими душами? Я не верю, что господь оставит их своими милостями и щедротами, разве может он оставить в беде невинных и жаждущих моления к нему? Божий гнев измотал нас всех, но мы крепки верой и правдой, ибо вера и правда — есть сущее наших душ, частиц самого Господа Бога”.

— Потом запись, видно, велась на самом острове, — продолжал Бертаззо. — Он пишет, как их корабль ударило о подводные скалы, и он стал тонуть. Команда вместе с капитаном Элкоттом в панике бросила шхуну, погрузилась в шлюпки и бросила изгнанников на произвол судьбы. Но произошло, по словам монаха, чудо: весь горизонт был чёрным от туч, там сверкали молнии и грохотали громы, вода кипела, словно в адском кotle, а над ними вдруг засияло солнце, и вокруг корабля буря стихла. Невольные путешественники пали на колени и стали благодарить святую Мариию за спасение. Но корабль продолжал тонуть, он уже наполовину был в воде. Нужно было что-то предпринимать. Тогда один из глухонемых стал знаками объясняться с шестерыми мужчинами, что-то объясняя им: оказывается, он был рыбаком и сыном старого рыбака, он предложил применить вместо пластиря просмолёенный брезент и стал показывать, как это делать. К одной стороне брезента привязали рейку, к углам — пушечные ядра, которые применялись одновременно в качестве балласта и товара, приготовленного на продажу. Затем брезент стали опускать в воду в том месте, где находилась пробоина. Силой напора воды брезент прижало к борту и закрыло отверстие. Несколько смельчаков прыгнули в воду, отвязали от брезента планку и ядра, но вода всё равно просачивалась в трюмы. Тогда те же смельчаки стали по очереди прыгать в воду и прибивать края пластиря к борту, а другие насосами откачивали из трюма воду.

Буря, к счастью, больше не возобновилась, путешественников через несколько суток приило течением к трём островам, о которых вы уже знаете. Корабль после бури остался, что называется, без руля и ветрил, путешественники не смогли подойти к берегу. Тогда они бросили якоря, сколотили несколько плотов и стали переправляться на ближайший остров. Они перевезли на остров всё, что было возможно, потому что не знали, сколько им придется здесь жить, и найдёт ли их здесь кто-нибудь и когда-нибудь.

— Так, ну, с немыми и монахом всё понятно, а куда же делся экипаж и тот самый отважный капитан Элкотт? — с иронией спросила Глафира.

Бертаззо лишь развел руками:

— О них ничего не известно, вернее всего, они утонули во время шторма.

— А его сабля?

— Видно, капитан был настолько храбр, что в панике оставил свою саблю в каюте, — с сарказмом ответил Матэо. — Вряд ли он думал о благотворительности и судьбе несчастных людей. Тот же монах пишет в своем дневнике, что вся команда во главе с капитаном только и думала о том, как бы разбогатеть в дальних краях, побольше награбить и побольше пролить крови туземцев.

— Видно, всё-таки есть Бог: на земле или на небе — неважно, — подал голос Алексей. — Виновных покарал, невинных спас. Наверно, так и должно быть. А что стало с кораблём?

— Корабль, по словам Мариано да Дженннациано, через несколько месяцев штормом сорвало с якорем и разбило о берег. Жители острова Альмендралехо...

— Почему Альмендралехо? — перебила рассказчика Глафира.

— Так этот остров называл в своем дневнике монах. Наверно, потому, что все глухонемые были из селения Альмендралехо и его окрестностей. Так вот, жители острова долго собирали по берегу то, что осталось от шхуны, мастерили из них лодки, нехитрую мебель, жилища...

В этот момент плавучий остров содрогнулся. В кабинете профессора свинулся стол, а все обитатели чуть не упали со своих стульев.

— Что это?! — в страхе закричала Глафира.

14

Шелли Бёрн сделал несколько запросов через агентства по розыску лиц, пропавших без вести. При этом он не запрашивал сведения во всех странах подряд: но что стал бы делать в Мексике ведущий инженер-конструктор Гедрик Хейхаузен или учитель русского языка Алекс Соломин в Гватемале, там ни хорошей зарплаты, ни перспектив, ни других условий, на которые мог бы полститься успешный в США человек. Другое дело Канада, Австралия, Великобритания, Голландия, Франция. Неделю с нетерпением он ждал результатов своего запроса и потому почти не удивился, когда все агентства ответили, что запрошенные лица ни в одном из этих государств не проживают. Не было их среди умерших и пропавших без вести. Может быть, они сменили имя и фамилии, подумал Бёрн. Тогда зачем нужны такие сложности?

Покопался Шелли и в новостных сайтах интернета за последние дни. Много было чепухи, вроде обнаружения хирургами гвоздя в черепе тридцатилетнего парня, искусанного акулами синего кита, перевёрнутой яхты, которая с людьми в своем брюхе дрейфовала до берегов Таиланда. Но одно сообщение в газете заинтересовало его особенно. В небольшой заметке писали, что лётчик американского авианосца во время разведывательного полёта обнаружил вблизи одного неизвестного маленько острова странный летательный аппарат, похожий на четырёхконечную звезду со странными врачающимися кругами на лучах этой звезды. Через некоторое время после обнаружения этот летательный аппарат неожиданно исчез, но лётчик всё же успел сделать несколько снимков. На этой же странице Шелли нашёл и снимки: да, вот остров, похожий на наконечник огромной стрелы. Похоже, что островок населён, потому что видны следы сельскохозяйственной деятельности — небольшие планта-

ции, поля, длинные грядки и борозды, правда, не видно ни одного жилища и ни одного обитателя острова. Странно, подумал Бёрн, ведь должны же быть люди на этом острове, может быть, они от кого-то скрываются. Тогда где и от кого? Возможно, они живут на другом острове, а на этот остров приплывают лишь затем, чтобы проводить там сельскохозяйственные работы?

Снимки были укрупнены и как бы смазаны, потому что сделаны во время движения. Где-то он уже видел похожее. Где? Надо вспомнить. Но это потом. Ага, а вот и неизвестный летательный аппарат! Похож на четырёхлучевую звезду, и на каждом луче круги. Что это за круги: вращающиеся лопасти винтов или просто тарелки радаров? Непонятно. На первом снимке аппарат как бы завис над водой, на втором сливаются с поверхностью острова, на третьем почти исчезает, словно залетает в какой-то ангар.

Так, считаем заметку дальше. Корреспондент сообщал, что командир авианосной группы, встревоженный появлением в непосредственной близости странного, неизвестного летательного объекта, принимает решение послать ещё один разведывательный самолёт. Но по данным разведки через несколько часов по указанным координатам ничего не было обнаружено: ни летательного аппарата, ни самого острова.

Странно, очень странно, подумал сыщик, снова этот плавающий остров, как и тот, что видели капитан Норман и матрос Бас, как и тот, что фотографировал штурман пассажирского самолёта. Стоп! Эврика! Ведь если есть два снимка, то есть и возможность сравнения. Как же он, Бёрн, не догадался сделать это сразу. Так, сначала выведем на монитор фотографию островов первого лётчика, затем второго. Правда, на первых снимках сразу несколько островов, а на вторых только один, но сравнить всё равно можно. Так, первый остров совсем круглый, второй вытянутый, похожий на палец, третий подковой и от него словно бы отделяется четвёртый. Мама родная, да он же в точности похож на тот, что сфотографировал военный лётчик! Правда, углы наклона при съёмках разные, но нетрудно определить, что и первый и второй острова имеют треугольную форму, напоминающие наконечник стрелы, на первом и втором видны следы сельскохозяйственных работ. Это что, клоны? Но таких совпадений в природе просто не может быть, и самое главное, что эти снимки сделаны в разных частях океана.

— Боже мой, — вслух сказал Бёрн, нервно встал со стула и стал кругами ходить по кабинету. — Боже мой, ведь это же доказательство, это факт, который никто не может оспорить. Это сенсация!

Неожиданно Шелли остановился и схватился руками за голову: сенсация? Для кого — для журналистов, для читателей бульварных газет и журналов? Но ведь он не может дать этот материал для печати, потому что связан договором с Питером Черриком. А какая связь между этим островом-летучим голландцем и Николасом Черриком, которого он разыскивает? Возможно, и никакой, но какое-то неведомое, неизвестно, какое по счету, шестое, седьмое или восьмое чувство подсказывало Берну, что эта связь есть. Но её ещё надо доказать. Как? Надо ещё раз встретиться с Питером и поговорить, может быть, он при этих фактах сможет дополнить картину расследования. Хорошо бы ещё и проникнуть на его тайную квартиру, где он по четвергам проводит своё время. Но как?

* * *

Ровно полвосьмого в четверг Питер подъехал к меблирашке Рэнди Кобурна и вошёл в подъезд. Консьерж словно его ждал, он тут же встал при появлении Черрика и протянул записку:

— Господин Черрик, вас очень срочно просяли связаться по этому телефону.

— Спасибо. — Питер посмотрел на цифры. Шелли Бёрн. Что ему надо именно в это время и в этот час? Возможно, это действительно что-то срочное и важное, а может, он просто хочет попасть в эту комнату? Питер усмехнулся — что ж, он предоставит ему такую возможность. Питер просидел за компьютером положенное время, посмотрел на часы — уже девятый час. Он набрал номер.

— Привет, Шелли. Мне консьерж дал твой номер. Что-то важное? Хорошо, подъезжай, я скажу, чтобы тебя пропустили.

Бёрн появился минут через двадцать. Войдя в квартиру, поздоровался и стал осматривать помещения: ничего необычного, обыкновенное пристанище одинокого холостяка, тихо, ничего лишнего, мягкий свет, на столе ноутбук, диван, бар, полка с книгами. Осмотрев всё, Бёрн сел на стул, сказал:

— Не понимаю, Питер, почему такая таинственность с этой квартирой, сейфовые и электронные замки.

— Не люблю, когда суют нос в мои дела, в мой досуг, — просто ответил Питер. — Только здесь я могу расслабиться, отдохнуть, отрешиться от деловой суеты, вот и всё. Кстати, ты что-нибудь выпьешь?

Бёрн сложил два пальца.

— Можно немного хлебной водки.

Питер подошёл к бару, налил в один стакан водки, в другой сухого вина, поставил их на стол и сел.

— У тебя какое-то важное дело? — спросил Черрик.

— Да-да, сейчас. — Шелли достал из папки два листа компьютерной распечатки и протянул их Питеру. — Вот, достал вчера из интернета.

Питер взял листы, рассмотрел их.

— Что это?

— А это два острова в разных местах океана. Первые снимки сделаны с гражданского самолёта, вторые военным разведывательным самолётом. Ты не находишь, что два острова похожи друг на друга, как два брата-близнеца?

— Да, действительно. Но какое отношение они имеют к моему отцу?

— А к кому же ещё они могут иметь отношение. Ты же сам говорил, что в последние годы заводы твоего отца выполняли какой-то секретный заказ для неизвестного лица или организации. А не мог быть этот заказ исполняться твоим отцом для самого себя, а?

— Я что-то не понимаю, — с недоумением ответил Питер. — Зачем ему это было нужно?

— В том-то и дело. Это делалось только в одном случае — чтобы сохранить всё в тайне и чтобы никто не мог предположить, что он этот заказ делал для себя. Представь себе, разве может кто-то в здравом уме предположить, что исполнитель и заказчик — это одно и то же лицо.

— Но зачем ему это надо? — повысил голос Питер.

— А только для того, чтобы создать этот плавучий остров.

— Мы уже говорили об этом, — с раздражением ответил Питер, — это нереально.

Бёрн искоса посмотрел на Питера и неожиданно спросил:

— А скажи-ка, Питер, какое финансовое положение фирмы твоего отца в настоящее время? Всё ли хорошо? Я слышал, что судостроительная империя мистера Черрика приходит в упадок.

— Это происки и козни конкурентов. Империя мистера Черрика держится на плаву, — снова с раздражением ответил Черрик-младший, — и имеет неплохой тоннаж. Впрочем, я не лезу в дела отца, я занимаюсь своим делом. А его делами распоряжается исполнительный директор.

Бёрн отхлебнул водки и поднял руки в знак примирения.

— Хорошо, хорошо. А не рассматриваешь ли ты такую вероятность, что мистер Черрик делал на своих заводах плавучие конструкции, отбуксировывал их в определенное место и там собирал из них этот плавучий остров, словно конструктор, а?

— Ещё раз повторяю — это очень сложно, — ответил Питер. — Да и для чего? Ведь для того чтобы создавать такое грандиозное сооружение, нужна какая-то цель, нужен стимул, нужна задача. Вот я и спрашиваю, зачем это было нужно моему отцу? Чтобы поиграть во взрослый конструктор Лего? Тогда назови мне цель.

Бёрну снова ничего не оставалось делать, как развести руками.

— Этого я не знаю. — И через паузу: — Может быть, это знаешь ты, Питер?

Питер промолчал, свесив голову и уйдя в себя, словно давая знать этим своему собеседнику, что на этом разговор закончен. Бёрн покрутил между пальцами свою ручку, спрятал её в карман и сказал:

— Извини, Питер.

Помолчали вдвоём. Бёрн обратил внимание на стоящую на цветочном треножнике чайную розу. В кабинете она была совершенно не к месту, это был, скорее, дамский цветок, а здесь, в кабинете холостяка, она смотрелась неестественной и чужой. Сам Питер не был сентиментальным. Да и выглядел этот цветок призрачно, он словно бы светился изнутри. Бёрн встал, подошёл к цветку и потрогал его листья и цветки. Он не видел, как при этом движении Питер вздрогнул, но промолчал.

— Странный цветок, — сказал Берн.

— Чем же он странный, — ровно отозвался Питер, — цветок как цветок. Такие любят мой отец.

— Любит или любил? — спросил неожиданно Шелли. — Ты считаешь отца живым? Почему?

— Не лови меня на слове, Шелл, — с раздражением ответил Питер. — Да, я считаю отца живым и буду считать его живым до тех пор, пока...

— Ну, извини ещё раз, если я сказал что-то неприятное для тебя. Всё равно этот цветок странный, словно искусственный, хотя и живой. — Бёрн тронул землю. — Тут что-то торчит. Похоже на... Ой, порезался, — закричал Шелли и схватился за палец.

— Может, аптечку? — предложил Питер.

— Нет, не надо, — ответил Бёрн, — пустяковая царапина. Я, пожалуй, поеду домой, устал очень. Как ты, Питер?

— Я ещё побуду здесь, — ответил Черрик.

Проводив Шелли, Питер подошёл к цветку и присмотрелся — из земли торчала какая-то капсула. Питер взял пинцет и осторожно вытащил её из земли. Это была сломанная пластмассовая авторучка. Неожиданно из неё что-то выпало. Питер поднял предмет, оказавшийся свёрнутым в небольшой рулончик куском бумаги. Развернув его, Питер прочитал написанный корявым почерком текст на русском языке: "Капитан Ливе Делабель — мой лучший друг. Чели". По всей видимости, эту записку писал ребёнок, ученик начальных классов со странным именем Чели. Кто он: индус, индеец или представитель какого-нибудь кавказского народа в России, Питер не знал, зато он хорошо знал капитана Оливье Делобеля, которого ребёнок почему-то называл Ливе. Оливье был первым капитаном их семейной яхты, который неожиданно несколько лет назад ушёл от отца без всяких объяснений причин. Отец, собственно, и не спрашивал капитана Делобеля о причинах ухода, а просто рассчитал его. Питер ещё тогда удивился спокойствию отца, ведь он так долго искал подходящую кандидатуру на место командира яхты. Выбирал он его из десятков отставников военно-морского флота и выбрал именно Делобеля. Делобель плавал на экскурсионных судах, командовал военным эсминцем и после увольнения из армии подыскивал как раз место на какой-нибудь частной яхте. После первого же собеседования отец его взял. И только сейчас, когда он вспомнил о добром капитане Делобеле, Питер вспомнил, что Оливье тоже был одиноким человеком.

15

Глафира второй день пребывала в хандре, она почти не вылезала из постели и постоянно спрашивала мужа:

— Лёш, ну почему он это сделал, может, это просто случайность, а, может, он детёныша спасал или ещё чего-нибудь?

— Глаша, ну что ты ко мне пристала, ну откуда я могу знать, что взбрело в голову этому киту. — Алексей легко ходил по комнате с идиотской улыбкой на лице и постоянно радовался, как ребёнок, которому подарили новую игрушку. — Нет, ты погляди, как новая, и не болит даже. Да, этот доктор-китаец и на самом деле кудесник!

Вчера Алексею сняли с ноги “шухову башню” и он никак не мог насладиться свободой движения и лёгкостью, с которой он это делал. Может быть, поэтому он не мог оценить степень переживания Глафиры, которая тяжело переносила позавчерашнее происшествие в океана.

...Во время разговора с профессором Бертаззо они почувствовали, как остров содрогнулся.

— Что это? — в страхе закричала Глафира.

Алексей почувствовал, как качнуло его стул, и ухватился за край стола, чтобы не упасть. Там, где находились стеллажи, что-то грохнуло, и Бертаззо с итальянскими ругательствами помчался туда. Алексей и Глафира направились к выходу, а потом и на сам остров. Пока шли, Глафира предполагала самое невероятное:

— Лёшка, наверно, мы столкнулись с гигантским айсбергом, как “Титаник”. Помнишь?

— Как не помнить, я сам там был в двенадцатом году прошлого столетия, — с издёвкой отвечал Алексей.

— А может, с каким-нибудь кораблём, — продолжала делать предположения Глафира, не обращая внимания на издёвки мужа. — Мамочки, и пойдём мы к самому глубокому донышку. Нет, наверно, это всё-таки какой-нибудь остров или подводные рифы.

— Типун тебе на язык, — прикрикнул Алексей. — Мне совсем не хочется переживать третье кораблекрушение за этот год.

На отлогом берегу острова сгрудилось несколько десятков людей. Среди них были и Чирков, и Делобель, и Бертаззо, и Чели, и ещё несколько человек, с которыми они не были знакомы. Дождь недавно закончился, и небо сияло, словно вымытая голубая чаша, опрокинутая над ними. От грунта шёл пар, не давая рассмотреть, что же произошло. Остров не двигался, и Глафира разглядела недалеко, метрах в пятнадцати от берега, бесформенную серую и окровавленную тушу. Волны вокруг туси были красными от крови и напоминали воды реки после кровавой сечи.

— Мамочки, что это? — со страхом в голосе спросила Глафира.

К ней осторожно подошел Делобель и как можно спокойнее сказал:

— Не пугайтесь, мадам, это всего лишь кит.

— Кит? Но как он, зачем, почему, — бормотала Глафира.

— Никто этого не знает, — рассуждал Делобель. — Вы, Глаша, наверно, читали и видели, как киты выбрасываются на берег?

— Да.

— Ну, вот, и пока ещё никто толком не объяснил, почему это происходит. Я старый морской волк. — Делобель невольно приподнял свою могучую грудь и втянул заметный животик. — Мне в океане приходилось сталкиваться с разными загадочными случаями, которые не поддаются объяснениям. Однажды кит опрокинул бот с рыбаками и уплыл.

— Они остались живы? — спросила Глафира.

— Да, они остались живы.

— Но зачем он это сделал?

— Возможно, он защищал своего детёныша, или он почувствовал угрозу, исходящую от них.

— Разве кит может чувствовать, как человек?

— Не знаю, — ответил Делобель. — Но я расскажу вам один случай. Однажды мы шли из Бискайского залива в Норвежское море. Было очень тепло, и несколько матросов стояли у лееров и курили. И тут у борта эсминца появилось стадо китов. Матросы стали кричать и бросать окурки в воду. Один из китов стал делать круги около судна, он то удалялся, то возвращался. Матросам это понравилось, они стали зажигать пачки от сигарет и бросать их в кита. Неожиданно тот отплыл подальше, развернулся и пошёл в атаку на корабль. Матросы не думали, что это всерьёз, они кричали, улюлюкали и снова бросали горящие пачки в воду. Кит развел большую скорость и ударился головой прямо в борт корабля. Один из матросов не удержался и чуть не

свалился в воду. Хорошо, что он успел ухватиться за фальшборт, а товарищи помогли ему подняться на палубу. Вот такая история, мадам, — заключил Делобель.

— А кит?

— А кит просто уплыл к своей стае. — Капитан улыбнулся. — Вам, Глаша сейчас вредно волноваться, пойдёмте, я вас провожу.

И они ушли. Алексей остался наблюдать, как несколько человек на мотоботе поплыли к киту, закрючили его и потащили к острову. На следующий день Глафира с удовольствием ела мясной суп и нахваливала:

— Какой вкусный сегодня суп, он совсем не похож на лечебный суп доктора Хайфенга. Вот так бы каждый день.

Алексей ни словом не обмолвился, что суп был приготовлен на китовом мясе.

И вот сегодня Глафира с самого утра хандрила, вспоминая ужасное зрелище с мёртвым китом. На землю её вернул Алексей:

— Ну, хватит тебе страдать, болезная. Ты что, забыла, что нас приглашал сегодня к себе профессор Бергассо. Давай, собирайся, он нам ещё много не дорассказал.

— Ой, и правда.

Алексей всегда удивлялся, как его жена легко переходит из одного состояния в другое, именно поэтому в шутку он называл её твёрдо-жидко-газовой женщиной. Вот и сейчас Глафира встрепенулась птицей Феникс, вмиг забыв о своей хандре, впервые за двое суток причесалась, насыпала бровки, набелила щёчки, накрасила губки и с сожалением посмотрела на свою чудом сохранившуюся косметичку, которую она предусмотрительно спрятала в свой брюстгальтер перед второй катастрофой в воде. Вздохнула:

— Совсем мало осталось. Ну, пойдём. — Она решительно тряхнула своим рыжим стогом на голове и направилась к выходу.

Бергассо их уже ждал. При их появлении он встал, взял ручку Глафиры и поцеловал её.

— О, донна Глафира, вы сегодня как никогда прелестны.

Алексей уже привык к интернациональному обращению к своей жене и лишь ухмыльнулся, когда Глаша засияла, как свежевымытая дорогая машина.

— Так на чём мы закончили? — спросил он, глядя на усаживающихся гостей. Неожиданно посмотрел на ногу Алексея. — Алёша, а где же ваша, как это...

— Шухова башня, — подсказал Алексей.

— Вот-вот, она самая.

— Разобрали на металлом, — отшутился Алексей. — Доктор сказал, что она мне больше не понадобится.

— Вот и прекрасно. Так, на...

— Вы, профессор, — подсказала Глафира, — прервались на том, что люди стали обживаться на острове.

— Ах, да-да, вспоминаю. — Он вскинул голову вверх, словно пытался прочитать на потолке продолжение истории. — Так вот, люди стали обживаться на острове. Правда, ещё несколько недель они не могли отойти от свалившегося на них несчастья. Но нужда и тяга к жизни заставила их обустраиваться. Сначала они исследовали весь остров, к своему счастью, в самом его центре нашли пресноводное озеро, в котором водилась и рыба. А еда и вода для человека — самые главные составляющие выживания. Из останков корабля они построили лодки, соорудили кое-какие жилища и стали жить. Нет, вернее, не просто жить, а ждать и надеяться. Они ещё не потеряли веру в то, что их однажды найдут и вернут в тот цивилизованный мир, в котором они жили прежде.

На самой высокой точке острова они устроили наблюдательный пункт, чтобы в случае появления корабля подать сигнал. Для этого они разбили там небольшой лагерь с шалашом, очагом и всем необходимым для существования. Жители нарубили и натаскали туда сухих дров и хвороста и соорудили большой костёр, чтобы при появлении корабля поджечь его и подать сигнал бедствия. На наблюдательном пункте постоянно дежурили по два человека: один взрослый и один ребёнок, чтобы тот мог

быстро прибежать в лагерь и сообщить радостную весть. Но проходили недели, месяцы, годы, а ни кораблей, ни каких-то других признаков присутствия людей жители острова так и не обнаружили. Монах Мариано да Дженнациано писал в своём дневнике, что с годами эта необходимость наблюдать за морем превратилась как бы в священный обряд. Люди уже мало верили, что когда-нибудь их найдут, но продолжали ходить на Сигнальную гору и нести службу.

— Между прочим, — сделал ремарку Бертаззо, — именно благодаря этому ритуалу два века спустя наблюдатели заметили яхту, которая вошла в бухту для ремонта.

— А мальчиком, который её заметил, был Чели? — догадался Алексей.

— Верно, именно Чели, — подтвердил Матэо. — Единственное, что караульные не смогли тогда сделать, — это поджечь костёр, потому что накануне был сильный шторм и дождь, и потому дрова отсырели. А у них, кроме красала, ничего не было. Тогда Чели побежал в селение, чтобы сообщить жителям о появлении долгожданных пришельцев. Но он увидел, что на берег высаживается десант, и решил проследить за разведывательной группой. Чели боялся, что она неожиданно исчезнет, и стал следить за ней. Вот тогда-то его и обнаружили матросы.

В этом месте Бертаззо остановился и помолчал. Потом сказал:

— Но, кажется, я отклонился от основной темы нашего разговора. Итак, люди стали обживаться на острове. Появились семьи, первые дети — община разрасталась. Плодились свиньи и козы. Скоро их стало столько, что они угрожали съесть всю растительность на острове. И тогда монах Мариано подсказал идею переправить эту живность на соседний остров, чтобы она размножалась в диких условиях, а мясо и молоко коз доставлять по необходимости. На лодках переправили коз и свиней на другой остров. С козами было просто, а вот с хряками и свиноматками жителям пришлось помучиться, потому что они были тяжёлыми и свирепыми, словно бенгальские тигры. Но всё же жителям удалось и это, правда, при переправе животных одна лодка утонула вместе с двумя мужчинами. Обо всём этом подробно писал монах в своём дневнике.

Но нужно было думать и о далёком будущем. Жители понимали, что рано или поздно все те припасы, которые у них были, закончатся, и тогда придётся голодать или питаться только рыбой из озера и той растительностью, что была на острове. Тогда решили расчищать землю от леса и засевать её пшеницей, овсом, ячменём и овощами. Благо, что те, кто ссыпал этих людей, позабочились о семенах, а сами путешественники смогли их спасти. Но тут выяснилось, что длительность дней на острове не увеличиваются, а уменьшаются. Жители были удивлены этим, ведь отплывали они от берегов Испании ранней весной, а прибыли, получается в осень. Более просвещённый монах Дженнациано как мог объяснял им эти причуды природы и разницу между северным и южным полушариями, но крестьяне были неумолимы — пора сеять, иначе они останутся без урожая. Монах еле уговорил их не использовать всё зерно сразу. Конечно, результат был предрешён — всё, что было посеяно, погибло.

Жители долго благодарили монаха за предвидение и молились за него. Весной острожитяне снова взялись за сев, но монах снова отговорил их использовать всё зерно, ссылаясь на то, что урожай может погибнуть от непогоды. На этот раз жители острова поверили ему, правда, не без ругани и не без споров. Урожай зерна был таким чахлым, что его не хватило бы и на месяц. Правда, овощи уродились просто великолепными. Лук, чеснок, картофель, шпинат, капуста были просто отменными. Мариано украдкой отселекционировал семь мешочеков зерна, отобрав самые крупные и самые здоровые семена, и спрятал их в сухой пещере на острове. Следующей весной монах посоветовал посеять это зерно отдельно от того, что у них осталось. И, к удивлению жителей, акклиматизированное зерно дало богатый урожай. Ничего не понимающие в селекции жители острова приняли Мариано да Дженнациано за святочного, но как он мог объяснить им, что дело вовсе не в его святости, а в простой науке.

— Подождите-ка, профессор, — прервала рассказ Глафира, — а как он мог с ними объясняться, ведь они все были глухонемыми?

Бертаззо улыбнулся и внимательно посмотрел на собеседницу:

— Вот тут вы, Глаша, попали, что называется, в самое сердце, в самое таинственное место во всей истории этого острова. Ну, общался он с ними, конечно, с помощью пальцев, мимикой, жестами, тычками, всем, чем только можно. И Мариано это очень угнетало. Но потом стали рождаться дети. Монах с радостью замечал, что эти дети вполне нормальны и здоровы: они слышали, они реагировали на звуки. А это означало, что их можно было научить говорить. Но, — В этом месте профессор с печалью посмотрел на своих слушателей. — Но на этом месте дневниковые записи монаха Мариано да Дженинациано заканчиваются.

— Почему? — спросил Алексей.

— Тут можно строить только догадки. Вероятнее всего, монах просто умер и не успел передать новорождённым островитянам искусство человеческой речи и языка. А дальше всё развивалось по сюжету киплингского Маугли. Правда, сказочный герой разговаривал, он умел общаться со зверями, что вполне естественно, но вряд ли он говорил на человеческом языке. И вот тут начинает происходить самое интересное. Представьте себе, слышащие дети начинают расти, познавать мир, перениматъ что-то у родителей, у других жителей острова. А что они могут перенимать? Конечно, в первую очередь трудовые навыки и “речь” жителей острова. А на каком языке они разговаривают? Правильно, на языке мимики и жестов. Значит, и новые дети тоже начинают разговаривать жестами. Но ведь они ещё слышат и звуки, но звуки эти нечленораздельны, непонятны и новы для них. Прежде всего, это звуки природы: голоса птиц, — кстати, на острове не было никаких животных, если не считать черепах и морских млекопитающих — хрюканье свиней и блеяние коз, шум ветра, треск сучьев, скрежет, скрип, звук осыпи камней и так далее.

И эти слышащие жители острова для облегчения общения начинают обозначать каждый предмет звуком. Ну, например, весло они стали называть “крык” от скрипа уключин на лодках, камень “сыкка”, что обозначает звук каменной осыпи и так далее. Но при этом они не забывали и язык жестов. Поколения постепенно менялись, язык с каждым годом совершенствовался, но получился он у них смешанным: звуко-жестовым. И, конечно же, совершенно не похожим на другие языки мира, это был совершенно оригинальный язык.

На этот день общение супругов с профессором Бертаззо закончился, но они ещё долго разговаривали на эту тему в своей келье, и Глафира перед сном заявила:

— Ты знаешь, Лёш, я всю свою прошедшую жизнь поменяла бы на один год жизни на этом ковчеге острова Альмендралехо.

— Это почему? — недовольно спросил Алексей. — И со мной или без меня?

— С тобой, конечно, не придирайся. До нашего путешествия я измеряла жизнь какими-то странными мерилами, ну, достатком там, зарплатой, квартирой, благоустроенностю быта, тусовками, а сейчас я жизнь не меряю, а словно бы впитываю её всей душой, что ли. Там, на земле, на родине, в России, ты просто крутишься, как белка в колесе: работа, квартира, жртва, сон, снова работа. Ты понимаешь, Лёш, там нет новизны, словно посадили тебя в какую-то тележку, подтолкнули, и она катится по наклонной плоскости, а ты не в силах её остановить. И так до самой смерти. Боже, как это скучно и как пошло!

— А я давно тебе говорил, что пора бы оторвать свою прекрасную попочку от начальственного кресла и отправиться куда-нибудь на...

— Ах ты, перевёртыш, — вскипела Глафира, — даты же сам в последние годы меня никуда не брал! Всё говорил: в следующий раз, в следующий раз, а теперь...

— Ну, успокойся, успокойся, — пытался остыть ей Алексей, — теперь я всегда буду брать тебя с собой. Спи давай, неугомонная. Как там наши Пятница с Субботой?

— Они тоже тебя костерят на чём свет стоит, — зевая, ответила Глаша, — но, правда, тоже зевают. Спокойной ночи, мол, батюшка.

— Спокойной ночи, — ответил Алексей.

16

— И вообще, Николай, Васильич, как вам пришла в голову идея построить такой огромный плавучий объект? — спрашивал Алексей. — Ведь это же огромные затраты, огромный труд. И для чего? Ведь вы, по сути, и сами стали отшельником. Не жалеете?

Чирков, сидя в кресле, отчаянно помотал головой:

— Нет, Лёша, никакого не жалею. Мало того, если бы мне пришлось повторить это снова, было бы то же самое, правда, с несколькими изменениями, о которых я говорить сейчас не буду.

Чирков удивлённо огляделся:

— А где же Глаша? Я как-то привык вас видеть вместе, а сейчас её нет.

— Вы же знаете, Николай Васильич, она в интересном положении. Так вот, доктор Хайфенг при утреннем обследовании что-то заподозрил и уговорил её хоть денёк полежать в больничной палате. Ну, пройти там разные процедуры...

В этот момент дверь просторного кабинета Чиркова отодвинулась и в проём влетела запыхавшаяся и раскрасневшаяся Глафира. Она с улыбкой поздоровалась с хозяином острова:

— Добрый новый день, Николай Васильич. Извините, что прервала вашу беседу. — И села на стул рядом с мужем. — Я пропустила что-то важное и интересное?

— спросила она.

— Здравствуй, Глаша, — сдержанно и с весёлыми глазами ответил Чирков. — Нет-нет, мы только начали разговор с нашим летописцем, и ты ничего не пропустила. А доктор Хайфенг тебя уже отпустил?

Глафира смущилась, поморгала глазами, покрутила головой из стороны в сторону.

— Не совсем, Николай Васильич. Но я обещаю явиться к нему в любое свободное время. Я думаю, что не всё так серьёзно, как предполагает...

В этот момент дверь снова вздрогнула и открылась. В ней вошёл доктор Хайфенг. Он не был раздражён или зол, он был, как всегда, спокоен и улыбчив, только улыбка эта напоминала больше оскал тигра.

— Добрый день, господа, — поприветствовал он всех. — Не помесал? Гласа, а я за вами, у вас сейчас время плоцедул. Если вы будете так относицца к своему здоловию и здоловию ваших будусих детей, то я не галантлиую...

Глафира, склонив голову, сквозь зубы процедила:

— Явление Будды народу.

А Чирков встал со своего места и пошёл навстречу доктору.

— Добрый день, уважаемый доктор Хайфенг, мы, кажется, давно с вами не виделись. И прошу извинить меня, если я нарушил ваши порядки. Я пригласил наших уважаемых гостей для очень важного разговора и...

— Да? — ошеломлённо спросил вмиг растерявшийся доктор. — Но я плоско не знал, господин Целлик, а Гласа мне нищего не объяснила. Мне так неудобно, что...

— Уважаемый доктор, — приобняв за плечи маленького китайца, стал говорить Чирков, — вы здесь вовсе не причём. И Глаша тоже не виновата. Просто я не смог предупредить её вовремя. Она обязательно пройдёт все необходимые пло, простите, процедуры, как только мы закончим разговор. — Он обернулся. — Ведь так, Глаша?

— Конечно, конечно, Николай Васильич, я обязательно пройду все эти пло, извините, процедуры. Я их просто обожаю.

Не заметив в словах Глафиры иронии, доктор развёл руками и виновато сказал:

— Ну, холосо, тогда я не буду вам месать. — Доктор уже уходил, но на полдороге к двери всё-таки обернулся. — Так я вас зду, Гласа, после обеда.

Когда доктор-китаец вышел, они все вместе посмеялись, а Чирков заметил:

— Удивительно талантливый и добросовестный доктор, правда, чувства юмора у него, э, несколько меньше, чем способностей.

Он посмотрел на Глашу, а та смущенно отвела взгляд.

— Вы уж извините меня, Николай Васильич, я заставила вас врать.

— А кто это вам сказал, что я врал? — с хитринкой на лице и в голосе спросил Чирков. — После нашего разговора вы обязательно пойдёте к доктору Хайфенгу и пройдёте у него все необходимые процедуры.

Все снова сдержанно посмеялись, а Чирков продолжил прерванный разговор:

— До вашего прихода, Глаша, Лёша спрашивал меня, для какой цели я построил этот остров, и как ко мне пришла эта идея. Алексею я уже говорил, что целей и причин было несколько. Первое, — это, конечно, небольшой народ острова Альмендралехо, второе, — это исполнение давнего моего желания построить плавучий остров и жить на нём, ведь других свободных островов в этом мире не осталось. Конечно, острова продаются и перепродаются, но мой замысел был в том, чтобы этот остров был независимым от других государств. — При этом Чирков интонацией подчеркнул слово “независимый”. — Вы обратите внимание, ребята, на такой парадокс: практически всё, что называется сущей, уже давно поделено между государствами, но тысячи островов остаются неосвоенными. При этом трогать их — ни-ни, не смей. Пока единственным неподелённым пространством Земли остаётся мировой океан, да и он не сегодня-завтра станет лакомым пирогом, который мировые державы начнут делить с кровью, смертями и огромными потерями. Поверьте мне, день этот не так далёк. Уже сейчас государства-империи начинают подвергать сомнению так называемые двухсотмильные морские зоны у своих территорий, а что будет завтра.

И третье, — это глобальное потепление. Вы посмотрите, что происходит уже сейчас: вся Европа страдает от пожаров и невиданных наводнений, даже в тех странах, где климат всегда считался умеренным, жара под сорок градусов — не редкость, выгорают леса, целые города и селения; в Центральной и Северной Америке в разы увеличилось число торнадо, которые тоже уничтожают города и приносят многотысячные жертвы; тают льды в Арктике, канадский остров Ньюфаундленд тает прямо на глазах, от всё убыстряющегося течения, казалось бы, вечные его ледники сползают в море; то же самое происходит и в Антарктиде.

Заметьте, дорогие мои земляки, люди всегда селились там, где есть вода: у рек, озёр, морей и океанов. Это закон выживания: где нет воды, там нет жизни. А теперь представьте, что уровень мирового океана начнёт повышаться, сначала вода затопит все прибрежные населённые пункты, начнётся великое переселение народов на новые места обитания, а это чревато войнами, кровью. В средние века прошлого тысячелетия это происходило с неисчислимыми человеческими жертвами, когда главным оружием были сабли да лук со стрелами. А вы представьте на минуту, как будут делиться свободные территории при современном оружии.

Здесь Чирков сделал паузу, поднял глаза вверх, словно вычисляя все будущие бедствия, а потом заговорил снова:

— Собственно, это не моя тема, по этим вопросам есть специалисты покруче. А мой искусственный остров — лишь альтернатива освоения новых пространств нашей планеты, вот и всё. И всё-таки первым толчком для создания нашего острова была встреча с людьми на затерянном острове. Я понимал, что их ни в коем случае нельзя соединять с современной цивилизацией, хотя они сами стремились к этому, не понимая последствий такого шага. Островитяне жили теми представлениями и временами, когда их сородичей несколько веков назад насилием отправили в ссылку, они не могли знать, насколько сильно за это время изменился мир, взаимоотношения людей, быт. Они жили теми представлениями, которые передали им предки, и не представляли, что же будет с ними в так называемом современном цивилизованном мире.

— Николай Васильич, — встрияла Глафира, — а почему вы наш цивилизованный мир называете так называемым? Вы что, не считаете его таким?

— Не считаю, — прямо и твёрдо ответил Чирков. — И вот почему. В древности, во всяком случае, несколько тысячелетий назад, человечество жило по законам справедливости и совести. Был старейшина рода, который распределял обязанности, добычу, устанавливал порядок. Причем, этого старейшину никто не выбирал, он сам становился авторитетом в силу своих природных возможностей: силы, ума, сообразительности, мудрости, в конце концов. Но потом рода стали соединяться в племена и народности, они стали осёдлыми, возникли государства. И опять же эти образования держались на мудрости правителя и его жрецов, которые распространяли среди народа правила поведения. Затем появилась письменность, и люди стали закреплять правила своего поведения на глиняных дощечках, на папирусе, на бересте или бумаге — это неважно, на чём. И эти законы диктовались самой жизнью и деятельностью человека. Вспомним хотя бы законы царя Хаммурапи или германскую “Саллическую Правду”, которая писана в начале первого тысячелетия нашей эры. В них нет такой кровожадности и незуитности, как в современных законах. Там всё просто и понятно: украл — верни со штрафом, не можешь вернуть — отрубят вору руку, потравил посевы — верни убыток и заплати столько же штрафа, убил человека — прими смерть и так далее.

Здесь Николай Васильевич сделал паузу, он поднял глаза вверх, словно что-то припоминая, щёлкнул пальцами и воскликнул:

— Вспомнил! Однажды мне на глаза, совершенно случайно, попалась книга какого-то учёного-исследователя. Он изучал различные племена с ещё первобытной культурой, которые сохранились на островах Океании, в Африке и Южной Америки. Так вот, меня поразило то, что все эти племена очень бедные, у них нет собственности. У них нет даже понятий “богатство”, “деньги”, “моё”, “чужое”. Живут они там, где есть вода и пища, а кровом им служат пещеры, шалаша или просто кроны дерева. У них есть лишь примитивное оружие, вроде луков и пик, и орудия для добывания пищи, примитивная посуда. Но меня поразило то, что все эти люди по настоящему счастливы, они рады каждому прожитому дню, каждому восходу солнца, каждому куску хлеба, образно говоря. Они никогда не ссорятся между собой, они всегда улыбчивы и радостны. Эти люди берегут то, что им дала природа, они молятся дереву, которое даёт плоды, они просят прощения зато, что им приходится убить какого-то зверя, чтобы прокормиться, они готовы прикрывать корни дерева от зноя, чтобы оно не засохло. И я вспомнил об этой книге, когда впервые попал на остров Альмендралехо. Его жители были точно такими же, как дикари из этих племён. Они были наивными, доверчивыми, кроткими и в то же время по настоящему счастливыми. А ведь они тоже вышли из цивилизации. Но они были обречены из-за неизбежной гибели островов от извержения. Это было ещё одной причиной для постройки плавучего ковчега.

Современные демократические законы превращаются в диктатуру. По сути, законы цивилизации становятся ярмом рабства, только демократического. Что только не ограничивается, вплоть до плевка на тротуар, а ведь если вдуматься, то отхаркивание — это вполне естественный физиологический процесс. Не сори в общественном месте, иначе накажут, но как же не сорить, когда вся продукция продается в упаковке, да и урну на каждом углу не поставил. Конечно, жизнь меняется постоянно, законы тоже должны постоянно меняться в зависимости от политики, от финансового состояния государства, но иногда законодатели такое намудрят, что хоть стой, хоть падай. А как же, если заняться больше нечем и хочется удивить своих избирателей, то нужно придумать такой закон, чтобы о нём вспомнили перед выборами, о нём заговорили, его обсуждали. Глядишь, в связи с этим вспомнят и тебя, незаменимого слугу народа.

Николай Васильевич замолчал, словно что-то вспоминая. Воспользовавшись этой паузой, Алексей спросил:

— Николай Васильич, меня всегда интересовало, а как жители острова Альмендралехо восприняли все технические достижения, ну, там, телевизоры, двигатели и тому подобное?

Чирков улыбнулся.

— О, это было что-то! Даже не знаю, как назвать их состояние, — удивление, потрясение, шок или что-то ещё. Удивлялись они с первого дня всему. Сначала нашей одежде и обуви, ведь сами они ходили практически голыми, только старики да замужние женщины носили одежду, сплетённую из коры и рыбьей кожи, обувь же не было совсем. Про оружие, пушки и мушкеты, они знали, но их поразили наши автоматические винтовки. Когда мы сказали им, что из этого оружия можно попасть в птицу или зверя на расстоянии в сотни метров, они не поверили. Матрос Бонни на их глазах подстрелил птицу на другой стороне озера и принёс её в качестве доказательства.

Они совершенно ничего не знали об электричестве, о двигателях, машинах, самолётах. Правда, после того, как мы нашли способы общения с ними, они рассказывали об редко появляющихся в небе огромных серебристых птицах, которых они принимали за падших ангелов, и долго после этого молились, чтобы отвратить от себя беды и несчастья. Конечно, это были лишь самолёты, но они же этого не знали.

Ещё большее потрясение они испытали, когда они увидели невиданные машины, которые без парусов могли двигать суда, телевизоры, электронные книжки-библиотеки, отопление, космическую связь, переговорные устройства и прочие достижения цивилизации и современной науки. Они не могли представить, как человек мог летать в космос, ведь, по их представлениям, там, в небе, мог обитать лишь один Господь Бог.

Чирков посмотрел на настенные электронные часы, которые показывали время в зависимости от долготы, где находилось судно, встал с кресла, посмотрел в иллюминатор, рассеянно сказал:

— Ну вот, снова дождь. Сейчас мы находимся где-то на пятидесятой южной широте, считайте, что в Сочи, друзья мои, — с усмешкой добавил он. Сейчас должен прийти один очень интересный человек, я познакомлю вас с ним, и он поведает вам очень много интересного.

В этот момент дверь в кабинет открылась, и в ней вошел сухощавый жилистый человек с совершенно лысой головой, напоминающей куриное яйцо, с тонким и длинным носом, оттопыренными ушами и приветливыми тёмно-серыми глазами. На его лбу багровел большой шрам. Он на чисто русском языке поприветствовал всех коротким “здрасте”, не без интереса остановил свой взгляд на Глафире и подошёл к длинному столу. Мужчинам пожал руки, а Глаше просто слегка поклонился. Чирков показал рукой на гостя.

— Прошу познакомиться, зоолог и одновременно непоседа - путешественник, господин Дильте Дефаго.

Дефаго растянул свой широкий рот в улыбке, обнажив ровные, белые зубы — отчего, казалось, в кабинете взошло солнышко, — и ещё раз сдержанно склонил голову в знак приветствия. Гортанные звуки его голоса напоминали одновременно звучание флейты и гобоя:

— Я очень рад приветствовать на нашем ковчеге дорогих гостей. Наслышен, наслышен. — Неожиданно он развернулся и пошёл к двери. — Пойдёмте со мной, я покажу вам кое-что очень интересное.

Глаша взглянула на Чиркова:

— Куда это он нас, Николай Васильич?

Чирков улыбнулся и почти прошептал:

— Не бойтесь, Глаша, Дильте очень добрый и интересный человек, он покажет и расскажет вам много нового. Идите.

И снова “пружинка”, остров, металлические лабиринты, лифты. Наконец, они

вошли в большое помещение с огромным барабаном под потолком, на который были намотаны что-то похожее на шланги или тросы. На полу четко выделялись несколько металлических колец от двух метров в диаметре, вложенных друг в друга, толщиной около пятнадцати сантиметров. Такие же кольца были и на потолке. Алексей невольно посчитал — их было шесть. Он подошёл к колодцу в центре этого странного сооружения, заглянул в его чёрную пустоту и спросил:

— Что это, господин Дефаго?

Дефаго снова сверкнул своей лучезаряющей улыбкой и ответил:

— Давайте договоримся, зовите меня просто Дильт. А это странное, на первый взгляд, сооружение есть не что иное, как подводный лифт.

— Лифт? — удивилась Глафира. — Я слышала о космических лифтах, а вот о подводных что-то ни разу.

— Да, это так, — легко согласился зоолог. — Человечество штурмует дали Вселенной, совсем забыв о том, что на нашей планете есть почти неизученные глубины подводного мира.

— Но как же работает этот лифт? — спросил Алексей.

— Очень просто, — ответил Дефаго и щёлкнул выключателем на стене. Внутри трубы осветилась. — Подойдите ближе, посмотрите.

Глаша и Алексей увидели большой прозрачный шар с четырьмя креслами, светящейся панелью приборов и другими устройствами, предназначение которых было непонятным. Глафира невольно восхитилась:

— Мамочки, это похоже на кабину инопланетного корабля!

Дефаго стал объяснять:

— А это и есть, Глаша, кабина неземного корабля, подводного. Правда, этот корабль не умеет двигаться, как батискаф, но зато в нём можно опускаться на глубины до километра и жить в нём сколь угодно долго. Ему не страшны ни кислородное голодаение, ни огромные глубинные давления, он совершенно автономен и безопасен.

— Мало верится, — вставил слово Алексей, — этот агрегат больше похож на яичную скорлупку, чем на серьёзный подводный аппарат. Если давление воды на глубине из затонувших кораблей делает лепешки, то что же можно подумать об этом.

— Вы неправильно меня поняли, друзья, — горячо восхитился Дефаго. — Этот, как вы говорите, аппарат, вовсе не находится в воде, это лишь своеобразная кабина лифта, и только. Кольца, которые вы видите, есть не что иное, как телескопическое раздвижное устройство, похожее на антенну радиоприёмника. Только выдвигается оно не вверх, а вниз, в глубину. На конце внутренней трубы находится прозрачная полусфера, сделанная из особо прочного стекла, из которой можно наблюдать жизнь подводного мира. Именно туда и спускается наша кабина. А затем лифт может опускать нас до любых глубин.

— А там нельзя задохнуться, как в подводной лодке? — спросила Глаша.

— Что вы, конечно, нет! — возразил Дильт. — Для этого и служит вот это воздухо- и энергоподводящее устройство. — Он показал на барабан с намотанными на него кабелями и шлангами. — Оно подаёт и воздух, и электричество. Хотя наш батискаф может работать и автономно, потому что в нём есть и аккумуляторы, и баллоны с кислородом. Преимущество его от обычных подводных аппаратов и, тем более, от водолазных костюмов и аквалангов в том, что после всплытия человека не мучает кессонная болезнь и другие сопутствующие неприятности.

— А если вода всё-таки прорвётся, нас затопит? — спросила Глаша.

— Ни в коем случае! — горячо доказывал Дильт. — Даже если вода появится внутри телескопического устройства, наша кабина, словно шарик пинг-понга, всплынет вверх. Если желаете, мы можем устроить экскурсию в подводный мир, — предложил Дефаго.

— Нет-нет, — запротестовала Глафира. — Я уж лучше здесь, наверху, подожду.

Дидье посмотрел на её арбузоподобный живот и с вежливой улыбкой заметил:

— Я вас понимаю, Глаша. — Он повернулся к Алексею. — А вы как, рискнёте?

— Я такой случай ни за что не упущу, иначе мне потом Гриша Чёрненький голову свернёт, — ответил Алексей и первым полез в кабину подводного лифта.

Дидье несколько секунд стоял в оцепенении, видно, переваривая в мозгах, кто же этот такой страшный Гриша Чёрненький, а потом махнул рукой и тоже стал спускаться вслед за Алексеем. Устроившись в креслах, акванавты стали спускаться вниз, а Глаша наблюдала, как кольца одно за другим стали тонуть в глубине колодца. Вот лифт застыл, Дидье выключил в кабине свет, и Алексей впервые увидел подводный мир. Нет, он не раз спускался под воду с аквалангом, но тогда ощущения были совершенно иными — он чувствовал себя словно бы одним целим с подводным миром, он соприкасался с ним телом, он дышал вместе с ним, он жил вместе с ним. А сейчас Алексей чувствовал себя не более чем созерцателем, зрителем у экрана телевизора. И, тем не менее, это было близкой реальностью, которую он мог видеть. Правда, сначала он не видел ничего, просто какую-то тёмно-синюю муть. Алексей испытал странное ощущение, что он находится на Останкинской телебашне и всем телом чувствует, как покачивается её игла. Тревожно спросил:

— А наш лифт не обломится?

— Нет-нет, ведь сейчас наш остров стоит, это пошаливает течение, — ответил Дидье. — Преимущество нашего острова в том, что это платформа, она не воспринимает почти никакой качки, как это было бы на корабле. На обыкновенном судне бортовая и кильевая качка делают невозможным установку такого телескопического подводного лифта. Сейчас мы находимся в районе так называемой Кергеленской банки, юго-западнее Австралии, — объяснял Дефаго. — Глубины здесь небольшие, от нескольких сотен метров до двух километров, так что мы можем увидеть много интересного.

— Что же тут можно увидеть, — проворчал Алексей, — одна темнота и муть. Я даже сфотографировать ничего не могу.

— Терпение, мой друг, терпение. Я это делаю специально, чтобы не распугать местных жителей. Вот теперь пора, — сказал Дидье и нажал на кнопку. У днища кабины включились сразу несколько прожекторов, и весь подводный мир преобразился: под ослепительными лучами сначала замелькали непонятные разноцветные пятна. Они словно кружились в вихре, но потом подводный ветер начал постепенно стихать, и Алексей увидел, как медленно проплывают мимо них обитатели морских глубин. Некоторые из них, привлечённые ярким светом, с любопытством тыкались в прозрачный колпак и, ощущив препятствие, скользили в сторону.

— Смотрите, смотрите, Алексей, — закричал Дефаго, показывая на оранжевого толстячка с бородой. — Это липарис. Ах, какой важный, надутый! А это морская лисичка. — Дидье показывал на странную рыбку, похожую на обглоданную воблу.

— А вот и агономал.

Алексей во все глаза смотрел на это подводное чудо, не забывая запечатлевать всё это на цифровую фотокамеру.

— Давай-ка спустимся ещё ниже, — предложил Дефаго, нажимая на кнопку со стрелкой вниз. — Мы почти у дна.

Алексей увидел дно, местами каменистое, местами илистое, у которого шевелились какие-то существа, похожие на растительность. А зоолог с восторгом кричал:

— Вы видите, видите, Алексей! Это губка факеллия, а вот эта, рыженькая, голова Горгоны. А вот это знаете что за веточка? Это прутовидная оранжевая губка. Глядите-ка, здесь и сетчатая эвастерия притулилась. Это морская звезда.

Как бы ни было интересно на дне, Алексея скоро утомили восторги зоолога, и он как можно тактичнее заметил:

— Дидье, вам не кажется, что здесь становится душновато, да и Глаша наверху беспокоится.

— А? Да - да, вы правы, конечно, я слишком увлёкся. Извините, — забормотал Дефаго.

Когда они поднялись наверх, Глаша с нетерпением спросила:

— Ну, что там?

Дидье с восторгом ответил:

— Вы знаете, Глаша, океан — это огромный аквариум, в который можно смотреть вечно.

— Скорее, это мы были в стеклянном аквариуме, а рыбы на нас смотрели, как на невиданное чудо, — с улыбкой сказал Алексей. — Мы, пожалуй, пойдём, Дидье.

— Как же так. — Дефаго смотрел то на Глашу, то на Алексея. — Я вам ещё не всё показал. Мы с вами, Алексей побывали на глубине почти девятьсот метров. А не хотели бы вы подняться приблизительно на такую же высоту?

— Я хочу, очень хочу, — закричала Глаша. — В воздухе всё же уютнее, чем там.

— Она ткнула пальцем в пол. — Пойдём, Лёша, пойдём.

— А тебе это не повредит? — спросил Алексей.

— Да что ты носишься со мной, как с писаной торбой: туда нельзя, сюда нельзя, — взмолилась жена.

— Кстати, — перебил их разговор Дефаго, — а что такое писаная торба? Русский язык такой, э, своеобразный, метафоричный, что я многого не понимаю.

Алексей рассмеялся:

— А мы и сами иногда не понимаем. У нас говорят: носится, как дурак с писаной торбой, и мы понимаем, что человек что-то бережёт, вот и всё. Торба — это сумка, а писаная — это значит “красивая”. Так что, Дидье, понимайте, как хотите.

— Должен ли я понимать так, что вы бережёте Глашу? — спросил зоолог.

— Вот тут вы попали в самую точку, — выдал очередной словесный шедевр Алексей. Дефаго снова на несколько минут задумался, но спрашивать не стал, просто предложил:

— Пойдёмте со мной.

Они вошли в обычный лифт, поднялись наверх и оказались в огромной полу-сферической комнате, в которой в самом центре, в полу, они увидели телескопические кольца, в центре которых стояла прозрачная кабина.

— А, понятно, теперь мы будем подниматься наверх, под облака? — догадался Алексей.

— Совершенно верно, — серьёзно подтвердил Дидье. — С высоты птичьего полёта вы увидите бескрайние просторы океана. Заходите, заходите, не бойтесь, в кабине очень тепло и уютно.

Когда все трое вошли в кабину, Дефаго нажал кнопку на пульте, и в тот же момент Глафира завизжала:

— Лёша, смотри, смотри — небо!

Потолок над ними сдвинулся в сторону. Дефаго нажал ещё одну кнопку, и телескопичка стала подниматься. Чем больше кабина поднималась, тем выше у наших путешественников захватывало дух. Небо словно приподнималось, а горизонт с каждым метром расширялся и расширялся. Иногда казалось, что с этой огромной высоты видна суша. Остров словно уходил из-под ног, уменьшаясь прямо на глазах. Сначала он превратился в большую плавучую платформу, а затем в маленький клочок земли, затерянный среди бескрайних вод. Глафира восторгалась:

— Боже, красота-то какая! Словами не передать. Я много раз летала на самолёте, но там такого ощущения нет, всё мелькает, плывёт, а здесь, словно на вершине Эвереста! Вон, вон, смотрите, что это такое!

— Мы сейчас на высоте семьсот тридцать четыре метра над уровнем моря, —

словно заправский пилот с гордостью говорил Дидье. — Возьмите бинокли, посмотрите вдаль, разве это не красиво.

Супруги сняли с крючков висящие в кабине бинокли и стали всматриваться вдаль.

— Ой, что это? Вон там, левее, левее! — кричала Глафира, показывая на восток.

— Это плывут усатые киты, — комментировал Дефаго.

— А почему усатые? — любопытствовала Глафира. — У них что, усы есть?

— И есть и нет, — отвечал зоолог. — Просто у них есть во рту цедилка из китового уса, ею они вылавливают из воды мелких рыбёшек, кальмаров, раков.

— А зачем они сюда заплывают, ведь здесь для них мало пищи? — спрашивал Алексей.

— Биологи утверждают, что здесь они рожают своих детёнышей, — пояснял Дефаго. — А ещё дело в том, что в приполярных широтах зоопланктон намного жирнее и питательнее, по всей вероятности, туда они и направляются.

— Кажется, корабль плывёт, — сказала Глаша, всматриваясь в даль.

— Да, это лесовоз, — пояснил Дефаго, — но он нас не видит, потому что расстояние до него около двухсот миль.

— Но мы же его видим, — сказала Глаша.

— Потому что судно сотни метров длиной, а мы для них, как соринка посреди поля, — объяснил Алексей непонятливой жене.

Глафира жадно всматривалась вдаль.

— Жалко, что отсюда не видно России, — грустно сказала она и вздохнула.

Продолжение следует.

Хроники, события, факты

Дарите женщинам цветы!

Хотя такой праздник – Международный женский день и связан с каверзной историей, когда праздновать его вывела на берлинские улицы покойная ныне лидер германских коммунистов Роза Люксембург немецких «бесправных и угнетенных капиталистами» проституток, - все же прижился надолго в советско-российской истории. Для нас этот праздник тем более близок и тем, что со времен революционной борьбы, когда в 1919 году немецкие власти казнили за коммунистическую и террористическую деятельность Розу Люксембург, проникнувшись к ней сочувствием местные большевистские лидеры объявили о переименовании нашего Мелекесса в город Люксембург, жившего под этим названием год, пока из центра не поправили «самоуправленцев»...

А потом в 1941-м к нам эвакуировали витебскую носочно-чулочную фабрику имени той же «незабвенной» агентши III Интернационала – Розы Люксембург. Ее имя в названии фабрики просуществовало до 90-х годов прошлого века, пока не переинчили производство в «Олимп», с тем и ... похоронив.

Так что к женскому дню – выходному по календарю, наш Мелекесс-Димитровград имеет самое непосредственное отношение. Да мы – и не против!

Наши дорогие, любимые и уважаемые дамы, мамы, жены, сестры и жены, все-все представительницы прекрасного пола в Димитровграде, - мы с восхищением, обожанием и удовлетворением поздравляем вас с этим нежным и красочным весенным Днем. С вашим Днем!

Среди тех, кто в течении двадцати лет творит и укрепляет ряды литераторов города в нашем Димитровградском писательском отделении – добная половина - противоположность нашей мужской литполовины. В данном номере мы намеренно представили новые публикации и новые имена из димитровградской литературы. Это уже маститые писательницы, как Елизавета Ильинична Парфенова, Римма Ивановна Долодаренко, обладательницы новых имен в литературе, талантливые поэтессы Наталия Глазунова и Ирина Галинзовская. Свои поздравления мужская половина редакции альманаха приносит ветеранам нашего труда Александре Беловой, Лидии Лещенко, Нонне Алиевой, Людмиле Периковой, Марине Пнкратовой, Раисе Кашкировой, Инге Гаак, Алевтине Зайцевой, Екатерине Сорри...

В этот день мы должны с горечью в душе вспомнить и наших незабвенных подруг по литературному цеху, которых уже нет среди нас. Слова признания, неугасающей памяти и восхищения их трудом мы адресуем Надежде Дрыгновой, Анастасии Чеховской, Марии Филимоновой, Варваре Кузнецовой.

В этот торжественный день весеннего цветения женщин и их поэзии нужно особо сказать самые признательные слова и нашей землячке, первой чувашской женщине-поэтессе Баасся Анисси (Анисии Васильевне Княгининой). Ее первое стихотворение, опубликованное в прессе, датировано 1906 годом! Почти семьдесят лет отдала делу литературного труда эта скромная женщина, народная учительница России. В январе этого года исполнилось 117 лет со дня ее рождения, а в декабре – 35 лет со дня ее памяти!

Удивительно, но городские чиновники, администрирующие нашу жизнь и пиарящие все мало-мало народные праздники, совершенно позабыли о ТАКОМ ЯВЛЕНИИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, как причастность нашего города к жизни и творчеству поэтессы, чьи произведения вошли в антологию женской поэзии СССР «Мечта, дружба, любовь»...

На фасаде дома № 2 «А» по улице Мориса Тореза, где жила классик чувашской литературы пока еще сохранилась мемориальная доска, удостоверяющая этот невероятный для маленького Димитровграда факт причастности нашего городка к судьбе и творчеству классика мировой литературы. Но... как реанимировать память, совесть и разум чиновника, чтобы осознать это? Чтобы всемерно использовать нашу причастность к мирозданию такого таланта, такого человека в патриотических целях. На благо воспитания разумного поколения будущего!

Отмечать знаменательные даты в жизни этой необыкновенной, яркой и совершенно скромной женщины и писательницы в Димитровград почти ежегодно прибывали делегации из Москвы и Чувашии, Самары и Ульяновска, Татарии и Башкирии. Наших друзей по литературному цеху и федеративной родине в городе встречали с радостью, тепло и радушно, как мы умели это делать. Нам отвечали такой же взаимностью. Но – минули годы. Пришли новые жестокие времена. Новые жестокие и недалекие в своем духовном развитии руководители. И канули в Лету все прекрасные традиции, праздники, памятные даты и дни. Зачахли примеры патриотизма для молодежи. Жаль, конечно. Но – есть еще Надежда на иное...

Несмотря на горький осадок на душе, не будем забывать, какой ПРАЗДНИК мы отмечаем. Кого венчаем торжеством и с радостью. Любимые, ненаг-

лядные наши красавицы и умницы, талантливые наши, - С ДНЕМ ЖЕНСКИМ И ВЕСЕННИМ ВАС! А в этот день мы повторяем вслед за поэтом эти трогательные строки назидания мужчинам: «ДАРИТЕ ЖЕНЩИНАМ ЦВЕТЬ!»

Защитники без Отечества?

Нам обозначили праздник - День защитника Отечества. И... каждый осознает его по-своему. Воевавшие еще в гражданскую, склонны отмечать свой вклад в осуществление бредовых идей Мировой революции: бескомпромиссной, жестокой и кровавой, во имя торжества коммунистического будущего планеты всей. Ветераны Второй мировой войны на территории суверенной России празднуют свой бесценный вклад в дело победы Советского Союза – сообщества наций и народов над мировым фашизмом, проповедовавшим первенство идеологии одной нации. Воины-интернационалисты свой вклад в защиту Отечества связывают с идеями вторжения советских армий в пределы суверенных и не имевших к нам претензий афганистанов, ангол, куб, эфиопий, эритреи, прочих египтов...

Знаменательно, что воины новой формации и иного уже государства-прапреемника торжествуют, «победив врага» в пределах своего же Отечества. Защитив его от собственного народа?

Словно история для России пошла по кругу: теперь русских солдат учат защищать Отечество опять далеко за его пределами в Абхазии или Южной Осетии, чья судьба и их кланово-национальные интересы «по барабану» всему русскому народу. Самим бы в таком «отечестве» выжить - не пропасть!

Здравомыслящие политологи полагают, что история Руси – история четырех минувших Империй. Рюрик и Трувор основали первую Русскую Империю Киева и Новгорода. В Изборске старец Филофей изрек формулу второй Империи – Московского царства, назвав его «третьим Римом». Петр Великий стал основателем третьей Империи, прорубив окна в Европу и Азию. Четвертая Империя рождалась в несурзной и братоубийственной гражданской вой-

не и войне всенародной с германским фашизмом, ведомая Сталиным. Некоторые склонны считать, что нарождение, зачатки пятой русской Империи нужно отсчитывать от памятника павшей Шестой роты Псковской дивизии ВДВ, отдавшей жизни за свою Россию...

Предполагается, что здесь же на Кавказе и в Косово появились первые имперские полководцы: Трошев, Шаманов, Заварзин. А, павшие под орудийные залпы «мальчишьей Плохишей» в офицерской форме танкистов и под пули ментовских снайперов из гайдаровских омононов, борцы за идеалы российской демократии, баррикадники у Белого Дома в октябре 1993-го были последними, кто провожал советский строй. Чтобы стать Первыми в пятой Империи героями...

Но более всего беспокоит то, что сегодня защитники Отечества в России поделены почти пополам. Одни, бедствуя в бесправии, лишенные даже права выбора политических «слуг» народа, лишены даже «оружия пролетариата» - элементарного булыжника, чтобы отстаивать право на выбор собственной судьбы. Другие, обеспеченные «слугами» и прочей олигархической и воровской тварью силовым правом, облаченные в форму, бронежилеты, увешанные спецоружием для защиты ИХ «отечества», противостоят всем нам. На входах в офисы и банки, у «рублевских» особняков, стен кремлевских министерств и губернаторских покоев, на улицах, площадях и вокзалах, вертухайничают в зонах, скручивают старух и старииков на митингах, уже открыто расстреливают таких же защитников Отечества из табельного оружия по всем городам и весям России. Вот от кого бы теперь защитить СВОЕ Отечество! Но как?

И дело здесь не в том, что зарождающаяся пятая Империя не имеет не только НИКАКОЙ стратегии, идеологии, экономической программы, даже своих сторонников. Делу настоящей защиты Отечества это снова ничего не даст! Исторический опыт вроде бы как ничему не научил нас. Ни годы «имперских» лишений народа, ни голода, ни разрухи, ни подневольный бесплатный труд во имя чего-то, ни кровавые разборки и войны, ни смерти близких...

Важнее бы вспомнить, что после разгрома нашими защитниками Отечества на льду Чудского озера их защитников их отечества – «псов» ливонцев, это стало им главным на века уроком. И они уже более не ходили защищать так свои отечества, а выстроили за эти века уютные и обеспеченные, мирные свои лихтенштейны, ватиканы, люксембурги. Тем самым, укрепив жизнь и благосостояние своих народов. Защитив их от нищеты и бесправия. Укрепив СВОЕ государство.

Шведы, получив от нас свой «урок» под Полтавой, тоже потеряли всякую охоту защищать отечество за его рубежами. Укрепили его благосостояние, на века гарантировав своим «защитникам» комфортную, безбедную жизнь в их собственных домах, прежде всего.

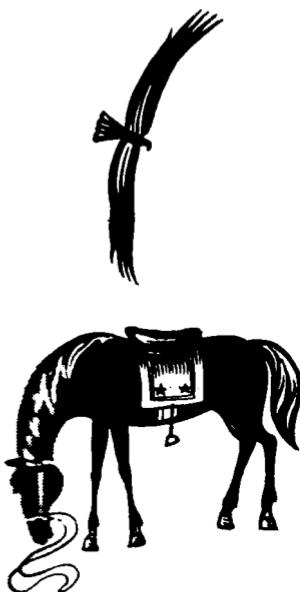
Разгромив французские войска Наполеона и, покрасовавшись на улицах Парижа, наши защитники Отечества тем самым приложили руку к возникновению современной ухоженной, богатой мировой державы – Франции.

После «защиты» финнов прямо на их же территории, мы получили наглядный пример того, как теперь холеная Финляндия во стократ лучше нас живет и совсем не собирается снова брать в руки ружья...

Поверженная нами сверхмощная военная империя Германия, теперь тоже отказалась от идей «защиты» отечества, где бы то ни было и от кого-либо. Заново выстроив из руин свой благополучный мирок, они не только задают тон благополучия в Европе, но и принимают наших «защитников» тоже в своей стране, обеспечивая нас работой и достойным человека уровнем жизни.

Почему-то кажется, что совсем не расторопные такие прибалты, например, выскочив из рядов защитников нашего бывшего Отечества, тоже, не в пример нам, живут сейчас на порядок лучше любого россиянина. Они сегодня обеспокоены, прежде всего, интересами своих народов, достойным уровнем жизни каждого своего гражданина. Его интересами, правами, его возможностями самому обеспечивать свой труд, не ограничивая его законом или поборами, а защищая.

Урок идет в прок только тому, кто хочет его выучить и следовать разумному. Этот праздник – День защитника Отечества – тоже для нас со слезами на глазах. Ибо нужно осознать, что не всеобщее и абстрактное отечество в Абхазии или Чечне мы должны защищать, где сходятся интересы корпораций и коррупционеров, политических болтунов и продажных генералов, а научиться защищать СЕБЯ. А каждый из нас – Мы! – есть то самое Отечество, благоустроить, обустроить, обеспечить подлинным человеческим правом – жить достойно, – нужно, прежде всего. Так учит нас История. Да, жаль, что никак не научит...

«Жив ты или помер, главное чтоб в номер репортаж успел ты передать...»

3 мая на планете отмечают Всемирный день свободы печати. Спасибо ИМ за то, что этой датой ОНИ как бы возвращают нас к нашей традиционному советскому празднику – Дню печати, который мы отмечали почти семьдесят лет, теперь лишившись не только общей родины, страны, но и своих традиций...

Всемирный день свободы печати тоже особый и гордый праздник. И мы – советские и теперь российские журналисты вправе, оглянувшись на нашу историю, наш опыт, наши примеры на равных отмечать эту планетарную

дату. Мы не вправе забывать какой ценой нашим коллегам обходится эта СВОБОДА ПЕЧАТИ. Журналисты гибнут на полях сражений по всему миру, пытаясь донести до своего читателя объективную и «горячую» новость, информацию с места события. Наши братья по перу попадают в заложники, становятся жертвами криминала и коррупционеров, попадают под дубинки, струи слезоточивого газа и воды из пожарных шлангов, освещая митинги и демонстрации недовольных людей, протестные операции. Залечивая раны, вновь идут в горнила событий, чтобы люди знали полную правду о дне минувшем, сиюминутном событии...

Свобода печати – это и есть тот долг, который журналист исполняет ради жизни миллионов на земле, отстаивая их и свое право на свободу слова и мысли. В нашем городе, казалось бы далеком от событий планетарного и обостренного масштаба, тоже были есть и будут героями от свободы печати.

Пример непримиримости к извращению прав и свобод выказал еще в 1919 году первый редактор уездной газеты, боец и писатель Артем Веселый. За что и поплатился своей жизнью через двадцать лет. Как коммунист, уничтоженный в бериевских застенках.

На посту редактора мелекесской газеты его сменил 22-х летний коммунист, участник гражданской войны Иван Петрович Кошечкин. Он почти два года продолжал дело Артема, развивая печать в нашем районе. Он не жалел для этого ни сил, ни здоровья. И, возвращаясь с очередного пленума из Самары, по дороге заразился холерой, покинув этот свет в 24 года...

Иван Федорович Кирюшкин, уроженец деревни Кирилловки Мелекесского уезда, еще в 1918-м вступил в Красную гвардию, сражался на фронтах гражданской в составе 217-го Пугачевского и 220-го Иваново-Вознесенского полков 25-й Чапаевской дивизии. После войны работал в органах печати в нашем районе. С 1928-го года в самарских газетах, затем – заведовал отделом в центральной «Правде». Кавалер ордена Красного Знамени всегда отстаивал, как истинный «чапаевец» принципы свободы печати...

С первого дня Великой Отечественной войны на передовой сражались заместитель главного редактора мелекесской газеты «Сталинское знамя» Михаил Кокряшкин и корреспондент Сергей Игнатьев. Первый, слывший в нашем городе талантливым поэтом, добровольцем ушел в ряды Бугурусланской дивизии, где служил политруком саперной роты. А в феврале 1942 года пал смертью храбрых на полях сражений под городком Демидово Смоленской области.

Второй, окончив учительский институт, с 1937 года работал в местной печати. В 1941-м с тяжелым ранением попал в окружение. Но был спасен советскими людьми в тылу врага. Эвакуирован на «Большую землю». Долечивался по госпиталям. Вновь вышел на работу в газету. Но вскоре после Победы, от ран и напряженного журналистского труда скончался прямо на рабочем месте...

После войны в редакциях мелекесских газет появились новые, талантливые сотрудники, воины, прошедшие фронт, хватившие военного лиха и, оттого более обостренно воспринимавшие принципы свободы печати. Это были А.Баширов, В.Медведев, Е.Ларин (ветеран войны, один из основоположников писательского отделения в городе, патриарх местной литературы, выдающий-

ся русский писатель, - и сегодня делает немало для развития печатного слова в нашем крае).

Всю войну, сквозь холод, невзгоды, голод делали нашу городскую газету ее ответственный секретарь Е. Дохтурова и карело-финский писатель-классик, эвакуированный в Мелекесс Тобиас Гуттари. Это их примером служения родине, творческого не увядания, оперативной журналистской хватки, были «заражены» представители нового журналистского поколения, работники печати демократического общества в новой России, несущие идеи этих прав и свобод в массы.

Нам кажется очень символичным, что в преддверии большого торжества 65-летия Победы над фашизмом, мы вспоминаем имена фронтовых журналистов, многие из которых пали на полях сражений, не успев дописать свои репортажи и передать их в редакции. Но многие из фронтовых газетчиков сумели дойти до поверженного Берлина, в рядах первых воинов войти на его улицы, провозгласить на весь мир, что враг всего человечества остановлен и уничтожен в своем логове фашизма. Что настоящая свобода слова и печати ПОБЕДИЛА В ЭТОМ МИРЕ!

Поминальное слово

Редакция альманаха «Совершенно НЕ секретно» напоминает, что 2010 год – год памяти о наших старших товарищах и наставниках: известном советском прозаике, репрессированном в сталинские времена и сосланном в Мелекесс ленинградце Александре ЛЕБЕДЕНКО. Он был одним из основателей городского литературного объединения «Черемшан». Ушел из жизни 35 лет назад;

15 лет исполняется с того дня, как не стало в наших рядах известного в Поволжье журналиста, краеведа, литературоведа, члена Союза писателей Чувашии, автора нескольких книг и сотен публикаций Якова РОГАЧЕВА.

Вечная память Вам, коллеги!

Содержание:

От редакции

С Днем писателя!	4
Русский писатель	7

Краеведение

Генералитет Мелекесса-Димитровграда	14
Наш Матросов	21
Виктор Сысуев. Версии	22

Поэзия

Валентин Манухин. «Не кричите, журавли...»	25
Олег Григорьев. Мелодии осени	38

Дебют в альманахе

Ирина Галинзовская. «...а умру - поэтом»	42
Наталия Глазунова. «И растворяться в небесах»	46

Проза

Александр Надыков. Очаровательная необыкновенность. Рассказ	52
Елизавета Парфенова. Месть. Рассказ	55
Василий Коробоков. Литераторы. Роман	58
Римма Долодаренко. «Х-956-КТ». Очерки	78
Александр Никонов. Ковчег острова Альмендралехо. Роман	103
Хроники, события, факты	152

Литературно-публицистический альманах
Димитровградского писательского отделения Союза писателей России,
Ульяновского регионального благотворительного общественного
Фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД
«ЭГИДА»

Издается с декабря 2008 года при содействии и поддержке
депутата Димитровградской городской Думы первого созыва
М.Б.ВОРОНОВА

ЗАО «Промсервис» (ген.директор А.А.МИНАКОВ)
ООО «ДПЗ» (директор В.В.ДЕГТЯРЁВ)

Редакция выражает им глубочайшую благодарность.

Шеф-редактор альманаха -
член Союза писателей России Александр НИКОНОВ

В выпуске принимали участие:
Литературный редактор - член Союза писателей России В. ГОРДЕЕВ
Фотомастера - В. ЗИНОВЬЕВ, ГДОЛОДАРЕНКО
Художник Г.ГЕНЕРАЛЕНКО
Компьютерная верстка - Т. БЕРЕНДЕЕВОЙ

Послед
Мелекесс

ISBN – 5-85658-028-1

Адрес редакции:
433512, Ульяновская обл., г. Димитровград, пр. Ленина, д.30, оф. 24.
Телефон: 3-37-44.

Произведения авторов альманаха публикуются на безгонорарной основе.
Возможна публикация произведений самодеятельных авторов,
не заказанных редакцией. На договорной основе.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Выпуск отпечатан в Димитровградской типографии:
433510, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107.

Подписано в печать 1.03.10. Формат 60x90\16. Печ.л. 10,0.
Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 1341. ЦЕНА СВОБОДНАЯ.